

ДЖЕЙСОН МОТТ

ИСЦЕЛЯЮЩАЯ

JASON MOTT

THE WONDER
OF ALL THINGS

ДЖЕЙСОН МОТТ

ИЩЕЛЯЮЩАЯ

- Д.А

МОСКВА
2017

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

М85

Jason Mott

THE WONDER OF ALL THINGS

Copyright © 2013 by Jason Mott.

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition is published by arrangement with Harlequin Books S. A.

Разработка серийного оформления *Сергея Власова*

Иллюстрация на переплете художника *Михаила Петрова*

Мотт, Джейсон

М85 Исцеляющая / Джейсон Мотт ; [пер. с англ. С. Резник]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Новинки зарубежной мистики).

ISBN 978-5-04-088788-0

Однажды, во время авиашоу, происходит трагедия — самолет падает в толпу зрителей. Когда дым рассеивается, спасатели находят тринадцатилетнюю девочку Эву целой и невредимой, а рядом ее друга Уоша с сильным кровотечением.

Девочка накладывает на него руки, и его раны исцеляются.

Это ее странная, мистическая способность, о которой никто не знал до катастрофы. Теперь Эва в центре внимания всей страны — газетчики, журналисты с ТВ, блогеры — все требуют ее внимания. А самое главное — сотни несчастных больных, желающих излечения от Чудо-ребенка, стекаются в ее маленький городок. Но они не знают, что за каждое исцеление она платит невероятную цену, принимая на себя болезни и страдания. Вскоре ей предстоит решить, от чего отказаться ради спасения любимых.

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-088788-0

© С. Резник, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

И С Ц Е Л Я Ю Щ А Я

Роман

*Посвящается всем тем, кто помогает
нам преодолеть невероятные трудности.*

НА СЕЙ РАЗ СМЕРТЬ была милосердна.

По крайней мере, так могли бы сказать жители Стоун-Темпла. Стоял конец ноября, и горожане готовились к ранней зиме. В канун осенней ярмарки небо затянуло тяжелые тучи, а это всегда означало, что зима будет суровой. Ярмарка была их способом попрощаться с короткими рукавами, туристическим сезоном, цикадами и яблочным бренди — на крылечке, в лучах закатного солнца.

Гвоздем программы должен был стать Мэтт Купер, обещавший развлечь народ пилотажными трюками. Он был одним из немногих, кто снискал славу, покинув родной край. Стал пилотом передвижного авиашоу и каждый раз, когда выдавалась оказия, прилетал в родной городок на своем маленьком красно-бело-синем биплане, демонстрируя землякам, что их не забыл. Самолетик приземлялся на обширный пустырь, где устраивались все местные праздники и жарились все барбекю. Горожане обожали Мэтта — не столько за его эффектные выступления, сколько за то, что он, в отличие от многих

других, бросавших вызов большому миру, не вернулся домой как побитая собака.

И вот чертово колесо уже торчало над рядами балаганов с аттракционами, павильонами, тележками, где готовились нехитрые сласти, и помостами, на которых проходили соревнования огородников, конкурс на лучший рецепт имбирных пряников и все такое прочее. Здесь собрался весь город, воздух был густ и сладок. Когда день начал клониться к вечеру, Мэтт Купер забрался в кабину самолета и взлетел над землей. Горожане расселись на импровизированных трибунах, а старая силосная башня взяла на себя роль кабины комментаторов. Двое мужчин, поднявшись на нее, объявляли названия пилотажных фигур, которые показывал Мэтт. При этом они то и дело орала о нешуточной опасности, всякий раз именуя Мэтта «парнем из Стоун-Темпла» и «настоящим молодчиной». Народ послушно вытягивал шею и дружно ахал.

10

Самолетик взмыл вертикально вверх. Пропеллер шинковал воздух, мотор натужно гудел, преодолевая резиново-упругую силу тяжести и вознося пилота прямо в небеса. Казалось, он поднялся высоко-высоко, выше окрестных гор. Толпа внизу, не в силах сдерживаться, выдохнула и бешено заплодировала, хотя всем было понятно, что Мэтт Купер их не услышит.

Это случилось, как только схлынула волна аплодисментов. Мотор чихнул раз, другой, третий. И вдруг с неба обрушилась полная тишина. Она длилась и длилась. Самолетик был так высоко, что люди не сразу сообразили: он падает. Какое-то мгновение он даже ка-

зался неподвижным, словно далекая, тусклая красная звездочка. Затем тишину разорвал нудный, протяжный звук: лебединая песнь того, кого в Стоун-Темпле считали лучшим из них. Крик человека, падающего вниз.

Разобрать, сколько времени прошло с начала падения биплана до удара о землю, было сложно. Потом кто-то говорил, что все произошло очень быстро. Другим, напротив, казалось, что этот ужас никогда не кончится.

Тем не менее он кончился.

Мэтт Купер погиб, огонь ярко пылал, силосная башня с сидящими на ней комментаторами рухнула. Вокруг, словно опавшие листья, валялись обломки биплана. Людей охватила паника.

Как бы там ни было, фортуна в тот день была к ним действительно благосклонна. Обломки самолета хлестнули по толпе, будто брызги морского прибоя. Кровь и сломанные кости были, но Госпожа Смерть обошла горожан стороной. Люди пересчитывались, пытаясь одновременно потушить пламя, вырывавшееся из нутра силосной башни. По всему выходило, что единственным погибшим оказался Мэтт Купер, умерший, очевидно, в тот самый миг, когда его биплан врезался в башню. Даже комментаторы, торчавшие там, словно аисты в гнезде, непонятно как выжили. Минуты шли за минутами, каждый ждал, что вот-вот начнут находить трупы и объявят, что население Земли уменьшилось на столько-то человек, но ничего подобного не произошло. Тот день стал воистину Днем Чудес.

Поэтому все страшно заволновалось, когда в «кармане», образованном искореженным железом и облом-

ками бетона, под развалинами силосной башни были обнаружены мальчик и девочка. Башня представляла собой сооружение из стальных труб, и когда в нее врезался биплан, там образовались такие вот «карманы». Ребятишек заметил шериф Мейкон Кэмпбелл — темнокожий трудяга лет под тридцать, которому если что и хотелось бы изменить в своей жизни, то совсем немного. Некоторое время дети казались ему лишь неясными тенями. Потом он понял, что девочка — это его дочь Эйва, а мальчик — ее лучший друг Уош.

Шерифа прошиб страх, будто молнией ударило.

— Эйва! — закричал он. — Эйва! Уош! Вы меня слышите?

12

В ответ дочь слабо шевельнула рукой. Она лежала, скрючившись в позе зародыша, неудобно вывернувшись, словно ленточка, наполовину засыпанная обломками. Однако явно была жива.

— Слава богу, — сказал Мейкон. — Все будет хорошо, сейчас я вас вызволю оттуда.

Эйва подняла на него испуганные, заплаканные глаза. Ее губы дрожали, она начала озираться, будто пытаясь сообразить, как же это все случилось. Казалось, мир нарушил какое-то торжественное обещание, которому она прежде верила. А теперь вокруг себя видела только бетон и сталь. Тяжелые, режущие обломки, готовые в любую минуту обрушиться.

— Ты двигаться можешь? — спросил Мейкон.

Она опять пошевелилась. Сначала медленно и неуверенно подняла руку, затем осторожно приподнялась

сама. Ноги были под бетонными обломками, но, повозившись немного, девочка сумела высвободиться.

— Ты только не дергайся там, — предостерег отец.

Он говорил сквозь небольшую узкую щель, куда можно было просунуть руку по плечо, но и только. Чтобы расчистить завал и добраться до детей, требовались время и помощь. Мейкон обернулся к толпе.

— Здесь дети! — закричал он.

Окончательно вытащив ноги, Эйва увидела Уоша. Тот лежал без сознания, полузасыпанный щебнем.

— Уош! — окликнула она, но мальчик не отозвался; похоже, он не дышал. — Уош! — позвала она снова.

Его лицо было в пыли, на лбу наливалась шишка. Уош был бледным от природы, за что Эйва частенько поддразнивала друга, но теперь бледность была какой-то иной. Он словно бы выцвел, как старая фотография, слишком долго висевшая на свету. А потом она увидела стальной стержень, торчавший у него в боку, и сочащуюся из раны кровь.

— Уош! — во весь голос завопила Эйва и поползла к нему.

— Эйва, не шевелись! — закричал в свою очередь Мейкон, безуспешно стараясь протиснуться в щель. — Дочка, успокойся, тут все того и гляди обвалится.

Но Эйва его не слышала. Не сводя глаз с Уоша, она продолжала пробираться к мальчику. Подползла вплотную и прошептала его имя. Он молчал. Эйва дотронулась до его лица, в надежде ощутить признаки жизни, и склонилась ближе, пытаясь уловить дыхание. Однако

понять что-либо было сложно. Она сама была в ушибах, ссадинах и очень испугана. Каждый ее нерв дрожал, словно струна, и разобрать, дышал Уош или не дышал, никак не получалось.

— Он жив? — спросил Мейкон.

— Я не знаю, — жалобно ответила Эйва. — Но он ранен.

Она потрогала его шею, чтобы нащупать пульс. Однако пальцы так дрожали, что девочка ничего не чувствовала, кроме этой дрожи да гулких ударов собственного сердца.

— Как именно? — поинтересовался Мейкон.

14

Тут наконец прибыли пожарные. Они с добровольными помощниками начали осматривать завал, прикидывая, как лучше его разобрать и вызволить детей.

Эйва слышала голос отца, отдававшего приказы, и ответы людей. Звучали слова «доски», «стальные стержни», «домкраты», «кран»... Вскоре все это слилось в отдаленный бубнеж. Для Эйвы во всем мире сейчас существовали только рана в боку Уоша и его кровь в пыли.

— Я попытаюсь что-нибудь сделать! — крикнула она, обнимая мальчика за плечи.

— Нет! — закричал Мейкон. — Не дергай его, вообще ничего там не трогай!

Но было уже поздно. Едва она потянула тело, как обломки, придавившие Уоша, разом ухнули куда-то вниз. Железный штырь выскользнул из раны, и кровь хлынула струей.

Мейкон принялся звать на помощь, Эйва зарыдала.

— Прости меня, прости, — снова и снова повторяла она, в ужасе заламывая руки, не зная, за что схватиться, словно разрывалась между желанием помочь и страхом навредить.

— Эйва! Эйва! — продолжал звать Мейкон.

Наконец дочь услышала его.

— Прости, — сказала она.

— Не думай об этом. Просто прижми ладони к ране. Прижми сильнее и постарайся остановить кровь. Просто жми, и все.

Зная, что это бесполезно, шериф опять попытался протиснуться в узкую щель. Без результата.

— Дочка, слышишь меня? Прижми ладошки к его боку и надави, — сказал он.

Эйва словно во сне прижала руки к боку Уоша. Почувствовала пульсацию крови, текущей сквозь пальцы. Тогда она зажмурилась и заплакала. Оставалось лишь надеяться и молиться. В конце концов, Эйве было всего тринадцать. Она не вполне представляла, что такое Бог. И даже не была уверена, что верит в него, но все равно молилась. Сейчас она была готова поверить в кого угодно. Все на свете отдала бы, лишь бы ее лучший друг остался жив.

И тут она почувствовала холод. Руки онемели от плеча до кончиков пальцев, их начало покалывать. Голос отца затерялся где-то вдали. Все звуки отступали, исчезая во тьме, сгущавшейся под закрытыми веками, тьме, сделавшейся такой плотной, как никогда в жизни.

Блуждая в этом мраке, Эйва продолжала звать Уоша. Он стоял там, в самом центре темноты, его бледная

кожа едва заметно светилась. Он был покрыт синяками, на лбу — порез, одежда перепачкана цементной пылью, рубашка на правом боку разорвана, из раны текла кровь. Но, похоже, Уош не обращал на это внимание. С ничего не выражавшим лицом он смотрел на Эйву.

— Все в порядке, — произнес он голосом, чем-то напомнившим голос ее матери, умершей пять лет назад. — Все будет в порядке.

И он улыбнулся. Россыпь мелких веснушек на его лице походила на корицу, просыпанную по скатерти. Он рассмеялся — опять голосом матери Эйвы.

16

Эйва открыла глаза. Отец продолжал выкрикивать ее имя. Тело болело и саднило. Она все еще стояла на коленях рядом с Уошем, прижимая ладони к ране, пальцы стали липкими от его крови. Послышался вой «скорой», чьи-то вопли и плач. Люди зарыдали то ли от страха, то ли оплакивая Мэтта Купера, или просто потому, что не понимали, как в мгновение ока праздник превратился в кошмар.

Потом она услышала голос Уоша.

— Эйва, — произнес он, открывая глаза. — Эйва, что это ты делаешь?

Он положил левую руку поверх ее пальцев, прижатых к ране.

— Нет, Уош! — быстро проговорила она. — Мне нельзя их убирать! У тебя кровь! Я должна остановить кровотечение!

Но тут силы ее окончательно покинули, голова закружилась. Так что Эйва не могла больше сопротивляться, и Уош убрал ее ладони.

Там, где прежде тело мальчика проткнул железный штырь, показывая, что в этом мире дети не могут чувствовать себя в безопасности, теперь была чистая, здоровая кожа.

— Что ты делаешь? — снова спросил Уош, поднимая на нее взгляд.

Мир начал ускользать, будто оборвались крюки, на которых он держался. Мерцающее лицо Уоша растворилось в полумраке, затем исчезло, сменившись пустой, безграничной темнотой.

Новость о том, что Эйва излечила Уоша, распространилась со скоростью лесного пожара. Кто-то, оказывается, заснял все на сотовый, видео было выложено в сеть и набрало множество просмотров по всему миру. Оно так и рвалось с экрана, притягивая к себе горящие взоры и будоража воображение целой планеты, издавна лелеющей тайную надежду на существование чудес.

Следующие несколько дней Мейкон провел в больнице, не отпуская руку Эйвы. Он разговаривал с дочерью, хотя она едва ли не все время пробыла без сознания и почти не узнавала отца. Эйва существовала как в тумане, однако видела его лицо и понимала, что с ней что-то не так. Отец казался встревоженным, испуганным, неспособным поверить в случившееся, но вместе с тем — решительным. Точь-в-точь таким, каким был, когда Эйва, играя с Уошем в лесу за домом, напоролась на сучок, воткнувшийся в бедро дюймов на пять с лишком. Отец тогда принес ее домой, посадил на кухонный

стол и принялся осматривать рану, откуда, словно обломок примитивной стрелы, торчал сучок. То же выражение, означавшее, что дело обстоит серьезно, было у него сейчас.

Кроме него в палате находились и другие люди. Стояли, чего-то ожидая. Врачи и еще какие-то с телекамерами и микрофонами. У всех, включая отца, приколоты бейджики. Всякий раз, когда кто-то заходил, из коридора доносились возгласы и сверкали вспышки. Снаружи у двери дежурили трое полицейских.

— Эйва! — позвал ее Мейкон.

Сама того не замечая, она вновь начала проваливаться в сон. Тело просто куда-то уплывало, как воздушный шарик по глади озера. Эйва сделала над собой усилие и подняла веки.

18

— Эйва, ты меня слышишь? — повторил Мейкон. — Эти люди хотели бы кое-что узнать. Я сам задам тебе пару вопросов, хорошо? Представь, что мы тут с тобой вдвоем. Совсем недолго, обещаю.

Стоявший за его спиной мужчина с видеокамерой шагнул вперед и поправил микрофон, лежавший между Эйвой и ее отцом на краю койки. Проверив свое оборудование, он разрешающе кивнул Мейкону. Другой принялся фотографировать. Он все ходил вокруг койки, присаживался на корточки, снова вставал, попеременно снимая то Эйву, то Мейкона, то их обоих вместе.

Шериф легонько сжал руку дочери, чтобы привлечь ее внимание.

— Скажи, такое с тобой уже бывало? — спросил он, и затвор камеры опять резко щелкнул.

Отец продолжал что-то спрашивать, а Эйва никак не могла сообразить, ответила она уже на первый его вопрос или нет. Время текло как-то неправильно. Оно вскипало, словно пузырьки воздуха в воде. И глубина этой воды была ей неведома.

— Как давно ты это умеешь? — спрашивал отец. — Когда это впервые случилось?

Все вокруг заволокло туманным, путаным временем, вдруг в палате загомонили, закричали, требуя нужных им ответов.

— Что вы нам голову морочите! Вы не могли не знать! — обвиняюще орал кто-то.

Крики сопровождалась новыми вспышками камер, направленных в лицо Мейкону, чтобы запечатлеть его для истории.

Эйва видела, что отец еле сдерживается. На нем был его единственный костюм цвета асфальта и голубая сорочка. Пиджак местами потерялся, на спине темнело пятно, оставшееся еще с похорон. Возвращаясь тогда домой в пикапе своего друга, отец испачкался о грязное сиденье. Однако Эйве нравилось, когда он надевал этот костюм.

— Все! Хватит на сегодня! — рявкнул Мейкон, демонстрируя, что он не только отец, но еще и шериф. — Она чуть сознание не теряет. Я не собираюсь ради ваших интересов мучить свою дочь. Придется вам подождать.

Один из врачей, сухощавый коротышка по фамилии Эльдрих, с плохо зачесанной лысиной и побагровевшей от разочарования физиономией, решил подать голос.

— Все-таки спросите ее еще раз, — буркнул он. — Мы же так ничего и не узнали! Ни когда это началось, ни о том, как она это делает. Вы же, шериф, наверняка в курсе. Нам надо провести дополнительные исследования. Неужели вы могли подумать, что вам удастся сохранить подобное в тайне? — Его тон сделался обиженным. — Или вы считали, что вправе скрывать такое от людей?

Фотограф опять защелкал затвором, человек с видеокамерой поправил свой микрофон, чтобы удостовериться, что все записывается. Он уже предвкушал, как смонтирует пленку и наконец предъявит ее миру. И все увидят, что какой-то шериф небольшого городишки в Северной Каролине пытался утаить дочь, которая способна на невозможное.

20

Раздались новые крики, даже ругань, но Эйва уже ничего этого не слышала. Все вновь отдалилось, тьма вернулась, а время скакнуло вперед.

Когда она открыла глаза в следующий раз, то увидела желтоватые плитки больничного потолка. Густой запах антисептика казался марлевой повязкой на лице. К тому же Эйва замерзла. Ужасно замерзла. Рядом бубнил чей-то голос. Она запаниковала, попыталась сесть на постели, но голова начала раскалываться, распространяя по телу такие острые боли, что дыхание перехватывало. Эйва хотела закричать, но не получилось.

Боль затухала постепенно, будто разряд молнии в ночном небе, оставляя после себя лишь содрогание. Между тем бубнеж не прекращался. Голос был низким,

искаженным, он слышался словно из-под воды. Эйва подумала, не начала ли она глохнуть. Звук затянулся на одной-единственной ноте, затем взвился и постепенно стих. Эйва поняла, что там не говорили, а пели. Распознала отдельные слова, тон и тембр... И тут, словно внезапно переключили какой-то тумблер: она узнала этот голос. Слух восстановился, волна облегчения унесла боль.

— Это ты, что ли, Уош? — спросила она, приподнимая голову.

Парнишка с закрытыми глазами сидел на металлическом стульчике, поставленном к стене в ногах ее койки. Одна его рука была поднята, пальцы сведены в знаке «о'кей». Он делал так всякий раз, когда изо всех сил старался взять нужную ноту. Уош и сам знал, что его голос для пения не слишком подходит. Читать вслух получалось куда лучше, и он часто читал Эйве.

21

Услышав ее, Уош прекратил петь и широко улыбнулся.

— Я был уверен, — сказал он.

— В чем?

Ее собственный голос оказался тонким и хриплым. Девочка попыталась приподняться на локтях, чтобы лучше видеть друга, но тело не послушалось. Она рухнула на подушку, не сводя с Уоша глаз. Он был тем же, что и всегда: долговязым тринадцатилетним подростком, книжным червем, каким она его знала. И это было здорово.

— Что ты сразу проснешься, если я тебе спую, — ответил Уош.

— Почему? — гулко, словно через трубу, спросила Эйва.

— Я пел «На берегах Огайо», — сказал он, выпрямляясь и глядя одновременно гордо и заговорщи-чески. — Факт в том, что люди все прекрасно слышат, даже находясь во сне или в коме. Понятия не имею, лежала ли ты в коме, врачи избегали прямо называть так твое состояние, но я точно знал, что, если запою, ты проснешься.

Он неловко похлопал себя по плечу, потом протянул руку к Эйве и разрешил:

— Можешь меня не благодарить.

— Ненавижу эту песню, — заметила Эйва.

22

Она замерзла, все тело болело, кости словно налились свинцом. Когда она подняла руку, та подчинилась, но медленно и неохотно, как будто выполняя приказ мозга только наполовину. Эйва закрыла глаза и постаралась дышать глубоко, размеренно. Это немного помогло.

— До смерти ненавижу, — повторила она.

— Знаю, — кивнул Уош. — Но если бы я запел ту, которая тебе нравится, ты вряд ли бы захотела проснуться, чтобы сказать мне «Заткнись!».

Несмотря на боль, Эйва рассмеялась.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Уош.

— Вашими заботами, — ответила она.

— Черт, — буркнул он, встал со стула и подошел ближе. — Нет, правда, как ты?

— Ужасно замерзла. Очень холодно, и все болит.

Уош направился к широкому шкафчику, стоявшему у углу палаты, и вернулся с одеялом. Пока он шел, Эйва

внимательно на него смотрела. Случилось нечто важное, что она должна была вспомнить. Но при попытке вызвать воспоминания в голове появлялась какая-то муть, похожая на туман, клубящийся над озером лунной ночью.

— Насчет прочего не уверен, но согреться я тебе помогу, — пообещал Уош, укрывая ее одеялом.

— Ты просто чудо, — ответила Эйва, сумев наконец приподняться на локтях.

Улыбка Уоша вдруг померкла, лоб пересекла глубокая морщинка.

— Оп-па, — медленно произнесла Эйва. — У нас образовалась знаменитая мыслительная борозда. Похоже, мы о чем-то задумались. Неважный знак.

— Со мной как раз все в порядке. — Уош стоял у койки, потирая лоб. — А вот ты готова к тому, что тебя ждет? — поинтересовался он каким-то странным, возбужденным и одновременно неуверенным голосом.

— К чему я должна быть готова?

Уош застенчиво завозился, потащил из джинсов подол рубашки. Заправил край трусов, чтобы не было видно, затем, подняв полу, встал боком к Эйве.

— Можешь ты в такое поверить? — спросил он, криво улыбаясь в ожидании ее ответа.

Эйва ощупала взглядом его бледную кожу от талии до ребер. Он был тонким, высоким.

— Во что поверить? В то, что ты способен спрятаться за коробку с кукурузными хлопьями или получить ожог от света фонарика? Это мне давно известно. —

Она рассмеялась было, но смех перешел в кашель, да такой сильный, что из глаз брызнули слезы.

Уош не отреагировал на шутку. Он вертелся перед ней, чтобы Эйва получше разглядела, что на нем нет ни синяка, ни царапины.

— Это ведь сделала ты, — произнес он, опуская полу рубашки, взял пульт и включил телевизор, висящий на стене в изножье койки.

Быстро пролистал несколько каналов, цепко глядя на экран. Он знал, что ищет, и, не находя нужного, мрачнел все больше.

— Еще секундочку. Это даже лучше, если ты не сама вспомнишь, а я тебе все покажу. Иначе ты точно не поверишь.

24

— Уош, ты меня уже достал.

— Цыц! — оборвал он ее, прекратив наконец давить на кнопки.

Передавали новости. На экране женщина в элегантном костюме стояла перед огромной фотографией Эйвы. Понизу была надпись: «ЧУДО-РЕБЕНОК». Следующие несколько минут шли кадры с осенней ярмарки. Самолетик Мэтта Купера кувырчался в небе. Ребяшня и взрослые толпились у балаганов и аттракционов, покупали лакомства. Идеальная картинка, полная солнечного света.

Все это Эйва прекрасно помнила.

Биплан взмыл вверх, послышались низкий гул мотора, восторженное аханье человека, снимавшего ролик, и вдруг рокот стих.

Видео оборвалось, на экране вновь появилась ведущая новостей.

Глядя в камеру, она говорила, сколько жертв могло бы быть, о трагедии, которая так и не случилась. Опять показали фотографию Эйвы из школьного альбома, на которой она улыбалась широко и смущенно. Так обычно улыбаешься, когда тебе не нравится, как сидит одежда. Рассказав, где именно были найдены дети, диктор прибавила:

— И тут началось что-то необъяснимое. Эта девочка, Эйва Кэмпбелл, непонятно как исцелила своего друга.

На экране возникло фото Уоша, только что вытасщенного из-под завала. Крупным планом показали его рубашку, продранную в том месте, где совсем недавно была ужасная рана.

— Мальчик оказался совершенно здоровым, — подчеркнуто медленно, с профессиональной сноровкой повторила диктор.

— Смотри! — крикнул Уош, тыча пальцем в экран.

Оглянувшись на Эйву, он опять, словно в подтверждение показанного в новостях, приподнял рубашку.

— Ты действительно сделала это. В самом деле сделала! — Его радостная улыбка наполнилась изумлением и страхом.

— Не может быть. — Эйва закрыла глаза и замотала головой. — Это шутка, да?

Воодушевление сползло с его лица.

— Ну-ка привстань, — мягко попросил он, опустил рубашку и, приобняв Эйву за плечи, помог ей сесть, потом спустить ноги с койки. Каждое движение отдавалось болью, Эйва то и дело судорожно охала. Уош тоже морщился, словно чувствовал ее боль.

— Что ты хочешь?

— Не бойся, мы быстро, обещаю. Просто ты должна увидеть это своими глазами.

Они вдвоем пересекли палату, Эйва обнимала Уоша рукой за шею, а он бережно поддерживал подругу за талию. Они добрались до окна, и он усадил ее на широкий подоконник.

— Где мой папа? — спросила Эйва. — Почему его нет здесь?

26

— Не волнуйся, — ответил Уош, заглядывая ей в глаза. — Думаю, он сейчас как раз пытается справиться с тем, что я собираюсь тебе показать.

— С чем?

— Посмотри туда. — Мальчик кивнул на окно.

Эйва обернулась. Парковка была плотно заставлена машинами и фургонами, вокруг толпился народ с плакатами и видеокамерами. Люди закричали, ответственно замахали руками. Подход к больнице преграждал полицейский кордон, не дававший толпе прорваться внутрь.

— Что там такое? Чего им всем нужно?

— Тебя, — тихо ответил Уош. — Они собрались тут из-за тебя. Невероятно, да? Ты даже представить себе не можешь, как прославился Стоун-Темпл. И как прославилась ты сама. Люди съезжаются ото-

всюду, лишь бы тебя увидеть. Их сотни, а может, и тысячи.

Действительно, толпа внизу напоминала океан. Там перекатывались волны, вихрились течения приветствий и кивков.

— Поразительно, — протянул мальчик.

— Помоги мне лечь в постель, Уош, — попросила его Эйва.

Боль опять молнией вспыхнула в ней, пустота в животе пульсировала, будто биение сердца. Складывалось впечатление, что у нее ничего не осталось внутри, что ее тело сделалось каким-то неполным. Потом желудок скрутило судорогой, ноги отказались ее держать. Уош не успел вовремя подхватить Эйву, она упала на четвереньки, закашляла. Кашель был тяжелым, лающим, на пол брызнула кровь. Красных брызг становилось все больше и больше.

— Сестра! Сестра! — завопил Уош. — Кто-нибудь! Помогите!

Не переставая звать на помощь, он попытался сам поднять Эйву и затащить на койку.

— Я в порядке, — выдавила она, пока он неуклюже пихал ее на постель.

Кровь на полу она, в отличие от Уоша, вообще не заметила.

— Все будет хорошо, — пробормотал он, услышав приближающиеся шаги.

Эйва закрыла глаза.

— Слушай, прежде, чем сюда придут, — продолжил Уош, — я должен тебя поблагодарить. Спасибо тебе за

то... ну... что бы там ни случилось. В общем, за то, что ты сделала.

— Я хочу домой, — сказала Эйва, вновь чувствуя навалившуюся сонную усталость. — Вот тогда все действительно будет хорошо.

Она представила маленький серый домик в Стоун-Темпле. Краска на стенах выгорела, дерево покоробилось и местами потрескалось, но родной дом для ребенка всегда прекрасен.

— Не надо мне ничего этого, — прошептала она. — Я просто хочу домой.

— Все изменилось, — сказал Уош. — И твой дом теперь не тот, что прежде.

28

Когда девочке исполняется пять, ее мать наконец-то находит нужную колею. Эти двое заключают своеобразное соглашение: Эйва ни на шаг не удаляется от матери, а та — всегда радостна и весела с дочерью. Часто после обеда, когда все дела по дому уже переделаны, а муж все еще на работе, им кажется, что они совершенно одни в этом мире. Тогда они сбегают в горы и исчезают там, просто из любви к исчезновениям.

Хизер идет впереди и, как положено ответственной родительнице, внимательно исследует землю на предмет змей и прочих опасностей, а Эйва, в соответствии со своей ролью, носится туда-сюда, в меру пугая мать. Во время прогулки Хизер размышляет о том, как изменится их жизнь по прошествии лет. Ведь наверняка наступит день,

когда дочь уже не будет в ней нуждаться. День, когда дитя вырастет, превратится в женщину, которая отправится покорять большой мир и, возможно, даже не оглянется назад. Что тогда с ними будет?

— Мама, не отставай! — зовет Эйва.

— Иду, иду, — отвечает Хизер.

Солнце стоит высоко, ветра нет, природа переполнена жизнью. Щебечут птицы, гудят насекомые.

— Мама! — снова окликает ее дочь, скрывшаяся за очередным изгибом тропинки.

В ее голосе прорезаются новые нотки. Хизер не видит дочери, и сердце у нее невольно сжимается от тревоги.

— Что случилось?

— Мама! — вопит Эйва, и Хизер кидается прямо через кусты.

В этот момент она испытывает необоримый страх. Раньше она не догадывалась, что можно испытывать подобное. Точнее, она всегда была трусихой, просто не знала, к чему приложить свои страхи, а теперь ей было за кого бояться: у нее был ребенок.

Добежав до поворота тропинки, Хизер слышит, что дочь плачет. Навзрыд, взхлеб, с какой-то мелкой дрожью, напоминающей звук трескающегося льда.

— Что случилось? — повторяет она, и тут же сама понимает — что.

В густой зеленой траве лежит олениха. Ее шкура того же цвета, что и поздний вечер. Из груди торчит стрела. Животное натужно хрипит.

— Мама... мама... — тянет, словно мантру, Эйва, на ее щеках блестят дорожки слез.

Хизер осматривается в поисках охотника, надеясь, что все можно еще разрешить быстро и безболезненно для оленихи. Никого.

— Она умирает? — спрашивает Эйва.

— Это не твоя вина, — отвечает Хизер, сама не зная почему.

Эйва всхлипывает. Она пытается понять. Как долго это будет продолжаться? И что случится потом? Кто-нибудь ее похоронит? В голове так и роятся вопросы.

30

А у матери нет ответов. Они обе так и продолжают молча сидеть рядом, переживая этот миг, деля с умирающим животным крохотное пятнышко огромного, жестокого мира. Олениха смотрит на них без страха и даже не вздрагивает, когда ребенок осторожно протягивает руку и гладит ее по шее. Оленья шкура куда мягче, чем представлялось Эйве.

Хизер целует дочь в макушку. Они обе плачут.

Дыхание животного становится все реже. Вдруг Эйва хватает стрелу, пронзившую легкое оленихи, и тянет за древко. После секундного сопротивления стрела выходит. Олениха судорожно дергается, испускает звук, похожий на бляение. Эйва отбрасывает стрелу прочь.

— Это не поможет, — предупреждает Хизер.

Эйва всей душой желает только одного: чтобы оленихе стало лучше. Чтобы кровь остановилась. Все, что она хочет, — это чтобы смерть прошла стороной, хотя бы один разок. Она кладет ладошки на рану. Оленья кровь тепла, она струится толчками, в такт биению сердца. Эйва закрывает глаза и ждет. Ждет, когда оленихе станет лучше.

Приходит что-то вроде огня, вспыхнувшего под ее руками, или, может быть, электрического разряда. А затем олениха встает на ноги. Кровь все еще течет, но животное уже в состоянии двигаться, пусть и неуверенно.

Хизер подхватывает Эйву и тащит назад по траве. Тело дочери бессильно обмякает.

— Эйва! Эйва! — тормошит ее Хизер и оборачивается на олениху.

Кровь продолжает капать, но куда слабее, чем могло бы быть. Шаг за шагом, оставляя красные капли на листьях папоротника, животное исчезает в лесу.

— Эйва, пожалуйста, проснись! — снова и снова умоляюще повторяет Хизер.

Минуты ползут одна за другой, переплетаясь, словно виноградные лозы. Наконец Эйва шевелится.

— Я в порядке, мам.

Голос дочери низкий, Хизер едва разбирает ее слова, но, услышав, что дочь говорит, она плачет от радости.

— А олениха? — шепчет Эйва. — Она тоже в порядке? Я очень хотела, чтобы она выздоровела.

Хизер оглядывается на кровавую дорожку, протянувшуюся в глубь леса. Она не может понять, что здесь произошло.

— **ЭТО ВСЕ ИЗ-ЗА ВАШЕЙ ДОЧКИ**, не так ли, шериф? — ворчливо спросил Джон Митчелл и поджал губы, уперев руки в бока.

Джон был шерифом в Стоун-Темпле еще до Мейкона и так и не сумел избавиться от цинизма, приобретенного за годы службы закону. Он был жилистым и, казалось, целиком состоящим из одних углов: острые локти, торчащие плечи, длинный нос и глубокие морщины под глазами, из-за которых Митчелл выглядел хмурым, даже когда был в хорошем настроении. Дети пугались его кислотообразного выражения, хотя бывший шериф был добряком и ребятишек обожал.

Передав дела и значок Мейкону, он по-прежнему каждую пятницу являлся в участок, ревниво следя, как справляется с делом преемник. Хотя речь шла, по большей части, о пропавшем скоте, вечно забредавшем куда-то, или (в зависимости от погоды и сезона) о рыбалке и охоте. Однако сегодня им было что обсудить помимо рыбы и потерявшихся коров.

— Словно ад сошел на землю, — добавил Джон.

— Да, с этим не поспоришь, — кивнул Мейкон.

Оба они стояли у окна в кабинете Мейкона, глядя сквозь щели в жалюзи. Снаружи болтались репортеры с камерами и торчал народ с плакатами. Мейкон отпил глоток кофе, задумчиво наблюдая за этой картиной.

Рабочий день закончился, шериф собирался в эшвилльский госпиталь за дочерью. Ему до смерти не хотелось смотреть на людей, окруживших участок, но и отвести взгляд он не мог. Нужно было понять, а путь к пониманию всегда требует долгих часов, проведенных вопреки своему желанию. Во всяком случае, происходящее лишней раз говорило о том, что весь мир спятил.

34

Он ежедневно ездил в больницу к дочери, и с каждым днем ему было все труднее туда добираться: пробки, демонстранты, репортеры... А приехав, он вынужден был просто сидеть и смотреть, как у нее берут все новые и новые анализы. Врачи и медсестры сновали вокруг как заводные. Они все время донимали их и кололи. Взяли кровь у Эйвы. Взяли кровь у Мейкона. Они, видите ли, предполагали, что способности Эйвы имеют генетическое происхождение, а поскольку ее мать умерла, Мейкон сделался какой-то подушечкой для булавок, которая должна была подтвердить их теории. Еще они взяли образцы костного мозга и ДНК. И вновь, словно древние жрецы, алкали крови, утверждая, что ответы наверняка скрыты в ней.

Рука Мейкона болела: молоденькой медсестричке предстояло, судя по всему, еще долго совершенствовать свои умения. Раз за разом она тыкала иглой мимо вены. После шестой неудачной попытки он решил, что с него хватит.

— Достаточно, — только и сказал он.

После чего ограничил доступ врачей к дочке, без обвиняков заявив, что заберет ее домой при первой же возможности.

И вот этот день настал. Казалось, ими интересуются все на свете. Мейкон никогда не был особенно общительным, и поднявшаяся вокруг шумиха ему очень не нравилась. Земля буквально уходила у него из-под ног.

— Никогда бы не подумал, — проговорил Джон.

— В смысле?

— Что подобное может произойти в городишке вроде нашего.

— Полагаю, никто бы не подумал, что подобное вообще может произойти где бы то ни было, — ответил Мейкон, отхлебывая еще глоток кофе, затем закрыл жалюзи и присел к столу. — И тем не менее это случилось, — кивнул он на окно, за которым шумели люди.

— Не понимаю, почему ты не остался в Эшвилле. — Джон задумчиво качался на каблуках. — С другой стороны, если Эйве стало получше, я бы на твоём месте тоже перевез ее домой. Эшвилль тебе чужой, а здесь, по крайней мере, ты знаешь, на кого положиться. Кроме того, если вконец припечет, тут хватает гор и лесных троп, где можно скрыться от телекамер хотя бы на время.

Кабинет Мейкона был несовременным и крохотным, как сам Стоун-Темпл. Полицейский участок заново отстроили в конце шестидесятых — после того, как в здание ударила молния. С той поры здесь практически

ничего не изменилось, разве что несколько лет назад провели интернет-кабель.

— Правонарушения были? — поинтересовался Джон, косясь в окно. — Вряд ли, конечно, но лучше спросить.

— Правонарушения? Нет. Это вполне обычная публика, просто их чертовски много. И у каждого из них — собственные идеи. Вы в последнее время не ездили по горной дороге?

— Я туда без нужды не езжу. А в эти дни вообще стараюсь города не покидать.

— Даже если бы захотели, не смогли бы проехать. Ну, или потратили бы лишних три-четыре часа, — сказал Мейкон. — Там все забито людьми и машинами. Люди в легковушках, люди в фургонах, в автобусах, на велосипедах, а то и на своих двоих. Ума не приложу, где они все собираются ночевать? Горожане начали потихоньку давать кров и все такое прочее тем, кто готов заплатить, но в любом случае Стоун-Темпл не в состоянии принять всех. Это словно паводок. Причем у меня такое чувство, что мы упустили момент, когда поднимающаяся вода дошла до лодыжек. А теперь эта стихия, — он махнул рукой в сторону толпы за окном, — захлестывает нас уже по шейку.

Джон согласно кивнул, затем приблизился к двери кабинета и выглянул наружу.

— Гляжу, у тебя тут появились новые лица?

— Прислали несколько человек из штата, — пояснил Мейкон и откинулся в кресле, потирая подбородок. — Шутка ли, такая куча разношерстного

народу в городе, причем многие уверены, что случившееся — это какая-то хитрая мистификация. Если бы я лично там не присутствовал, сам думал бы так же. А все, что видели они, — это ролик в Интернете. Ролик, прямо скажем, доверия не вызывающий. Так что тут и завзятые скептики, и те, кто считает Эйву знамением второго пришествия. Противоположные мнения сталкиваются, в итоге — неизбежные безобразия. Хорошо хоть, кто-то наверху сообразил, что нам потребуется помощь.

— И за чей счет банкет? — поинтересовался Джон.

— Не знаю, платят ли им сверхурочные или что-нибудь в этом роде, — пожал плечами Мейкон. — Помоему, большая их часть — из полиции штата. Черта с два, если они местные. Но...

— Что?

— Честно говоря, мне кажется, среди них есть добровольцы.

— Я бы не удивился. — Джон неодобрительно хмыкнул и прикрыл дверь. — Ты приглядывай за ними, Мейкон.

— За кем? За добровольцами?

— Ага. Просто так в волонтеры не идут. Особенно в наши окаянные дни. Всех ждут дома голодные рты. Если эти люди здесь — значит, им кто-то платит. Вполне возможно, они работают на журналюг, что торчат снаружи. — Джон вновь с брезгливой миной кивнул в сторону окна. — Те им отстегивают за информацию, за всякие там пикантные детали, которые потом можно продать таблоидам. Они являются сюда вынюхивать,

выслушивать, а когда их смена заканчивается, отправляются докладывать хозяевам. — Джон вздохнул. — Старый трюк.

Немного подумав, Мейкон сказал:

— Я вроде как и сам об этом догадывался, только не придавал значения.

— Никого из них не отправлял дежурить у твоего дома?

— Отправил парочку.

— Ну, значит, эти заработают побольше прочих.

— Считаете, мне пора начать беспокоиться?

— Да нет, пожалуй. Может, они и собираются срубить доллар-другой, но не думаю, что кто-то из них захочет подставить твою семью. Они будут вас охранять, но и о собственном кармане не забудут. Я бы на твоём месте просто последил за своим языком.

38

Пока он говорил, Мейкон не спускал с него глаз. Старый шериф ерзал на стуле, облизывал губы, зрачки его бегали туда-сюда.

— Может, хватит ходить вокруг да около, Джон? — спросил Мейкон. — Мы, южане, возвели долгие беседы в ранг искусства, но у меня сейчас вся жизнь идет кувырком. Я не могу сидеть и ждать, пока вы наконец доберетесь до сути. Мне пора в Эшвилль, а я уже объяснял, дорога туда занимает теперь часы.

— Как же она это сделала? — Прищурившись, Джон склонился к Мейкону. — Как вылечила мальчика, а?

— Не знаю. Все, что знал, рассказал журналистам, врачам, всем этим биологам, которых они притащили с

собой, двадцати проповедникам, которые мне позвонили, и чертовой куче блогеров, долбящих меня и-мейлами. Мне больше нечего добавить, Джон. Я ничего не знаю о том, что произошло, совершенно ничего.

— Врешь, — буркнул Джон. — Мы с тобой собаку съели на тех, кто действительно не знает, и тех, кто только прикидывается. И мне, видишь ли, сложновато поверить, что ты ни о чем не подозревал. — Он покачал головой. — Не-ет, думаю, все ты прекрасно знал, просто хотел сохранить ее... в смысле, то, что она умеет делать, в тайне.

— Похоже, так думают и остальные. — Мейкон вздохнул. — Но это неверно.

— Зря ты скрывал. Моя жена... — Пальцы Джона выстукивали на коленке какую-то несуществующую мелодию. — Я любил свою жену. Она была хорошей, доброй женщиной. Лучше всех на свете, как по мне. Перед смертью неделю пролежала в той больнице. Врачи сделали все, чтобы ее спасти. По крайней мере, мне так кажется. — Джон наконец оторвал виноватый взгляд от своих барабанищих пальцев и горько посмотрел в лицо Мейкону.

— Напрасно вы затеяли этот разговор, Джон.

— Ты мог бы тогда нам помочь.

Старый прагматичный шериф исчез. На его месте сидел мужчина, два года назад потерявший жену, а теперь вдруг убедивший себя, что этого можно было избежать.

— Джон... — начал Мейкон.

Митчелл только фыркнул.

— Дай-ка угадаю. Ты не знаешь, как она это делает. Вообще ничего не знал о ее способности излечивать людей. Верно?

Но прежде чем Мейкон успел открыть рот, Джон продолжил:

— Какой бы версии ты ни решил придерживаться, учти, не я один буду требовать ответа. Ты не поверишь, но те репортеры всучили мне пять сотен только за то, что я к тебе вхож. Я говорил им, что все равно ничего не скажу, и это чистая правда. Но я не единственный, кто, узнав твой секрет, будет задаваться вопросом, имел ли ты право придерживаться подобное только для себя самого.

40 — Меня об этом уже спрашивали, Джон. А насчет денег, которые тебе заплатили... Я в курсе размера пенсии. Она мала. Всем нам приходится как-то зарабатывать на жизнь.

— Приходится, — решительно кивнул Митчелл. — Со дня появления на свет и до самой смерти приходится как-то жить. И зарабатывать на эту жизнь. В последнее время это стало нелегко.

— Что-нибудь еще, Джон? — Мейкон откинулся на спинку кресла.

В его голосе отчетливо прозвучало нетерпение. Он уважал старика и считал его хорошим другом, но в глазах Джона застыла тень обиды. Тот продолжал думать о Мейбл, воображая, как бы все здорово обернулось, если бы Эйва ее вылечила.

Митчелл бросил на него короткий взгляд. Недоверие, смирение, гнев и смущение последовательно сменялись на лице старого шерифа. Он печально вздохнул.

— В город едет проповедник, — пробормотал Митчелл почти извиняющимся тоном.

— Их здесь теперь как собак нерезаных, — отмахнулся Мейкон. — Оптом уже продавать можно, этих проповедников. А заодно — журналистов. У нас тут разбили лагеря целые церковные конгрегации. Какую ни возьми, все здесь.

— Нет-нет, этот — особенный. Поважнее прочих. Если бы мне только удалось уговорить тебя с ним побеседовать... — Митчелл внезапно умолк.

— Кто таков?

— Преподобный Исаяя Браун. Видел небось по телевизору?

— Вряд ли. Я проповедниками мало интересуюсь, да и телевизор, если честно, не особо смотрю с тех пор, как закончился «Сайнфелд».

— Я не из тех, кто просит об одолжениях, — продолжил Джон, не отреагировав на шутку. — И, разумеется, не собираюсь никого уговаривать...

— Ни слова больше. — Мейкон поднял руку, останавливая старика. — Обещаю подумать. Сколько хоть вам заплатят?

Наконец Джон немного успокоился и перестал дергаться.

— Сам еще не в курсе. Но, полагаю, подобная услуга стоит немало.

— Ну и отлично, — кивнул Мейкон.

— Тогда я ему сообщу. — Митчелл поднялся. — Только скажи мне, Мейкон... Нет, поклянись, что ты правда ничего не знал. Что она не могла помочь Мейбл.

Если ты сейчас мне это скажешь, я поверю и нынешней ночью буду спать спокойно.

Жесткость и агрессия ушли из его глаз. Остался человек, разрывающийся между убеждением, что он сделал все, чтобы спасти свою жену, и ужасной мыслью, что мог бы сделать больше, если бы знал о чем-то заранее. Стена самоуспокоения, которую он возвел вокруг своего сердца, зашаталась. Одно лишь слово Мейкона, и она рухнет, оставив Джона наедине с ненавистью не столько к Мейкону, сколько к самому себе.

— Клянусь, — ответил Мейкон.

42

В его голосе прозвучало раздражение пополам со смущением. Он знал Джона почти всю свою жизнь, но теперь перед ним стоял мужчина, готовый отбросить дружбу и возложить на него вину за смерть своей жены. И все из-за способностей Эйвы. Несмотря на разочарование, шериф задумался о том, как бы сам повел себя на месте Джона.

— Это такая же новость для меня, как и для прочих, — продолжал убеждать Мейкон. — Если бы я мог помочь вашей супруге, я бы помог. Люди всегда должны помогать друг другу, нести друг за друга ответственность. По-моему, насчет этого у нас нет расхождений.

— Хорошо, — выдавил в конце концов Митчелл, неловко взмахнув рукой, то ли прощая, то ли сожалея. — Я тебе верю. Но найдутся те, кто не поверит. Твоя дочь заварила жуткую кашу. Весь мир ищет кого-то, на кого можно уповать. Они придут просить у нее

помощи. И если ты откажешь, неважно под каким предлогом, им это не понравится.

С этими словами он отворил дверь и вышел, оставив Мейкона размышлять о будущем.

— Хорошие новости, малышка. Ты помилована. — Мейкон стоял в дверях палаты Эйвы.

В одной его руке был букетик цветов, в другой — спортивная сумка. Над букетом плыли два воздушных шарика. Надпись на первом гласила «Выздоровливай скорей!», на втором — «У нас девочка!».

— Нравится? — улыбнулся Мейкон, кивая на шарики.

— Кармен придумала? — спросила Эйва, садясь в постели.

Чтобы ее отец по собственной инициативе купил цветы с шариками, — такого она представить не могла.

— Неужели я сам не способен? — Мейкон вошел в палату.

— А где Кармен?

Он положил букет на подоконник. За окном ярко светило солнце. У входа в госпиталь все так же толпились журналисты и зеваки, размахивающие руками и плакатами.

— Дома осталась, — ответил он. — Хотела приехать, но разумнее было воздержаться. Выходить со двора сейчас все равно что нырять в бурное море. Люди повсюду. Носятся со своими плакатами. Кричат. Молятся. Короче, ужас. Чем меньше она и малыш находятся снаружи, тем лучше.

— Одним словом, она не приехала, — подвела итог Эйва.

— Это теперь довольно сложно, сама понимаешь. — Мейкон поставил сумку на кровать. — Я привез тебе одежду. Давай переодевайся. Не то чтобы мы очень спешили, но я бы предпочел, чтобы этот балаган поскорее закончился. — Он уселся на подоконник рядом с букетом, скрестив руки на груди. — Как себя чувствуешь?

— Серединка на половинку.

— Сто лет не слышал этого выражения. Так всегда говорила твоя мать.

— Ага. Вот мама обязательно бы за мной приехала, сколько бы народу ни шастало у дома.

44

Эйва села и спустила ноги с койки. От ступней до самого позвоночника потек холод. После авиашоу она никак не могла согреться. Врачи, в ответ на ее жалобы, бубнили, что все будет хорошо. Хором убеждали Эйву, что все обстоит отлично, чем окончательно уверили ее в обратном. Они видели в ней ребенка, от которого следует скрывать правду, притом что сами не знали, в чем заключается эта самая правда. Без умолку твердили, как далеко продвинулись в понимании произошедшего, но чем чаще они об этом говорили, тем страшнее становилось Эйве. Пусть ей было только тринадцать, она прекрасно понимала, что чем больше вранья, тем хуже правда.

— Все так плохо, да? — спросила она отца, доставая одежду из сумки.

— Ничего, справимся, — бодро ответил тот. — Ты одевайся, одевайся.

С охапкой вещей Эйва отправилась в ванную. Когда она вернулась, Мейкон стоял у телевизора, неудобно запрокинув голову. На экране был вход в госпиталь, внизу шла бегущая строка: «ЧУДО-РЕБЕНКА ВЫПИСАЛИ».

— Господи, что у тебя с волосами? — Мейкон выключил телевизор.

На голове у дочери красовалось настоящее воронье гнездо. Волосы у нее были густые, темные, как патока, при этом Эйва росла неугомонным сорванцом и особого внимания прическе никогда не уделяла.

— Дай-ка мне расческу и садись, — сказал отец.

Она послушно присела на край койки.

За годы, прошедшие после смерти Хизер, еще до того, как в его жизнь вошла Кармен, Мейкон сделался примерным отцом-одиночкой. Сам он не склонен был разделять роли в семье на «мужские» и «женские», но Хизер придерживалась традиционного подхода к родительским обязанностям, поэтому, когда ее не стало, ему пришлось многому научиться, чтобы растить дочь.

Из всего, чему он выучился за время отцовства, самым умиротворяющим ритуалом для них с Эйвой сделалось банальное причесывание. Мейкону нравилось безмятежное спокойствие этих моментов. Теперь Эйве было тринадцать, и совсем скоро она должна была достигнуть возраста, когда дочери покидают отцов ради других мужчин. Мейкон знал, что подобные минуты затишья, когда он может относиться к дочери как к ребенку, а не как к женщине, будут все реже.

— Насколько серьезно я больна? — совсем взрослому спросила Эйва.

Мейкон уже закончил ее причесывать: распутал волосы, расчесал их и завязал аккуратный «хвостик». Он гордился умением справляться со своенравными дочкиными кудрями.

— Не знаю, Эйва. Честно. Видишь ли, на самом деле никто не понимает, что там, черт возьми, приключилось. Почему излечился Уош, и как именно ты это сделала. — Мейкон опустил на койку, словно произнесенные им слова тяжким грузом легли на плечи. — Уош, судя по всему, в полном порядке, они взяли у него кучу разных анализов. Не столько, сколько у них припасено для тебя, но мало ему не показалось. Его даже положили в больницу на пару дней, однако Бренда устроила грандиозную бучу, и ей позволили забрать внука домой. Говорит, он чувствует себя хорошо. Хотя, сдается мне, что-то странное с ним все-таки происходит. — Мейкон принужденно хохотнул. — Будто случившееся недостаточно странно уже само по себе.

46

Он подсел поближе к Эйве, и она склонила голову ему на плечо.

— А что до тебя, моя маленькая волшебница, то ты у нас — один большой вопросительный знак, — продолжил Мейкон. — Меня просто взбесило, что ты тут завязла, как муха в паутине, потому они тебя и выписали. Не хочется признавать, но пришлось основательно покумекать, чтобы понять, как действовать в сложившейся ситуации. Ты не поверишь, какой властью обла-

дает человек, угрожающий собрать пресс-конференцию, если ему не позволят немедленно забрать домой дочь.

— А врачи хотели, чтобы я осталась тут? — поинтересовалась Эйва.

— Кое-кто, — кивнул Мейкон. — Но вовсе не потому, что они опасаются за твое здоровье. Просто рассчитывали продолжить тыкать в тебя своими иглками. В принципе, против анализов я ничего не имею, но они же хотят повторить те, которые уже сто раз делали. Впрочем, никто из них не сомневается, что твоей жизни ничего не угрожает, а большего мне и не нужно. — Он обхватил ее лицо ладонями и поцеловал в лоб. — Я не позволю им забрать тебя насовсем.

— Что со мной не так? — прямо спросила Эйва.

— Они говорят, что-то с клетками крови. Вроде анемии, из-за которой ты постоянно мерзнешь. Возможно, это следствие дефицита железа. По-крайней мере, так они думают. В действительности же никто не может уверенно сказать, что происходит. Если тебе не нравится заключение какого-нибудь доктора, просто подожди пять минут, и получишь новое. — Он откашлялся. — Однако в одном они, похоже, согласны: ты явно пошла на поправку. По-моему, этого достаточно, чтобы забрать тебя из логова. Последние несколько лет я слишком много времени провел в больницах. В этом самом госпитале умерли мой отец и мать. Но тебя я отсюда увезу.

В дверь постучали. Не успели Мейкон или Эйва ответить, как створки распахнулись и внутрь вломилась двое мужчин, одетых врачами. Однако что-то было не

так: слишком молоды, и глаза какие-то диковатые. Мейкон с Эйвой вскочили на ноги.

— Это она! — воскликнул один, у него были темные волосы и нос картошкой. — Помогите нам, — затараторил вошедший, — наш отец, он очень болен. Несколько недель назад у него случился удар, и лучше ему не становится...

Второй, длинноволосый блондин, был пониже ростом, на его верхней губе блестели бисеринки пота. Пока первый говорил, он не сводил глаз с Эйвы. Глаза у обоих были испуганные, умоляющие.

— Отец не может пошевелить правой половиной тела, — прибавил первый.

48

При этом он шумно сопел, торопливая речь звучала неразборчиво. Они явно переоделись врачами, чтобы пробраться мимо охраны. Мейкон двинулся вперед, прикрывая собой дочь. Рука шерифа привычно легла на бедро, нащупывая пистолет, который он по приезде в больницу оставил в запертом «бардачке» патрульной машины. Тогда он начал оттеснять Эйву от мужчин.

Она испуганно выглянула из-под отцовского плеча. Что бы ни говорили Уош и Мейкон о творящемся после авиакатастрофы, она им не очень-то верила. Наверное, просто не хотела. Всегда удобнее сделать вид, что в твоей жизни ничего не изменилось, хотя ты отчетливо понимаешь, что прежнее уже не вернется.

Из коридора послышался топот: кто-то бежал к палате. Блондин оглянулся.

— Твою же мать, — выругался он и потянул брата за руку, давая понять, что пора сматываться, затем за-

стыл, сообразив, что далеко им не уйти, а самое главное — так и не удалось решить свою проблему. Поэтому он обогнул брата и двинулся к Эйве. — Мы просто очень хотим, чтобы папаше стало получше, — продолжил он тоскливо-настойчивым тоном, тыча пальцем в девочку. — Она может сделать для него то же, что и для того пацана. Вот и все, что нам нуж...

Его слова оборвали двое полицейских, ворвавшиеся в палату и повалившие братьев на пол. Тот, у которого был нос картошкой, основательно приложился о линолеум. Из рта у него пошла кровь. Но даже когда коп, упершись коленом ему в спину, защелкивал у него на запястьях наручники, мужчина не сводил глаз с Эйвы, продолжая безмолвно умолять о помощи.

Как и предполагала Эйва, момент выхода из госпитали был ужасен. На них с отцом обрушился смутный вихрь неразборчивых воплей, фотовспышек, стрекотания камер и людей, скандирующих ее имя. Полисмены стояли стеной, отгораживая их с отцом от толпы. Они сформировали коридор, достаточно широкий для того, чтобы можно было пройти к машине, спереди и сзади которой сверкали мигалками полицейские автомобили.

Отовсюду напирало море распяленных ртов, снова и снова зовущих Эйву по имени, и она не могла заставить себя отвернуться. Но каждый раз, когда она силилась разглядеть, кто же именно ее зовет, взгляд застила очередная волна ярких вспышек. Невозможно было сосчитать, сколько здесь репортеров, сколько телекамер или людей, размахивавших плакатами с надпися-

ми «ЭЙВА — ЭТО ИСТИНА» или «ОНА — ЧУДО». Ее взгляд задержался на женщине с плакатом, на нем можно было прочесть: «УМОЛЯЮ, ПОМОГИ МОЕМУ РЕБЕНКУ». Незнакомка с вьющимися светлыми волосами выглядела основательно потрепанной жизнью, у глаз залегли глубокие морщины. Она не кричала, не приветствовала восторженно Эйву, как другие. Просто не отводила от девочки умоляющего взгляда.

Они с отцом сели в машину, и стена полисменов сомкнулась.

— Не так уж и трудно, — пробормотал Мейкон, кладя руки на руль служебной машины, одной из двух, принадлежащих Стоун-Темплу.

50

Врубил сирену на крыше точно так же, как и полицейские машины спереди и сзади. Передний автомобиль тронулся с места, Мейкон последовал за ним, и они медленно покинули больничную стоянку — мимо людского скопища, затем дальше, по улицам Эшвилля, в сторону шоссе.

— Не представляю, как я со всем этим справлюсь, — сказала Эйва, когда толпа осталась позади.

— Делай все, что сможешь, — отозвался Мейкон. — Главное дело — не теряться.

Как и предупреждал Уош, ее дом больше не был ее домом. Прежде Стоун-Темпл был местечком, о существовании которого мир едва догадывался. Городок получил свое название от масонского храма, когда-то высившегося в его центре. Однако уже более восьмидесяти лет назад храм сгорел дотла вместе с изрядной частью города. Население насчитывало около полутора

тысяч человек, а с тех пор как лет двадцать назад неподалеку построили окружную дорогу, Стоун-Темпл сделался местом, куда не попадают даже случайные путники, ищущие лучшей жизни. Впрочем, кое-какие предприятия, поддерживающие существование городка, еще оставались. Так что люди здесь продолжали рождаться, жить и умирать.

На самом деле Стоун-Темпл был замечательно красив. Он словно покоился в колыбели, образованной купами древних дубов и склонами еще более древних гор, по которым петляла дорога. Местами столь крутая, что водитель рисковал слететь вниз, на косогоры, поросшие дубами, соснами и березами, или на немилосердно голые вековечные скалы.

К тому же Стоун-Темпл всегда был спокойным, мирным, если не сказать — сонным, городком.

Теперь все изменилось.

Чтобы проехать по извилистой горной дороге, потребовались часы. Эйва убедилась, насколько все стало иным, прежде чем они успели въехать в город. На убранных окраинных полях, ожидающих следующей посевной, теснились палатки, фургоны и внедорожники.

— Чего им всем нужно? — спросила она отца.

Мейкон поморщился, стараясь смотреть только на дорогу перед собой. Полицейские изрядно потрудились, освобождая им путь, однако не смогли убрать с узкой дороги всех и каждого. Люди выстроились у обочины, а то и на встречной полосе, так что, если бы кто-нибудь захотел уехать из Стоун-Темпла, ему бы это не удалось.

— Похоже, — сказал Мейкон, почувствовав, что может наконец немного отвлечься и ответить дочери, — все эти красивые слова о том, что следует держаться особняком от внешнего мира и хранить Стоун-Темпл в чистоте, мигом превратились в пустую болтовню, едва приезжие раскрыли свои чековые книжки.

Шериф покосился на проносящиеся мимо поля, забитые народом.

— Что ж, жить как-то надо, — философски заключил он.

52

Ближе к городу толпа становилась плотнее. Двухполосная дорога на Стоун-Темпл петляла вверх-вниз по склонам, изобилуя резкими поворотами и крутыми обрывами. Прежде пустая, она была так плотно забита автомобилями, как еще ни разу не приходилось видеть Эйве. Полицейскому эскорту пришлось сбавить скорость, теперь они еле ползли мимо сплошной массы машин. Встречные выкручивали шеи, провожая Эйву взглядами, как зеваки, проезжающие мимо ужасной аварии.

Наконец они добрались до Стоун-Темпла. Тесные улочки также оказались запружены народом. Люди встречали Эйву с воодушевлением, какое обычно выпадает на долю знаменитостей и президентов. Впрочем, ни тех, ни других в Стоун-Темпле отродясь не было.

Никого из этих людей, выкрикивающих приветствия и сжимавших плакаты, Эйва не узнавала. Она и сама бы не смогла объяснить, зачем так настойчиво высматривает в толпе знакомые лица. Вероятно, надеялась, что заметь она кого-то знакомого, градус абсурдности происходящего тут же понизится.

— Их же не будет около дома, правда? — спросила она отца.

Тот смотрел только на дорогу. До сих пор никто не попытался их задержать, но шериф не мог отделаться от мысли, что рано или поздно кто-нибудь выскочит под колеса или прыгнет прямо на капот, как это показывают в новостях.

— Нет-нет, — ответил он торопливо и уверенно, словно ждал подобного вопроса. — Там должны были всех разогнать, едва мы приблизились к городу. Я предлагал подъехать с другой стороны, — добавил он, — ну, знаешь, вверх по Блэксмит-Роуд и потом через лес. Но накануне прошел ливень, так что ребята не захотели рисковать.

У обочины стоял мужчина, подняв над головой плакат: «ПОМОГИ И МНЕ ТОЖЕ». Шериф молча кивнул на него. Они с Эйвой проводили его глазами.

— Просто смирись с этим, дочка, — повторил Мейкон. — Так оно легче. Сперва все будет казаться странным, но потом волны обязательно улягутся. Это, что называется, скоротечное поветрие, понимаешь? Народ взволнован произошедшим, но пройдет немного времени, возбуждение спадет, и они вернуться к обычной жизни. Ничто не вечно.

— Все вечно, — тихо, словно отвечая собственным мыслям, а не отцу, произнесла Эйва. — Взрослые уверены, что все проходит, но это не так. Теперь благодаря Интернету ничего окончательно не исчезает, все где-то сохраняется. Все и навсегда. Больше ничего не пропадает бесследно.

— Хм-м... Глубокая мысль, — заметил Мейкон.

Он хотел использовать иное прилагательное, но понял, что начинает отвлекаться. Они уже почти покинули город. Небольшие строения и тесные улочки сходили на нет, вот-вот должны были показаться поля и рощи, окружающие Стоун-Темпл.

И вот они въехали на узкий горный серпантин, ведущий к их дому.

— Дома нас поджидает Уош, — сказал Мейкон шутливо-неодобрительным тоном.

— А мне-то что за дело?

— Да вы же как Бонни и Клайд с того самого дня, как впервые встретились. Зуб даю, тебя огорчило, что он не приехал со мной забирать тебя из больницы. Будь я юной девицей, и сам расстроился бы, если бы мой дружок не встретил меня после выписки.

54

— Никакой он мне не дружок, — покраснела Эйва.

— Предпочитаешь слово «возлюбленный»? Но разве современная молодежь так выражается? Звучит несколько старомодно, не согласна? — Он игриво пихнул дочь локтем. — Я ж у тебя старикан, и все такое. Не надеешься же ты, что мне удастся идти в ногу со временем? Это вы, нынешние, молодые да ранние, словно... — Мейкон запнулся, затем рассмеялся. — Хотел пошутить, да слово не могу вспомнить.

— А знаешь почему? — краешком губ усмехнулась Эйва.

— Почему?

— Потому что ты — старикан. — Она в свою очередь пихнула его в бок, и оба расхохотались.

Выехали за город. Улицы, запруженные людьми, исчезли, уступив место сельским пейзажам, горам, деревьям и небу, чья яркая послеполуденная синева уже начинала тускнеть, намекая на близость вялого заката.

— Эйва! — заорал Уош, едва она вышла из автомобиля.

Он, его бабушка Бренда и Кармен стояли на крыльце. Свет изнутри лился им на плечи. Уош так размахивал руками, словно они с Эйвой не виделись несколько месяцев. Казалось, он еле сдерживается, чтобы не броситься ей на шею.

— Приветик, Уош, — спокойно сказала Эйва, с трудом устояв от того, чтобы не кинуться к другу.

Оказаться наконец дома и увидеть Уоша — было то же самое, что распахнуть окно в весенний дождь.

Однако рядом находилась ее мачеха, Кармен. Которая уже шла ей навстречу, чтобы первой обнять падчерицу. Кармен была беременна, беременна совершенно очевидно, и передвигалась медленной, утиной походкой. Среднего роста, с резкими, живыми чертами лица, она постоянно улыбалась, несмотря на сложные отношения с Эйвой, временами столь напряженные, что казалось — стены дома вот-вот треснут, не в силах долее сохранять целостность семьи. Родители Кармен были кубинцами. Она родилась во Флориде, но пришлось немало поехать по разным штатам, пока отец искал работу. В конце концов семья осела на Среднем Западе. Отец открыл автомастерскую, а Кармен после школы поступила в колледж в Северной Каролине. Окончив его, устроилась работать учительницей в Эш-

вилле, где и встретила Мейкона — темнокожего вдовца-шерифа, чей неисправимый оптимизм и улыбка ее пленили.

Несмотря на неприязнь Эйвы, не смирившейся с тем, что Кармен — не ее мать, оба они быстро стали необходимы друг другу. Теперь они были одной семьей, и все втроем пытались не унывать.

— Как же здорово, что ты снова дома!

Кармен крепко прижала к себе Эйву. Выпирающий живот мачехи колыхался между ними. Но не успела она заключить падчерицу в объятия, как та ловко вывернулась из них.

— У нас огромные планы на нынешний вечер, — как ни в чем не бывало продолжила Кармен, привыкшая к строптивости девочки. — Бренда сподобилась испечь пирог, а ты ведь знаешь, что она берется за стряпню разве что под дулом пистолета.

— В следующий раз я, пожалуй, возьмусь кухарить, только если кто-нибудь из вас помрет, — заверила, подходя к ним, Бренда — высокая и гибкая, как ива, женщина с короной рыжих волос.

При всей своей тонкости она была сильной и имела властный, даже царственный вид. Мейкон прозвал ее Мстительной павлинихой Пикок, хотя ему хватало ума не произносить это вслух в присутствии Бренды.

— Как ты себя чувствуешь, детка? — спросила та, в свою очередь обнимая Эйву. От нее пахло корицей.

— Почему все меня об этом спрашивают?

— Люди всегда так делают, когда не знают, что сказать, — без обиняков объяснила бабушка Уоша.

— С ней все в полном порядке, — заверил подошедший Мейкон. — А скоро будет совсем хорошо, — прибавил он.

Бренда еще раз обняла Эйву и сказала:

— Ну, чем бы это ни было, мы со всем справимся. Так что не волнуйся понапрасну, детка.

— Хорошо, мэм. — Эйва украдкой выглянула из-под руки Бренды.

— Вижу, тебе не терпится поболтать с Уошем, — заметила та ее взгляд и выпустила девочку из объятий.

Эйва с Уошем стояли под козырьком крыльца. Мальчик был еще бледен, однако выглядел вполне здоровым.

— Привет, — тихо сказал он.

— Надеюсь, ты не собираешься по новой демонстрировать мне свое пузо? Потому что, откровенно говоря, смотреть там особо не на что. Помнишь ту гигантскую зефирину из последних «Охотников за привидениями»? Так вот, один в один — твоя копия.

— Заткнись, — прыснул Уош.

— А мне потом кошмары снились.

— Заткнись! — повторил он и наконец обнял ее. От него пахло сосновой хвоей, травой и рекой.

— Ладно, хорош, — оборвал подошедший Мейкон. — Идемте за стол. Я есть хочу.

Ужин оказался мешаниной из сладостей, вредностей, разговоров о больнице и о происходящем в городе, о том, что пишут в Интернете насчет авиашоу, а также о том, сколько перепостов набрало видео.

Они не говорили лишь об одном, хотя все время ходили вокруг да около. О том, что именно произошло в

тот день. Что и как тогда сделала Эйва. Почему она ни о чем не помнит? Неужто рана действительно просто затянулась? А Уош? На самом ли деле он выздоровел? Взрослые весь вечер упорно молчали, затолкав свое любопытство глубоко в глотки, будто диковинные шпагоглотатели.

После ужина Уош с Эйвой вернулись на крыльцо. Глядя на звезды, они слушали рассказы Мейкона, Кармен и Брендзы, вспоминая о том, каким был Стоун-Темпл прежде, — такое направление приняла беседа после обсуждения репортажей о «вторжении» в город орд приезжих.

— Тебе больно? — вдруг спросил Уош.

— А что у меня должно болеть?

58

— Ну, что-нибудь, — пожал он плечами. — Ты вроде как сама не своя.

— Такому заядлому чтецу следует выражать свои мысли несколько яснее, Уош.

— Чем богаты, — ответил он.

Тут на крыльцо запрыгнул сверчок. Замерев на истертых дубовых досках, насекомое уставилось на детей. Однако петь для них сверчок явно не собирался.

— Во всяком случае, ты понимаешь, о чем я.

Эйва, конечно же, понимала, хотя ни за что бы в этом не созналась. Поняла практически сразу же после того, как очнулась в больнице. В тот день она почувствовала себя настолько хорошо, что смогла самостоятельно подняться с койки и пойти в ванную. Отец бросился ей помогать, но дочка вполне унаследовала материнское упрямство. Оттолкнув протянутую руку, она медленно,

будто улитка, доплелась до ванной комнаты, в то время как Мейкон следил за каждым ее шагом, готовый в любой момент вскочить и поддержать.

— Со мной все нормально, — объявила она тогда отцу, открывая дверь ванной.

Запершись, подошла к раковине. Несколько шагов вымотали ее настолько, что Эйва почти забыла, зачем пришла. Сопя, склонилась над раковиной. Потом, затаив от страха дыхание, подняла голову и посмотрела в зеркало. Там отражалась какая-то незнакомка.

У девочки в зеркале был облик Эйвы, но кожа слишком сильно обтягивала кости лица. Скулы, и так довольно острые (еще одно «наследство» от матери), казались теперь каменными выступами, торчащими из скалы. Темная прежде кожа поблекла, сделалась сухой, шелушащейся и выглядела так, словно вот-вот лопнет и из трещин потечет кровь. Будто лицо обветрилось на морозной вьюге, если не чего похуже. Щеки и лоб усыпаны были какими-то пятнами. Короче, вид до того странный, что Эйва даже задумалась, не мерещится ли ей это.

А еще она подумала, что хуже уже ничего не может быть.

Выписавшись, Эйва в глубине души надеялась, что тот зазеркальный двойник исчез навсегда. Однако Уош, в полном соответствии со своей честной натурой, подтвердил то, что она и сама знала: ничего, по существу, не изменилось.

Казалось, сверчок глядит на них в упор. Из тьмы широкого ночного мира, объемлющего траву и деревья,

звучало тихое пение других сверчков. Удивительно, как такие крошечные существа могут так громко заявлять о себе миру! Их песня становилась все громче, затопляя уши Эйвы и Уоша, заглушая слова — еще не произнесенные, но которые — подростки знали об этом — следовало произнести. Слова о том, что произошло в день осенней ярмарки под развалинами силосной башни.

— Наверное, он больной, — сказал Уош, глядя на безмолвного сверчка. — Иначе не приблизился бы к нам, — мальчик склонился над насекомым, которое даже не пошевелилось. — Точно, больной. Или раненый. Знаешь, как отличить самца от самки? Это легко: стрекочут только самцы.

60

— Что ты несешь, Уош? — Эйва зябко сложила руки на груди, чувствуя охвативший ее холодок.

— Ну, извини, — ответил Уош.

Он осторожно поднял сверчка. Насекомое сидело у него на ладони словно изящная черная статуэтка. Удрать сверчок не пытался, лишь неловко завозился.

— У него лапка сломана, — сказал Уош, протягивая ладонь к Эйве.

Повисла тишина, пропитанная требовательным любопытством и жадной охотой за ответом на каверзный вопрос, засевавший у них в головах. Был только один способ получить ответ.

— Ты всегда это умела? — выдавил Уош.

Эйва раскрыла ладонь, и мальчик пересадил туда сверчка.

— А это важно? — поинтересовалась она. — Это что-то во мне меняет?

— Если ты считала, что должна хранить тайну даже от меня, получается — ты не такая, какой я тебя представлял. Вот и все.

— Мне просто очень хотелось, чтобы ты выздоровел.

Несколько секунд Эйва смотрела на насекомое. В тусклом свете, падавшем из дверного проема, его глянцеви́тая спинка блестела, как речной голыш. Честно сказать, Эйва не знала, что теперь с ним делать. Она взглянула на Уоша, словно прося подсказки, но тот лишь тупо тараторил карими глазами из-под растрепанных каштановых волос.

Тогда Эйва медленно сжала ладонь. Сверчок задергался, пытаясь выбраться между пальцами. Девочка старалась не сжимать кулак слишком сильно, чтобы не раздавить насекомое.

— И что теперь? — прошептала она.

Уош молча пожал плечами.

Эйва кивнула. Зажмурилась и постаралась хорошенько представить существо, сидевшее у нее в руке. Постепенно из темноты в ее голове начал возникать сверчок. Маленький, блестящий, угловатый. Она принялась думать о его сломанной лапке и о том, что сверчок должен выздороветь.

Воображаемый сверчок сделался огромным, поглотив все ее внимание. Затем отступил в темноту, и на его месте появилось нечто напоминающее чертово колесо, пылающее в ночи. Запахло сахарной ватой и яблоками в карамели. Эйва вдруг стала совсем маленькой и по-

чувствовала, что кто-то несет ее на плече. Этот кто-то пах отцом: потом, солидолом и земными заботами. Эйва поняла, что увязла в воспоминании. В чем-то выплывшем из глубин сознания, в чем-то связанном с осенней ярмаркой, куда они всей семьей ходили еще до того, как умерла мама.

За годы, прошедшие после ее смерти, Эйва забыла почти все, что их когда-то связывало. Она не знала, когда именно начала забывать, но отрицать очевидное было глупо. Теперь мать для нее существовала только в двух ипостасях, одной из которых была женщина с фотографий.

62

В первые месяцы после кончины Хизер Мейкон не желал принимать случившееся и маниакально собирал все фото, на которых была запечатлена жена. Он складывал их в коробку, первый год хранившуюся под кроватью, и часто долгими одинокими ночами перебирал фотографии, всматриваясь в лицо жены и пытаясь понять, почему она так поступила, зачем покинула любящих мужа и дочь. Не раз Эйва слышала, как он плакал. Тогда она вылезала из постели, приходила к нему в комнату, садилась рядом и обнимала его, а он продолжал перебирать снимки. Иногда отец рассказывал о том, как и при каких обстоятельствах была сделана та или иная фотография. Если Хизер на снимке улыбалась, Мейкон старался объяснить дочери, что именно вызвало улыбку на лице матери. Вспоминал анекдоты, ласковые вечера и дни, проведенные на пляже. Эйва сидела подле него, слушала и была уверена, что навсегда запомнит рассказы отца.

Улыбающаяся женщина со снимков была первой ипостасью матери. Той, которую проще увидеть и поверить в ее существование. Вот только она не соответствовала воспоминаниям Эйвы. Точнее, единственному воспоминанию, оставшемуся неизменным и четким: мать, свисающая со стропил сарая.

Теперь же, сидя на крыльце с Уошем и держа в ладони покалеченного сверчка, Эйва начала припоминать еще кое-что: счастливую семью на осенней ярмарке.

Открыла глаза. Она по-прежнему сидела на крыльце. Но что-то запершило в глубине ее горла. Девочка перегнулась через перила и тужилась, пока ее не стошнило. Даже в подслеповатом свете они оба увидели кровь по полам с желчью.

— Господи... — прошептал Уош, вскочил и с вытаращенными глазами хотел было броситься в дом.

— Не надо! — прохрипела Эйва. — Я в порядке. Пожалуйста, не говори им ничего.

— Почему?

Эйва выплюнула последний сгусток блевотины. Голова раскалывалась, в костях образовалась знакомая пустота.

— Уош, я не хочу обратно в больницу, — она тяжело дышала и, распрямившись, заглянула ему в глаза. — Пусть это останется между нами. Со мной все будет хорошо. — Девочка улыбнулась быстрой, извиняющейся улыбкой. — Ты что, никогда не видел, как кого-то тошнит? Это еще не повод вызывать «Скорую».

Уош опять сел. Подтянул колени к груди и обхватил их руками.

— Ладно, — наконец согласился он, но в тоне его явственно прозвучали угрызения совести.

— Со мной все будет хорошо, — повторила Эйва. — Правда.

Тут только они вспомнили о сверчке. Когда ее затоснило, Эйва непроизвольно разжала кулак, и насекомое, увы, удрало. Взволнованные дети не увидели в темноте маленькое черное пятнышко, исчезнувшее в ночи. Не расслышали они и его полное жизни тремоло.

Там, в лесном мраке, где должны были бы петь сверчки и сновать совы, раздавался скрип дверных петель и низкое сиплое рычание. Зверь шумно принюхивался, сунув под дверь черный нос.

64

Отец — высокий, сильный, с кожей темнее темного — стоял у окна над кушеткой. Сжимая дробовик, он вытягивал шею, стараясь прицелиться получше.

— Ты не можешь его убить, — сказала мать, появляясь за спиной Эйвы, словно призрак, которым она вскоре станет, и обняла дочь.

Они обе застыли посреди гостиной, будто два деревца, тонких, как тростинки. Их ночные сорочки подчеркивали угловатую хрупкость тел. Мать присела на корточки, погладила дочь по макушке и произнесла тоном, в котором звучал скорее приказ, нежели уверенность:

— Он его не убьет, я обещаю.

— То есть я должен поговорить с ним, так, что ли, Хизер? — огрызнулся Мейкон. — Уважаемый господин Медведь, — строго начал он, — пожалуйста,

прекратите нарушать общественный порядок и возвращайтесь домой, к жене и баночке пива.

— Ты не можешь его убить, Мейкон, — повторила Хизер, едва сдержав улыбку.

— Я готов обсудить варианты. Предлагай. Но не думаю, что существует некое пособие, типа «Беседы с медведями для чайников», а следовательно, мои возможности крайне ограничены.

— Ты не можешь его убить, папа, — эхом вторила Эйва.

Внезапно ее страх за жизнь медведя пересилил страх за свою жизнь. В конце концов, ей было всего пять лет.

— Не убивай его, папочка, — вновь повторила она.

Мейкон с дробовиком в руке, прижавшись к окну, выворачивал шею и косил глазами, всматриваясь в непроглядную тьму. Хотя сотрясающаяся дверь и грозное ворчание подтверждали, что снаружи ничего не изменилось. Медведь по прежнему пытался залезть в их дом.

— Он просто хочет есть, — сказала Хизер.

— Мишенька голоден, — согласно закивала переживающая за медведя Эйва.

Мейкон отошел от окна и приблизился к двери. Постоял, пристально глядя на петли и слушая ворчание ломящегося внутрь зверя.

После чего вернулся к окну над кушеткой. За окном в темноте проступал только изломанный силуэт горы, поросшей лесом, да слегка присыпанное звездной

солью небо. Медведя он по-прежнему не видел, а значит, не мог как следует прицелиться. Таким образом, чтобы застрелить зверя, ему следовало открыть дверь. И тут в голову пришла мысль.

— Эйва, — поинтересовался он, — а ты, случаем, не подкармливала этого медведя?

— Нет! — негодуяюще воскликнула дочь, и медведь отреагировал на ее голос ревом, то ли подтверждая догадку Мейкона, то ли опровергая. Медвежий рык до того точно вписался в разговор, что люди невольно рассмеялись. В этот миг они ясно поняли, что никакое чудовище с острыми клыками ни за что на свете не проникнет в их дом. По крайней мере — не этой ночью.

66

— О'кей, — сдаваясь, вздохнул Мейкон.

Переломил дробовик, извлек патроны и, прислонив оружие к стене у двери, заорал «полицейским» голосом:

— Уважаемый господин Медведь! С вами говорит шериф Стоун-Темпла! Я требую, чтобы вы немедленно покинули это домовладение! Если вы не подчинитесь, я буду вынужден вас арестовать. Мы не принимаем посетителей в столь поздний час.

Медведь притих. Мейкон усмехнулся про себя.

— Поверить не могу, что поддался на ваши угрозы, — сказал он, обращившись к жене с дочерью.

На их лицах была написана благодарность. Как бы там ни было, он пощадил зверя, и они любили его за это.

— Уходите, господин Медведь! — закричала Эйва, глядя на отца, казавшегося довольным, если не счастливым. — По ночам в гости не ходят!

— Столовая открывается в семь! — внесла свою лепту Хизер, и они снова расхохотались. — Утром я поджарю вам яичницу с беконом, может быть, даже оладьи. В общем, что сами пожелаете. Но я рассчитываю на хорошие чаевые!

— И чтоб денежки были настоящие, а не понарошку! — добавила сияющая Эйва.

Они уже дышать не могли от хохота. Звонкий, радостный смех раскатился по маленькому, продуваемому всеми сквозняками домику в самом сердце гор.

— Пойдем-ка. — Хизер взяла Эйву за руку и повела в кухню.

Они вернулись с кастрюлями и принялись колотить в них железными ложками, ходя по кругу. При этом Эйва распевала, стараясь попасть в ритм этого диковинного полутанца-полумарша:

— Столовка откроется в семь, столовка откроется в семь!

Мейкон сгивался чуть не пополам от смеха.

— Вы все слышали, господин Медведь? — скандировала Эйва. — Утром будет яичница с ветчиной! Столовка откроется в семь! А теперь уберите и дайте нам поспать!

Побесновавшись еще какое-то время, они затихли. Хизер с Эйвой прекратили стучать, и все трое прислушались. За дверью было тихо. Медведь ушел.

Они не спали всю ночь, сидели вместе на кушетке, хихикали и болтали о пустяках. Восход застал их свернувшимися в клубочек: Хизер обнимала дочь, а Мейкон — их обеих. Не говоря ни слова, приготовили завтрак и, как обещали, оставили немного яичницы с ветчиной. Затем отправились в лес, отойдя подальше, чтобы медведь действительно не принял их дом за столовую.

— Ох, не надо бы нам этого делать, — только и сказал Мейкон.

Выбрав местечко почище, они выложили яичницу на траву. Эйва, завершая сервировку, сорвала цветок и украсила им кусочек ветчины.

68

— Как вы думаете, мишке понравится? — спросила она родителей.

— Еще бы! — улыбнулась Хизер.

Тут из-за гор показался огненный хохолок солнца. Его луч зажег ореол вокруг головы Хизер, и когда Эйва посмотрела на мать, ей показалось, что та парит над землей, ни с чем в мире не связанная и все же — связанная со всем. Хизер достала из кармана тетрадный листок, на котором было написано: «Столовая открыта с 7.00 до 17.00. Воскресенье выходной».

— Мир не всегда жесток, — сказала она, беря дочь за руку. — Иногда он таков, каким мы хотим его видеть.

БАБУШКА УОША ВСЕГДА ладила с животными, в особенности — с собаками, чем заслужила прозвище Повелительницы псов. Впрочем, Бренду оно не слишком заботило, по крайней мере до тех пор, пока окружающие сохраняли благоразумие и не называли ее так в лицо. Если в окрестностях обнаруживалась бездомная собака или домашняя, но требующая малость подлатать шкуру, их обязательно тащили к Бренде. Многие подопечные оставались у нее на годы, становясь частью домашнего обихода, чему властная старушенция отнюдь не противилась.

69

Годы шли, и жизнь Бренды повернулась самым неожиданным образом. Она вдруг лишилась мужа и дочери (первого унес рак, вторую — автокатастрофа) и осталась с внуком Уошем на руках. Тогда ей показалось, что превратить дом в собачий приют и ветеринарную клинику — вполне логичный способ свести концы с концами и поднять на ноги ребенка.

К тому же она была по-старомодному необщительна, ценила уединение, и ей нравилось, когда собаки преду-

преждали ее о чем-либо прибытии. Этим утром лай поднялся невыносимый.

Сперва Уош разобрал, как хлопнула дверца машины, а затем услышал шарканье бабушкиных тапочек, приближающееся к его комнате.

— Я сама с ними разберусь, — сказала она внуку. — Небось опять треклятые репортеришки пожаловали. Большинство из них поняло мои намеки, но один-другой упрямый баран в отаре всегда отыщется. Чтобы с такими справиться, придется задать им перцу.

Уош надеялся, что это — метафора, хотя полной уверенности у него не было. Бабуля держала около входной двери заряженный дробовик. По семейным преданиям, эту привычку она переняла у своего воинственного кузена с Западного побережья. Патроны к дробовику вечно позвякивали в карманах цветастого бабушкиного фартука, который она носила, хлопоча по дому. Как-то раз она объяснила Уошу: «Мир может подкрасться к тебе незаметно, так что лучше быть готовым дать отпор в любую секунду».

— Ты спи, а я все улажу, — закончила бабушка и направилась вниз, в холл.

— Да, мэм, — ответил Уош.

Накрывшись с головой, он прислушивался к собачьему лаю на заднем дворе. Вскоре раздался звук раздвигаемых занавесок. Судя по всему, бабуля, добравшись до передней части дома, выглядывала в окно, чтобы узнать, кого это принесло в такую рань. Затем до Уоша донесся стук в дверь.

— Черт! — выругалась Бренда.

Уош не смог разобрать, какой именно «черт» был упомянут: для каждого случая у бабули имелись особенные «черти». Щелкнул замок.

— Черт! — снова воскликнула бабуля.

— Салют, Бренда, — ответил низкий и спокойный мужской голос.

— Ага, вижу, волна поднялась нешуточная, — фыркнула бабуля, — раз уж даже тебя сюда принесло. Впрочем, я ожидала чего-то подобного.

— Как поживаешь, Бренда? — спросил мужчина.

— Как сыр в масле катаюсь. Видимо, теперь я должна любезно поинтересоваться, как поживаешь ты?

Уош спрыгнул с кровати и на цыпочках подкрался к двери спальни.

— Оставайся у себя! — прикрикнула Бренда, и Уош застыл на месте.

— Да, мэм, — повторил он.

Он прожил с бабулей всю жизнь и точно знал, когда следует подчиниться, а когда можно и взбрыкнуть.

— Что же... — начал мужчина.

— Что же... — эхом отозвалась бабуля.

— Облегчать мне жизнь ты не собираешься, так, Бренда?

— Назови мне хоть одну причину, по которой я должна это сделать.

Мужчина тяжело вздохнул. И тут Уош узнал этот голос. Наверное, он так долго его не узнавал из-за лая, а может быть, еще не проснулся толком: солнце едва окрашивало небо в янтарно-золотые тона, новый день только-только занимался. Или же потому просто, что

в последний раз он слышал этот голос почти шесть лет назад.

— Папа? — неуверенно позвал мальчик, выходя из спальни.

— Черт, — опять ругнулась Бренда.

Отец был высоким, тощим, и морщин у него с последней их встречи явно прибавилось. Рубец на щеке, полученный в той памятной аварии, унесшей жизнь матери, никуда не делся: перекрученный, отталкивающий шрам, уродливо меняющий свою форму всякий раз, когда отец улыбался.

— Салют, сынок! — крикнул он, когда Уош появился в дверях гостиной.

72

— Зачем ты приехал, Том? — вежливо, но сурово спросила Бренда, словно снежок в каменную стенку кинула. — У меня имеются, конечно, кое-какие идеи, возможно даже правильные, но хочется услышать это от тебя. Своими ушами, как говорится, услышать, как ты объяснишь свое внезапное появление.

— Прекрати, Бренда, — сказал Том, глядя теперь только на Уоша.

— Как поживаешь, пап? — спросил мальчик.

— Нормалек, — ответил тот. — Какой ты у меня уже большой да красивый! Тебе ведь теперь тринадцать, — объявил он, будто показывая, что все эти годы вел счет возрасту сына. — Небось уже и подружка имеется? Если нет, держу пари — скоро она появится.

— Нет. — Уош покраснел.

— Не хочешь связывать себя по рукам и ногам? — Смех Тома прозвучал неестественно в наступившей ти-

шине. — Ну, у тебя вся жизнь впереди, сынок. Успеешь еще поваландаться с женщинами.

— Наверное, — ответил Уош.

— А ты, вижу, внимательно следишь за новостями, — заметила Бренда. — Раз с порога интересуешься подружками Уоша.

— Неужели нельзя, чтобы все было тихо-мирно? — улыбка Тома померкла.

— Почему мне знать? — пожала плечами Бренда. — Думаю, все идет так, как ты сам устроил. Как ты заслужил.

— Бабушка... — начал Уош.

— Я стараюсь, — тихо сказал Том.

— Ясно, стараешься. Теперь, — обрезала Бренда, — когда денежки замаячили на горизонте.

— Какие еще деньги?

— А в чем тогда, черт побери, дело? Ты несколько лет носу не казал, а тут нате вам, объявился. Немного странно, не находишь?

— Я же стараюсь, — твердо подчеркнул Том.

— Ну, бабушка! — заныл Уош.

— Держись лучше от нас подальше, Том, — продолжила Бренда. — Кстати, когда ты в последний раз к бутылке прикладывался?

— Он мой сын, — сказал Том. — Проклятье, Бренда, он же чуть не погиб!

— Верно. Твой сын чуть не погиб. Но тебя с ним не было.

— Бабушка!

Они замолчали, хотя Уош физически чувствовал жар, разливающийся в комнате, как если бы распахну-

ли дверцу раскаленной докрасна печки. Бабушка стояла высокая и прямая. Она смотрела на отца Уоша так, словно желала ему провалиться сквозь землю.

Том же покорно оставался на самом пороге, и сходство с Уошем явственно проступало на его лице.

Попререкавшись еще малость, они в итоге пришли к соглашению. Бренда позволила отцу с сыном провести вместе день, при условии, что они не будут далеко отходить от дома или садиться в Томову машину.

— Оставайтесь поблизости, — наказывала она Тому. — Мне так будет спокойнее. Хотя врачи утверждают, что с Уошем все в порядке, не дай бог ему станет плохо, а меня рядом не окажется.

74

Том поинтересовался, что именно может случиться с мальчиком, и Бренда ответила:

— Если человек предвидит непредвиденное, оно перестает быть непредвиденным. Согласен?

— Наверное.

— И чтобы недолго, — напутствовала их Бренда. — Мой мальчик не бродяга тебе какой-то.

Она стояла у дверцы собачьего вольера и, поджав губы, смотрела, как Уош с Томом поднимаются в гору. Вверх, меж камней, вела протоптанная за многие годы, едва приметная тропка. Мальчик и мужчина шли в высокой траве: Том впереди, Уош — следом. Прежде чем они достигли гребня хребта и скрылись из виду, Уош обернулся, чтобы проверить, смотрит ли еще на них бабушка. Та действительно не сводила с внука глаз. Ее фигура напомнила ему маяк: высокая, непреклонная, исполненная тревожной заботы. Позади

Бренды, в вольере, лаяли и прыгали собаки, предвкушая кормежку.

Уош с отцом перевалили через хребет, и Бренда исчезла.

— Отличный денек, — нарушил гнетущее молчание Том и взглянул вверх. В голубом небе ярко сияло солнце.

— Да, сэр, — согласился Уош.

— Не хочется признаваться, но, если честно, я понятия не имею, что теперь делать. Я-то хотел свозить тебя в кино или что-нибудь в этом роде. Ну, может, заморить где-нибудь червячка. Однако бабка твоя... — Том вздохнул, — она будто....

— Будто насадка, — подсказал Уош.

— Точно. Лучше и не скажешь. — Том обернулся. — Придется нам бродить по лесу.

— А по-моему, это здорово.

Несколько минут шли молча.

— Ты все еще поешь? — спросил Уош.

Воспоминания об отце у него были смутные, но одну вещь он помнил хорошо: как тот пел. В голове одна за другой возникали картинки: отец с банджо или гитарой, страстное лицо (видно, что песня совершенно овладела им). В те недолгие годы, что они прожили одной семьей, этого человека всегда окружали дребезжащие звуки кантри или фолка. Потом отец пропал из жизни Уоша, но музыка осталась.

— Я разучил множество баллад об убийствах, — продолжал Уош. — Эйва утверждает, что они ужасно мрачные, но на самом деле ей нравится.

— Так ты тоже поешь?

— Пытаюсь. Вот только голос... По-моему, он у меня не очень.

— Лучше бросай петь, — резко сказал Том. — Забей на это. Ни к чему хорошему пение тебя не приведет. Послушай моего совета, забудь обо всей этой музыке. — Походка Тома сделалась тяжелой, будто он давил ботинками собственное раскаяние. — А ты в поход когда-нибудь ходил?

— Пару раз. С Эйвой.

Солнце начало припекать, и Уош вспотел.

— Вы, я смотрю, с ней прямо неразлучны.

— Ага.

— Она тебе нравится?

— Конечно.

— Нет-нет, — улыбнулся Том, — я имел в виду, она тебе *нравится*? Ты уже большой мальчик и должен понимать, что это значит.

Уош промолчал.

— Ты девственник? — продолжал допытываться Том.

— Мне тринадцать.

— Я не о том. Вряд ли ты оказался бы первым тринадцатилеткой, который занялся сексом. И уж точно — не последним. Я тебя ни в чем не обвиняю, просто интересуюсь.

Опустив глаза, Уош шагал вслед за отцом.

— Мне — тринадцать, — упрямо повторил он.

— В общем, ответ положительный, я тебя правильно понял? Короче, если хочешь об этом поговорить,

я готов. Лады? Это именно то, о чем пацаны должны разговаривать со своими отцами. Не то чтобы мой собственный отец особо распространялся на подобные темы, но нам же с тобой не обязательно следовать его примеру? — Том поскреб в затылке и вздохнул. — Слушай, а эти, в новостях, не наврали, часом? — Он быстро оглянулся на сына. — Она тебя действительно излечила? В смысле, это чистая правда? Не развод, не газетная утка? — Мальчик промолчал, и Том опять почесал в затылке. — Сейчас бы пивка глоточек, — нервно пробормотал он. — Ну нет у меня опыта родительских бесед. Наверное, я все делаю неправильно.

Пройдя еще немного, они вышли на затененную соснами поляну. Том обошел ее кругом, словно разыскивая что-то.

— А как вы костры разжигаете? — спросил он.

— В смысле? — Уош, уставший куда больше, чем обычно, рухнул на землю и вытянул ноги в прохладной сосновой тени. — Надо было солнцезащитным кремом намазаться.

— Да ничего с тобой не случится, — хохотнул Том. — Ну, так как ты разжигаешь костры?

— Спичками.

— Нет-нет, я имею в виду, можешь ты разжечь огонь без всего? Без спичек или, там, зажигалки?

— Может быть, — ответил после некоторого размышления Уош. — Читал про такое в книжках. Тебе нравится Джек Лондон?

— Слышал про такого. — Том опустился на колени рядом с зарослями высокой травы на краю поляны и

принялся собирать опавшую хвою и сухие щепки. — Ну что ж, сейчас, значит, мы этим и займемся, — произнес он, будто заканчивая вслух какую-то мысль.

Поднявшись на ноги, Том сложил свои находки посреди поляны. Еще раз обошел ее вокруг, по пути пиная и рассматривая камни.

— Чем хороши горы, так это тем, что здесь можно без труда отыскать все, что требуется для костра, — пояснил он. — Не везде, конечно, но мне удавалось запалить костер в таких местах, где вовек никаких костров не разжигали. — Том продолжал пинать камни, и постепенно в его движениях проявилась некая досада. — Очень уж мне не хочется делать это с помощью пары деревяшек, — с потаенным смешком добавил он. — 78
Времени занимает уйму. Не скажу, что игра не стоит свеч (все сгодится, когда надо зажечь огонь), просто сегодня — это не то, что нам нужно. Понимаешь меня?

— Да, сэр, — ответил Уош.

— Ага! — закричал Том, присаживаясь на корточки у кучки сушняка. — То, что доктор прописал. — Он поднялся, держа в руках две каменюги, стряхнул с них налипшую землю. — Вот эти вполне подойдут.

Вернувшись к шишкам и щепкам в центре поляны, Том опустился на колени, сгреб их в кучку, подбросил сухой травы, потом растянулся рядом на животе.

— Это не так-то легко, — принялся объяснять он. — Куда труднее, чем воображают некоторые. Люди думают, что в случае нужды разожгут костер в два счета. А на деле лишь единицы что-нибудь в этом да смыслят.

Мало кто знает, сколько сил требуется вложить, а огонек каждую секунду так и норовит потухнуть.

— Да, сэр, — пробормотал Уош, рассеянно водя палочкой по земле.

Наконец Том решил, что шишки и трава уложены как нужно, и взялся за камни.

— Иди-ка сюда, — позвал он сына. — Я тебе кое-что покажу.

Уош нехотя подошел и присел напротив отца.

— Главное, — начал Том, — рассуждать так же, как огонь, снизу вверх. Огонь занимается внизу, и ты сложи под низ самые тонкие и сухие веточки.

Он пристукнул камнями друг о друга. Брызнула крохотная искорка и тут же потухла.

— Если дует сильный ветер, — продолжал отец, — убедись, что он не затушит твой огонек. Прикрой его чем-нибудь или поищи более подходящее место. Будь сейчас ветрено, мы бы сроду здесь костра не развели. Не вышло бы, и все.

— А можно использовать очки, — сказал Уош.

— Какие там еще очки? — Том сосредоточенно стучал камнями, впившись глазами в пучок сухой травы, подоткнутый под кучку веточек.

— Если человек носит очки, особенно со стеклами потолще, он может зажечь огонь, сфокусировав ими солнечный свет, — затараторил Уош. — Очки сработают так же, как увеличительное стекло, нагреют траву, и она вспыхнет.

— Небось в книжке вычитал? — проворчал Том. — Ну, не знаю, хотя звучит, в общем, правдоподобно. Ты,

главное, не слишком-то доверяйся книжкам. Читать — это, конечно, хорошо, но люди часто забывают о том, что снаружи — реальный мир, живой и настоящий. — Он продолжал стучать камнями, пока над травой не завилась тоненькая струйка дыма. — Вот так, — прошептал Том.

80

Но Уош не видел его огня. Взгляд мальчика сделался далеким. Он вспоминал книги, которые прочитал, места, где побывал в своем воображении, истории, разворачивающиеся каждый день, словно океан, который он создавал внутри себя: год за годом, страница за страницей, слово за словом... Океан все более глубокий, бескрайний, полный радости и грусти, ужаса и предательства, смерти друзей и рокового исхода врагов. И теперь, сидя рядом с лежащим на земле мужчиной, старательно раздувающим крохотный язычок пламени и не видевшим вокруг ничего, кроме этого огонька, который требовалось подчинить, теперь-то Уош понял, кем является его отец и кем он не является.

— Вот так, — повторил с улыбкой Том.

Слабая ниточка дыма окрепла, превратившись в подобие длинной, серебристой цепочки, протянувшейся к небу. Том подбросил в занимающийся костерок горсть сосновых иголок. Огонь сердито зашипел и взметнулся вверх.

— Так-то оно лучше, — приговаривал Том, — так-то мы и заживем.

Остаток дня Уош не говорил с отцом ни о пении, ни о чтении. Ни о фолке, ни о книжных героях, ни о любимых сценах из книг. Он слушал бесконечный рас-

сказ отца об огне, о способах его зажигать и сохранять. Вставлял в подходящих местах «Да, сэ» и улыбался, когда чувствовал, что именно этого от него ждет Том. Улыбался и отстраненно наблюдал, как медленно, частица за частицей, сгорает в пламени тот отец, которого он когда-то себе сочинил.

Все же день, проведенный с ним, заставил Уоша вспомнить те далекие времена, когда они были одной семьей. Лавандовый запах материнских волос, шершавые мужские руки, подбрасывающие сына к небу, по обычаю всех отцов мира. Клубнику с сахаром, которую готовила мать. Отца, смотрящего по телевизору футбол и ругающего на все корки спортивных комментаторов. А еще — каким образом все это закончилось.

Они были в машине, погромыхивавшей по шоссе. За рулем сидел Том, темноволосый и мускулистый. Он вел машину, попутно болтая с женой о том, что она готовит им на обед. Уош, тогда такой маленький, что едва мог выглянуть в окно, был пристегнут к заднему сиденью. Откинувшись на спинку, он смотрел на облака, длящие свой вечный бег, прерываемый разве что крышами зданий, которые Уош помнил с предыдущих поездок за покупками. Мать включила радио и принялась подпевать. Уош поддержал ее, в меру своих силенок. Их голоса вплетались в звуки музыки и редких встречных машин. Голубое небо безмолвно скользило над бесконечным миром.

Вдруг шины завизжали, Том отрывисто выругался, небо как-то необычно перекопилось. Угол обзора стремительно сужался, и до Уоша дошло, что машина пере-

ворачивается вверх тормашками. Корпус сотряс сильный удар. Испуганного Уоша, пристегнутого ремнем безопасности, бросало туда-сюда. Все закончилось так же быстро, как началось. И наступила тишина. Машина лежала на боку. Уош заплакал, принялся звать маму. Она висела на ремне, неестественно изогнувшись, ее руки бессильно раскачивались взад и вперед, точно два маятника.

— Мама! Мама! — надрывался мальчик.

— Успокойся, Уош, — пробормотал Том.

Отец находился в той части машины, которая была на земле. Он суматошно барахтался в своем ремне, пока наконец не отстегнул его. Уош заревел, размазывая кулачками слезы, потом тоже схватился за ремень.

82

— Подожди немного, сынок, — продолжил Том сдавленным от боли голосом.

Тут-то Уош и увидел кровь. Лобовое стекло было разбито, на лице отца кровоточила широкая рана. Том, поморщившись, дотронулся до щеки, кровь текла ручьем. Уош никогда прежде не видел, чтобы у отца шла кровь. Такое чувство, словно рухнула опорная стена.

Мать все так же бессильно висела на ремне. Том обхватил ее вялое тело и, бережно поддерживая голову, кое-как отстегнул ремень безопасности. Она, словно кукла, обмякла на его руках, Том едва удержался на ногах. Уош громко зарыдал.

— Все в порядке, сынок, — сказал ему Том. — Я сейчас, вот только мамочку вытащу.

Стоя на водительской дверце, он осторожно опустил жену себе под ноги, пытаясь сориентироваться в

перевернутом салоне. Потом, перегнувшись через спинку, дотянулся до Уоша, расстегнул ремень и подхватил мальчика прежде, чем тот упал.

— Все будет хорошо, — повторял он.

Но Том ошибся. Когда мать была извлечена из машины, Уош с Томом сразу увидели рану на ее голове. Впоследствии судмедэксперт сказал, что она ударилась виском, когда машина перевернулась и упала со склона горы. Смерть наступила мгновенно.

После аварии жизнь Тома тоже пошла под откос. Днями напролет он валялся в кровати и пил. По ночам Уоша часто будили его рыдания, доносившиеся из-за закрытой двери спальни. Мальчик стучался к нему, спрашивая, что случилось, отец не отвечал. Не отсылал сына в постель, даже не пытался скрыть слезы. Том продолжал рыдать, выкрикивая имя жены, в то время как маленький беспомощный ребенок сидел на полу под дверью его спальни.

Тогда бабушка начала забирать Уоша на выходные. Постепенно уик-энды растянулись на целые недели, пока наконец Том, присев как-то на диван рядом с сыном, не объявил:

— Мне нужно ненадолго уехать.

Он произнес эти слова ровным, глухим голосом. Рана, полученная в аварии, зажила, превратившись в шрам, который, очевидно, должен был остаться с ним до конца его дней. Длинный рубец, бросающийся в глаза, как пустота, оставленная после себя смертью.

Это случилось шесть лет назад. Теперь Уош сидел на поляне с человеком, очень похожим на отца, каким он

его помнил, но который им, конечно, не являлся. Уош тоже больше не был тем маленьким мальчиком. Оба они стали чужими. Незнакомцами, поселившимися в телах людей, когда-то любивших друг друга.

— Еще пять минуточек! — крикнула Кармен.

— Ты говорила это пять минут назад! — заорала в ответ Эйва.

Обе они обретались в разных концах дома: Кармен в своей ванной, куда она бегала уже в третий раз за четверть часа, Эйва — в своей, где упорно сражалась с непокорными волосами. Намечался визит к доктору Арнольду.

84

После того как их мир рухнул, мачехе с падчерицей волей-неволей приходилось много времени проводить вместе. После того случая в больнице, когда в палату ворвались двое мужчин, стало ясно, что ходить в школу Эйве небезопасно, и она торчала дома. Вокруг дежурило все больше полицейских. Пока им удавалось как-то сдерживать толпу. Шериф, разумеется, не мог постоянно находиться с дочерью, так что Эйву опекала Кармен, чему девочка была не слишком рада, чувствуя себя словно под домашним арестом.

Вполне достаточно, чтобы начать бояться внешнего мира.

День за днем, час за часом они действовали друг другу на нервы. Эйва раздражалась по малейшему поводу, разворачивая настоящие сражения из-за всяких пустяков. Как то: выбор телепрограммы, пестрые занавески, повешенные Кармен на кухне... Иначе говоря, мелочей,

из-за которых, по большей части, и происходят семейные баталии.

Кармен же только улыбалась, всякий раз протягивая падчерице оливковую ветвь.

Сегодня Кармен нужно было посетить своего врача для планового осмотра, а Мейкон задержался на работе и не смог сопровождать жену. Шериф старался участвовать во всем, что было связано с будущим ребенком, но когда он уже собрался покинуть участок и отправиться к доктору Арнольду, зазвонил телефон: в город нагрянуло очередное религиозное братство. После происшествия, в Стоун-Темпле обосновалось уже несколько подобных организаций, однако эта, похоже, была особенной: более многочисленной, сплоченной и дисциплинированной. Прибыло несколько десятков человек, собиравшихся поставить в парке громадный шатер. Все это было достаточно серьезно, и Мейкон просто обязан был поприсутствовать, чтобы напомнить всем: в городе имеется шериф. Людям приходится напоминать о таких вещах.

Кроме того, его присутствия на подобных мероприятиях требовали кое-какие бюрократические формальности. Бумаги, и все такое прочее. В конце концов, он действительно был шерифом Стоун-Темпла.

В результате к врачу с Кармен пришлось отправиться Эйве. Мейкон торжественно поклялся, что это — первый и последний осмотр, который он пропустит. Впрочем, был и положительный момент в том, что Кармен с Эйвой поехали в этот раз без него. В последнее время Мейкон только и думал, как бы их примирить. Если

им требовалось куда-нибудь поехать, он отговаривался срочной работой или головной болью, а потом, стоя на крыльце, наблюдал, как они вдвоем уезжают из дома, и старательно махал рукой, пока машина не скрывалась из виду. Он как будто надеялся, что его образ, запечатленный в их памяти, станет клеем, который не позволит дочери и жене отдалиться друг от друга в отсутствие отца и мужа. И хотя он не поручился бы за эффективность избранной им методы, все выглядело так, что две главные для него женщины потихоньку начинают притираться друг к другу. Что ни говори, а даже скромные победы — это все-таки победы.

86

Однако главные надежды он возлагал на будущего ребенка. Если все прочие усилия окажутся напрасными, новая жизнь станет теми узами, которые свяжут Кармен и Эйву. Мейкон часто представлял, как жена и дочь вместе сидят на кухне: кормят малыша, хохочут, когда тот выплевывает овощное пюре... В его мечтах Кармен, Эйва и младенец шли ему навстречу: Эйва держала под руку Кармен, а та — катила детскую коляску. Сам он ждал их на крыльце дома и махал им рукой, готовый заключить в объятия всех троих. Эти видения бережно хранились в самом потаенном уголке его души. Они были слишком хрупкими, чтобы делиться ими с кем бы то ни было.

Но сегодня Эйва, ничего не сказав отцу, разрушила его хитрый замысел. Узнав, что он не приедет, она спросила Кармен:

— А как насчет Уоша?

Мачеха не возражала, чтобы мальчик послужил буфером между нею и падчерицей, и охотно согласилась.

Дом они теперь покидали только в сопровождении полицейского эскорта, постоянно дежурившего во дворе. Полисмен стучал в дверь, они выходили, садились в машину и ехали: полицейский автомобиль — впереди, они — следом. Вторая полицейская машина двигалась сзади. Сразу за подъездной дорожкой толпился народ. Едва завидев их, люди принимались вопить, отовсюду сыпались, будто конфетти, вопросы. Собравшиеся требовали объяснить, как Эйва излечила Уоша и почему Кармен с Мейконом «держали все в секрете».

— Не перестаю удивляться людям, — сказала Кармен Эйве, когда толпа наконец-то осталась позади и они смогли набрать нормальную скорость.

По пути заехали за Уошем. У дома Бренды никого не было. Всех интересовала только Эйва, а не мальчик, которого она спасла. Въехав в город, они вновь угодили в людской водоворот, но никак не прокомментировали увиденное. Потихоньку учились делать вид, что ничего не происходит.

Доктор Арнольд принадлежал к той вымирающей породе сельских врачей, которых можно назвать мастерами на все руки. Число недугов и хворей, которые не мог излечить или хотя бы облегчить доктор Арнольд, стремилось к нулю. Ему много раз доводилось наблюдать женщин, чья беременность проходила куда тяжелее, чем у Кармен, и помочь появиться на свет здоровым малышам. Он уверял, что и с Кармен, и с малышом все будет

в полном порядке, а доктор Арнольд никогда не боялся признаться, если ситуация оказывалась ему не по зубам.

У входа их поджидала Долорес, жена доктора, с кувшином чая со льдом. Она поздоровалась с Кармен, детьми и улыбнулась широкой, как рассвет, улыбкой.

— Входите, — торжественно сказала Долорес и побагровела.

Ей было под семьдесят, она немного прихрамывала и вечно стряпала что-нибудь вкусенькое пациентам своего мужа, неважно, приезжали они всего лишь на плановый осмотр или оставались в клинике несколько дней. Долорес Арнольд верила, что еда — лучшее лекарство, и готова была потчевать всех, кто постучится к ней в дверь.

88

— Входите, я сейчас все организую. — Старушка показала на свой кувшин с чаем. — Еще у меня есть апельсиновый сок, на случай, если вы предпочитаете его чаю. Некоторые считают, что утро — не самое подходящее время для чаепития, что же до меня, я думаю, что чай уместен всегда.

Она была переполнена радостным энтузиазмом, который, казалось, снимал с нее груз прожитых лет. Не выпуская кувшина, Долорес по очереди обняла Кармен, Эйву и Уоша.

— В общем, не верю я во всякие там глупости, — закончила она.

Дети вежливо, один за другим, обняли старушку.

— Располагайтесь пока, а я что-нибудь вам приготовлю. Я всю ночь не спала, ожидая вашего приезда. Наверное, вы сейчас подумали, что я могла бы не си-

деть в это время сложа руки, а приготовить что-нибудь заранее? — засмеялась Долорес.

Она изо всех сил старалась вести себя так, чтобы не смущать Эйву. Арнольды знали девочку с самого рождения и обращались с ней соответственно, но теперь-то все изменилось. Долорес погладила Эйву по плечу.

— Я так волнуюсь, — прибавила она.

— Не надо для нас ничего готовить, — попросила Кармен, снимая пальто и вешая у двери. Долорес только отмахнулась и проводила их в смотровой кабинет.

Комната когда-то служила спальней одному из семи детей доктора Арнольда, давно покинувших семейное гнездо. В этой маленькой комнатке имелось некое очарование, пришедшее с годами: мелкие царапинки на полу и стенах, пожелтевший снеговик из папье-маше на каминной полке... Все выглядело так, словно в тихих уголках дома вот-вот вновь раздастся детский смех.

89

Кармен осторожно примостилась на краю кушетки, Эйва с Уошем устроились в небольших креслах у стены.

— Муж скоро придет, он сейчас по телефону разговаривает, — сказала Долорес и подмигнула Эйве. — Просто представить не можешь, как я горжусь, что ты посетила мой дом. Надо же, настоящая целительница! До сих пор в голове не укладывается. Эйва, ты у нас — ходячее чудо! — Глаза женщины странно бегали, она смотрела на Эйву, ожидая ее ответа.

— Это я научил ее всему, что она знает, — объявил Уош, развалившись в кресле, и в свою очередь подмигнул Долорес.

— Да все в порядке, деточка, — ничуть не смущаясь, продолжала та. — Не нужно ничего объяснять. Могу себе представить, во что превратилась твоя жизнь. — Она помолчала, видимо действительно что-то представляя. — Так чем же вас угостить?

— Спасибо, мне ничего не надо, — ответила Эйва.

— А я бы выпила чаю, — сказала Кармен.

— Конечно-конечно. — Долорес схватила за кувшин, оставленный на столе у двери.

— А мне бурбон, пожалуйста. Односолодовый, — важно произнес Уош и снова подмигнул старушке.

Последняя наконец-то сообразила, что мальчик шутит.

90

— Посмотрим, что тут можно придумать, — хмыкнула Долорес и вышла из кабинета со своим кувшином.

Она вернулась с двумя высокими стаканами чая, в которых постукивали кубики льда. Впрочем, поход за напитками ни в коей мере не изменил ход ее мыслей.

— Как это бывает, когда к тебе приковано столько глаз, Эйва? — поинтересовалась она. — Вижу, вас теперь даже полиция сопровождает.

— Ничего, справляемся, — бодро ответила Кармен.

— Ох, воображаю, с чем вам приходится сталкиваться. — Взгляд старушки то и дело возвращался к Эйве.

— Не беспокойтесь, Долорес, она никуда от нас не денется, — кивнув на девочку, сказала Кармен.

Долорес с Эйвой покосились на нее. Каждая поняла ее реплику по-своему.

— Знаю, — обиженно произнесла Долорес. — Просто я поражена всем случившимся. Это же чудо, истинное чудо, не правда ли?

— Ну да, чудо, — согласилась Кармен. — Извините, мне не следовало язвить. — Она вздохнула. — Видимо, нам всем еще надо учиться, как с этим жить.

Допив чай, она вернула стакан Долорес и вдруг схватилась за живот.

— Простите, не могли бы вы оставить нас на минутку, Долорес? Ребенок зашевелился, а мне еще надо перекинуться парой слов с Эйвой и Уошем наедине, мы быстро.

— Конечно-конечно, — закивала хозяйка. — Наверное, я утомила вас своей болтовней. Это просто изумительное, невероятное божье благословение, вот что это такое, — добавила она, прежде чем выйти из кабинета. — Надеюсь, вы это понимаете. — И она наконец ушла.

Эйва, Кармен и Уош помолчали. Шаги Долорес, сопровождаемые позвякиванием кубиков льда в кувшине с чаем, удалялись по направлению к кухне.

— Когда-нибудь это закончится, — сказала Кармен Эйве, уставившейся в окно на плывущие по небу серые тучи. — Всему когда-нибудь приходит конец. Нужно только кое в чем разобраться, а потом все будет хорошо. — Она вытянулась на кушетке, не отнимая рук от живота.

— Кармен права, — поддержал ее Уош, одним глотком прикончил свой чай и поставил стакан на пол. — Сейчас все будто с ума посходили, но со временем,

думаю, они перебесятся. — И он поскреб затылок совершенно отцовским жестом. — Точно, — уверенным тоном добавил Уош, — они перебесятся.

— На мой взгляд, они уже почти успокоились, — сказала Кармен. — Или я просто начинаю привыкать. — Ее губы на миг искривились. — Помнишь, когда Мейкон только-только забрал тебя из больницы? Творящееся вокруг выглядело совершенно абсурдно. Теперь же, оглядываясь назад, я изменила свое мнение. С другой стороны, лучше не становится. Каждый день в город прибывают все новые и новые люди. Я и вообразить себе не могла, что придется ездить к врачу под охраной полицейских. — Она покачала головой. — Но я уверена, что мы справимся.

92

— Ты не приехала за мной в больницу, — произнесла Эйва, оторвавшись наконец от окна. — А мама бы приехала.

Уош открыл было рот, но тут же захлопнул и уставился на Кармен.

— Ничего, — сказала она ему, со стоном вытягиваясь на кушетке. — А если бы я приехала, Эйва? Тогда ты бы заявила, что твоя мама осталась бы дома и испекла бы торт к твоему возвращению? Не так ли?

— Нет, она бы обязательно приехала, — невыразительным голосом повторила Эйва. — Ей бы захотелось побыть со мной.

— А я и была с тобою, Эйва. Спала там, на этих чертовых креслах рядом с Мейконом. Ты была без сознания, так что можешь мне не верить. — Она заерзала,

устраиваясь поудобнее. — Там, в палате, я понимала, что вряд ли мне это зачтется, но все-таки не уезжала. Потому что именно так поступают матери. И мачехи тоже.

В голосе Кармен не слышно было ни злости, ни раздражения. Вдруг она резко вдохнула и медленно, с наугой выдохнула, уставясь на свой живот.

— Ребенок бьет ножками, — пояснила она.

— А можно мне потрогать? — вскинулся Уош.

— Конечно, — ответила Кармен.

Вскочив, Уош приблизился к кушетке, неуверенно протянул руку и застыл, не решаясь. Кармен и прежде позволяла ему трогать свой живот, чтобы почувствовать, как шевелится ребенок, но благоговение, которое он при этом испытывал, не уменьшалось. Уош всегда ждал, когда Кармен сама возьмет его ладонь и приложит к своему животу.

Кармен так и сделала. Потянулись секунды. Наконец Уош почувствовал как будто слабый удар.

— Здорово, — глупо улыбнулся он и убрал ладонь. — Ты обязательно должна это испытать, Эйва. — Уош подошел к девочке и, взяв ее за руку, подвел к кушетке.

Эйва замаялась.

— Вот сюда, — показала Кармен и приложила ладонь Эйвы к животу. — Подожди немного.

Вся троица затаила дыхание. И ребенок зашевелился. Толчок был мягким, словно малыш поздоровался с Эйвой.

— Ну как? Почувствовала? — засмеялась Кармен.

— Ага, — ответила Эйва, понимая, что злость ушла, уступив место восхищению. — Ведь это ж надо, там — настоящий человек. Прямо не верится. Это... это грандиозно!

— Это — все и вся, — произнесла Кармен. — Ощущаешь полноту жизни, как никогда прежде. Я себе такое и вообразить не могла, словно все-все — земля, деревья, небо, звезды — помещается внутри тебя.

Эйва не убирала ладонь с живота Кармен, и вселенная изнутри постучалась вновь. Все трое засмеялись, радуясь происходящему волшебству.

94 — Эйва, — тихонько позвала Кармен, продолжая удерживать руку девочки на своем животе.

— Что?

— Ты ведь мне скажешь... — Она глубоко вздохнула, заглядывая в глаза девочке. — Скажешь, если что-то пойдет не так? С ребенком, я имею в виду? Если вдруг что-нибудь почувствуешь?

Эйва молчала.

— Мне жаль, — сказала Кармен, все еще не отпуская руку девочки. — Нет, я совсем не жалею, что спросила. Я ведь даже не знаю, в чем заключается твой дар или что там у тебя. Но ты нам поможешь, да? Так, как помогла Уошу? Если узнаешь, что малыш болен, ты ему поможешь, правда?

В лице Кармен Эйва увидела то же выражение, что и у других. У многих сотен людей, жаждущих помощи. Жаждущих надежды. Больных, перепуганных, с иско-

верканными жизнями. Людей, мечтающих о том, чтобы ужасы, преследующие их темными ночами, развеялись без следа.

— Ты поэтому сделалась вдруг такой добренькой? — процедила Эйва и отдернула руку.

— Прошу тебя, Эйва, — прошептала Кармен, охрипнув от страха. — Ты просто ничего не понимаешь, не можешь понять.

Она попыталась снова схватить девочку за руку, но та попятилась.

— Эйва, я уверен, она ничего такого не имела в виду... — начал Уош.

— Конечно, не имела, просто ей кое-чего от меня нужно, — огрызнулась Эйва. — Как и всем им.

— Однажды я уже потеряла ребенка, — сказала Кармен. — Он родился ночью, но не дожил и до рассвета. Я стараюсь об этом не вспоминать. Хотелось бы вытравить случившееся из памяти. Тогда, как и в этот раз, беременность протекала тяжело, и после родов врачам пришлось со мной повозиться. Я очнулась днем, ожидая увидеть моего малыша, но обнаружила только свою мать, сидевшую в кресле у изножия кровати. Едва я открыла глаза, она зарыдала, не произнеся ни слова. — Кармен вытерла слезы. — Потеря ребенка ломает жизнь. И уже неважно, что тебе говорят, как улыбаются и сколько времени минуло с тех пор... Рана не затягивается. Не уверена, что переживу такое во второй раз. — Кармен вздохнула, словно освободившись от старой, гнетущей тайны.

Они с Эйвой смотрели друг на друга настороженно, словно чего-то ожидая. Затем Эйва, не говоря ни слова, выбежала из комнаты.

— Я схожу за ней, — бросил Уош и выскочил следом, в свою очередь скрывшись за дверью.

Почти сразу же в смотровой появился доктор Арнольд, Кармен быстро вытерла слезы, пряча свой страх.

— Ну? Как мы сегодня себя чувствуем? — осмотрев ее, поинтересовался доктор — лысеющий толстячок, энергичный и улыбчивый.

Кармен он напоминал чем-то Билла Косби, вот только тот не был ирландцем. Один вид доктора приводил ее в хорошее самочувствие.

96

— Как обычно, — ответила Кармен, садясь.

— Давление, пульс и другие жизненно важные показатели у тебя в норме. Как и у ребенка. Есть, правда, подозрение на небольшую отслойку плаценты, но беспокоиться совершенно не о чем.

— То же самое вы говорили и в прошлый раз.

— Потому что и в прошлый раз было то же самое, — улыбнулся доктор. — Давайте смотреть в лицо фактам, моя дорогая. Вы — совершенно здоровы и носите совершенно здоровое дитя.

— В последние дни я чувствую боли, — возразила Кармен, машинально потирая живот. — Болит и болит. Все, кроме ребенка. Мне кажется, что в нашей с ним связке я — слабое звено. Не знаю, понимаете ли вы, что я хочу сказать.

— Питаетесь как?

— Нормально. Ем все, что нужно.

— Хорошо... — доктор Арнольд задумчиво кивнул. — А с Мейконом вы об этом говорили?

— Разумеется. Но он ведь не врач. — Она усмехнулась, но тон ее был абсолютно серьезным.

— Знаете, Кармен, — доктор Арнольд поерзал, удобнее устраиваясь на вертящемся табурете, и сложил руки на груди, — я на все готов пойти, лишь бы у вас отлегло от сердца. Если вам требуется мнение другого специалиста, я могу порекомендовать врача из Вирджинии, которому полностью доверяю. Он проведет самый тщательный осмотр, а когда вы вернетесь, мы еще раз все обсудим. Но повторяю, вам действительно не о чем беспокоиться. У будущих родителей всегда нервы на взводе.

Все это было произнесено с такой теплотой, участием и уверенностью, что Кармен, как всегда, ему поверила. Ведь он работал врачом в этом городе, можно сказать, всю свою жизнь. Когда на вечеринках его спрашивали о работе, доктор Арнольд говаривал, что помог появиться на свет такому количеству малышей, что давно сбился со счета.

— В общем, с вами все будет в порядке, — заключил доктор.

— Вы уверены? — дрожащим голосом спросила Кармен.

— Совершенно. С вами все будет в порядке, по той простой причине, что вы — в полном порядке. Это мое профессиональное суждение. Вам нужно просто поверить в себя.

Был самый разгар лета. Воздух звенел от жужжания насекомых, влажная духота давила, словно жернов, но Хизер, не обращая внимания на палящее солнце, упорно копала яму в дальнем углу двора. Из окна за нею наблюдала Эйва. Земля была твердой, пот, словно струи дождя, стекал по лицу матери.

Хэк, хэк, хэк — ритмично, с натугой врезалась лопата в пересохшую почву. Эйва не понимала, зачем нужна эта яма, однако решила помочь: мать казалась взмыленной от жары. Спрыгнув с подоконника, девочка сбегала на кухню, налила полный стакан чая со льдом и принесла матери.

— Мам!

— Да?

98

Сопя, мать подняла голову. На кончике ее носа висела капля пота. Взглянула на дочь, протягивающую стакан холодного чая.

— Спасибо, — сказала она и взяла стакан.

— Тебе плохо, мамочка? — спросила Эйва, глядя, с какой жадностью мать пьет чай.

— Мне просто жарко.

— Тебе помочь?

— Берись за лопату.

Мать так и не объяснила, зачем яма в углу двора, а Эйва не спрашивала. Хизер вообще была человеком загадочным и вряд ли бы стала посвящать ребенка в свои дела.

Работа заняла самые жаркие часы. Хизер то и дело отправляла Эйву в дом за водой или чаем. Теперь, когда рядом крутилась дочь, жара куда сильнее волновала женщину. Когда день стал клониться к вечеру,

она попросила Эйву приготовить что-нибудь перекусить. Девочка сделала сэндвичи с болонской колбасой, сыром, арахисовым маслом и джемом и два стакана чая. Они с матерью часок полежали в теньке, молча глядя в небо. Жара к тому времени спала, от выкопанной ямы, на дне которой уже скопилась вода, тянуло холодком. Эйва не знала точно, какой глубины была эта яма, однако в ней с головой помещалась не только девочка, но и сама Хизер. В общем, Эйва решила, что они с мамой совершили настоящий подвиг, непосильный кому-то другому.

Отдохнув, они поели, после чего прыгнули в яму и продолжили копать, а мать принялась рассказывать дочери разные истории. О фермере из соседнего графства, который, говорят, прожил больше ста пятидесяти лет. Он отправился на встречу с Создателем только в позапрошлом году, и то лишь из-за несчастного случая.

— Если бы не это, — утверждала Хизер, — он бы до сих пор оставался жив-здоров.

О двух братьях, рывших погреб и наткнувшихся на огромную, как айсберг, глыбу льда. Пока они ее откапывали, лед начал таять на солнце. Тогда они стали накрывать его брезентом и одеялами, надеясь сохранить. Но когда они на третье утро спустились, чтобы продолжить работу, то обнаружили, что глыба полностью растаяла, оставив после себя огромную яму.

— И тут их дом в нее-то и провалился, — закончила Хизер.

Мать с дочерью трудились до темноты. Потом, донельзя уставшие, приняли ванну. Они так измучились, что не стали даже ужинать. Растянулись на полу в гостиной и провалились в сон. Когда на следующее утро Эйва проснулась, оказалось, что они обе укрыты одеялом. В тот момент она искренне верила, что истории, рассказанные матерью, — чистая правда.

Мир был велик, полон необъяснимого, и в этом заключалась его красота.

ДОМ АРНОЛЬДОВ стоял у опушки леса, примыкавшего к Хайленд-стрит. В этом районе жили преимущественно состоятельные выходцы с севера, переселившиеся в Стоун-Темпл и настроившие себе особняков. Доктор Арнольд, не сколотивший состояния врачебной практикой в этом маленьком городишке, успел обзавестись жилищем еще до приезда нуворишей. Впрочем, все эти годы его дела шли неплохо, так что, если его дом и выглядел несколько более обветшалым, чем соседние, «гнилым зубом» он все равно не смотрелся.

101

Особняки на Хайленд-стрит, в том числе и дом Арнольдов, были огорожены заборами. Однако Эйва, много раз бывавшая у доктора, прекрасно знала, какую из досок можно сдвинуть, чтобы выбраться. Каждые полгода Мейкон, истово верящий в принцип «Предотвратить проще, чем лечить», как штык являлся к Арнольду на осмотр. Пока отец сидел у врача, Эйва, ответив на всевозможные вопросы Долорес и съев ее угощение, шла напрямиком на задний двор, где сдвигала полуоторванную доску и отправлялась исследовать Хайленд-стрит.

Вот и теперь, оставив позади Кармен с доктором Арнольдом, она выбежала из дома, в два прыжка пересекла двор, пролезла сквозь дыру и быстро пошла по узкой дорожке меж деревьев. Тропа, миновав несколько домов, выворачивала на Хайленд-стрит. Разные чужаки, например, репортеры, вряд ли могли знать этот потайной путь и засечь Эйву. Кроме того, он давал возможность в случае чего легко вернуться к доктору Арнольду.

Все в ней так и kloкотало, даже пасмурный день не мог охладить ее гнев. За спиной слышались топот и сопение Уоша.

102

— Что это на тебя нашло, Эйва? Куда ты? — пытался он образумить девочку и вскрикнул от боли, когда задетая Эйвой ветка хлестнула его по лицу. — Прям эпизод из «Трех бездельников».

В его голосе прозвучала определенная гордость: при всем творящемся вокруг безумии он сумел разглядеть в ситуации нечто забавное.

Эйва не собиралась далеко уходить. Город был полон людей, и она боялась слишком удаляться от дома Арнольдов. Ей нужен был глоток свежего воздуха. Хотелось отдохнуть от всего этого, побыть одной... Насколько было возможно. А Уош обладал сверхъестественной способностью позволять ей чувствовать себя вдали от мира, но притом — не одинокой.

Она без колебаний зашагала по укромной тропе, протянувшейся по задкам домов, прежде чем выбраться на открытое пространство Хайленд-стрит.

— Господи, — проворчал Уош, выбираясь из кустов позади Эйвы.

На его щеке розовела отметина, которую он то и дело потирал.

— Кровь так и хлещет, да? — спросил он, обгоняя Эйву.

— Да уж, ты выглядишь, словно тебя поколотили метелкой из перьев. Которой пыль смахивают, — с трудом сдерживая смех, ответила она.

— Очень смешно, — нарочито насупился Уош, но было заметно, что на самом деле он не обиделся.

Вновь потерев щеку, он подозрительно оглядел Хайленд-стрит. Вокруг было тихо и безлюдно. Эйва повернула и медленно побрела по улице.

— Ты же знаешь, что нам не стоит здесь гулять, — пристраиваясь рядом, заметил Уош. — Сама понимаешь, как обстоят дела. Мало ли с кем можно столкнуться... К тебе же специально кучу полицейских приставили.

Эйва сунула руки в карманы пальто. Озноб, который мучил ее в больнице, вернулся. Она покрепче сжала зубы, чтобы они не стучали, расправила плечи и продолжала идти по улице, разглядывая особняки.

Роскошные особняки с коваными воротами, широкими ухоженными газонами и мраморными статуями. Во дворах — бассейны, теперь сухие в преддверии зимы. Эйве всегда представлялось, что в этих домах пахнет свежестью и новизной. Она обожала и вместе с тем ненавидела эти особняки.

— Кем ты хочешь стать? — спросила она Уоша.

— Не понял? — встрепенулся он, застигнутый врасплох, и лишь потом до него дошел смысл вопроса. — Ну, я еще толком не думал. Учителем, может быть. Я ведь люблю читать. У меня в классе все бы читали друг другу вслух. Мне ужасно не нравится, что мы всегда читаем дома, а не в классе. Куда лучше читать всем вместе. Тогда люди бы поняли, как это здорово. Ведь они бы узнавали истории одновременно, понимаешь? И эти истории стали бы общими.

— А если кто-то плохо читает? — спросила Эйва.

— Тогда остальные покажут ему, научат. Еще глупые вопросы есть?

Эйва шутливо стукнула его по плечу. Она начала потихоньку привыкать к ознобу.

104

— А ты сама? — поинтересовался Уош. — Кем бы ты хотела стать? Что, если бы ты жила здесь? — Он ткнул пальцем в большой особняк с несколькими остроконечными шпилями, прятанный за коваными воротами. — Чем бы ты там занималась?

Они остановились у ворот, словно те должны были вот-вот гостеприимно распахнуться в ожившую сказку.

— Я бы жила одна, — произнесла наконец Эйва. — Совсем одна, без никого. Понятия не имею, кем бы я стала. Но знаю одно: у меня были бы точь-в-точь такие же ворота, чтобы никто ко мне не приходил.

— Не уверен, что меня устраивает твоя идея, — засмеялся Уош. — Мастер Йода справился с одиночеством, а вот Горлум из «Властелина колец» — не очень. Хотя, если подумать... Оба они в итоге довольноно-

таки позеленели и выглядели диковато. Впрочем, если это именно то, о чем ты мечтаешь...

Он комично пожал плечами, взглянул на Эйву и, не дождавшись ее улыбки, продолжил:

— Люди так не живут. Не очень-то так проживешь.

— А вот и живут! — возразила Эйва.

— Нет. — Хмыкнув, он поднял с дороги камешек и швырнул его через ограду. — А даже если и живут, тебе-то это к чему? Люди живут с людьми, так уж заведено. Всякому кто-нибудь да нужен. — Он умолк, словно обдумывая промелькнувшую мысль. — Ну, в общем, как-то так. Сейчас тебе кажется, будто всем на свете от тебя что-нибудь нужно. Но все равно тебе требуются люди. Нельзя возводить глухую стену между собой и миром.

105

— В таком случае я заведу собак, — ответила Эйва и направилась дальше, Уош поспешил за ней следом. — Буду жить, как твоя бабушка, с собаками.

— У нее есть не одни только собаки. У нее есть я.

— Ну, по уму ты от них недалеко ушел, — усмехнулась Эйва.

— Нет, я буду поумнее шпица.

— А как насчет таксы?

— Полагаю, я мог бы даже сыграть в шахматы с собакой-поводырем, — ответил Уош, но морщинки на его лбу показывали, что он серьезно что-то обдумывает.

— Ты ведь не умеешь играть в шахматы.

— Общие представления у меня есть.

— Уош, ты полный идиот.

— Зато симпатичный, — расхохотался мальчик.

Эйва остановилась и смерила его взглядом.

— Ну, положим, — вынесла она свой вердикт, дернула его за ухо и пошла дальше.

За разговором они не замечали мужчину, шедшего за ними по противоположной стороне улицы, пока тот сам не заговорил, приблизившись на расстояние нескольких ярдов. Дети испуганно обернулись.

— Привет, — произнес незнакомец.

Он стоял, безвольно повесив руки. Взволнованное лицо так и сияло от удовольствия.

— Меня зовут Сэм, — продолжил мужчина.

Высокий, мускулистый, он производил впечатление человека, в юности много занимавшегося спортом: даже сейчас, несмотря на то, что ему было за сорок, тело сохранило остатки былой стати. Волосы — темные, как-то нелепо зачесанные набок, чисто выбритое лицо имело несколько детское выражение.

— Это же ты, правда? — спросил Сэм.

У Эйвы заняло под ложечкой. Отец предупреждал, что многие захотят с ней встретиться и ради этого пойдут на все.

— В мире полно чудаков, — сказал он ей, и по напряженному выражению его лица Эйва поняла, что отец о чем-то умалчивает. — Постарайся быть осторожней с ними...

— Нам надо идти, — торопливо сказал Уош, взял Эйву за локоть и потащил прочь.

— Не бойтесь меня. — Мужчина миролюбиво поднял руки и почти так же быстро, как дети, в свою очередь сделал шаг назад, увеличивая дистанцию. —

С чужаками разговаривать нельзя, я знаю, — кротко продолжил он, — я просто... взволнован нашей встречей. Я — Сэм, — повторил он и помахал Эйве, словно старой знакомой.

— Вы уже это говорили, — буркнул Уош, продолжая тащить Эйву за руку и не выпуская мужчину из поля зрения. — Идем же, Эйва.

И они зашагали обратно к тропинке, ведущей к дому Арнольдов. Эйва смотрела только вперед, как она уже привыкла делать при встречах с фотографами. Уош топал позади, прикрывая ее от Сэма.

— Ты ведь тот самый мальчик, верно? Тот, которого она исцелила? — крикнул ему мужчина. Он по-прежнему не двигался с места, но не сводил с них глаз.

107

— Не останавливайся, — прошептал Уош.

— Прошу вас, не уходите, я хочу только поговорить! — Голос Сэма дрогнул. — Ну, пожалуйста.

То ли из-за извиняющегося тона, то ли из-за детского выражения лица, а может быть, по безрассудности, свойственной юности, не знающей, как бывает жесток мир, Эйва остановилась.

— Ты чего? — зашипел Уош.

— Что вам от нас нужно? — спросила девочка, поворачиваясь к Сэму.

— Эйва... — тихо произнес Уош.

— Ничего не нужно, — ответил Сэм. — Просто хотел с тобой встретиться.

Он продолжал стоять на месте, не делая попыток приблизиться. Его руки как-то неловко свисали по бо-

кам. Эйва подумала, что этот Сэм вообще какой-то несуразный.

— Мне нужно идти, — сказала она.

— Подожди, прошу тебя. — Сэм в отчаянии заломил руки. Несколько секунд он смотрел на них, потом вдруг сел по-турецки на землю и подsunул ладони под себя.

— Так лучше? — покорно спросил он.

Дети изумленно уставились на него. Теперь этот крупный человек совершенно не казался страшным. Даже Уош почувствовал, что тот, видимо, хочет просто поговорить. Возможно, он был не таким плохим, как им представлялось.

— Что вам нужно? — спросил Уош.

108

— Встретиться с нею. Потому что она — удивительная. — Его улыбка стала шире. — Я следил за всем с самого начала. Мы оба следили, я и мой брат. — Он заговорил громче, дергаясь от возбуждения. — Ты — удивительная. Тебе на самом деле удалось невозможное!

Эйва внимательно рассматривала Сэма. В его лице она явственно видела представителя окружающего ее мира.

— Когда ты научилась исцелять? — спросил тот.

— Может, пойдём, Эйва? — Уош вновь потянул ее за рукав, но она не сдвинулась с места. — Не нравится мне этот тип. Он какой-то... По-моему, он псих.

— Мой брат — тоже целитель. — Улыбка Сэма дрогнула, словно ему вспомнилось что-то неприятное. — Он делает все возможное, чтобы меня излечить, но...

— Я должна идти, — твердо сказала Эйва.

Внезапно похолодало. По спине побежали мурашки, она поглубже засунула руки в карманы пальто.

— Мне нужно возвращаться, — добавила она.

— Ну наконец-то, — выдохнул Уош, но Эйва все не двигалась.

— Понимаю, твои наверняка уже волнуются. — Сэм вытянул из-под себя одну руку — белую, бескровную, — помахал ею, восстанавливая приток крови. — Ты не против, если я и вторую вытащу? — спросил он, кивая на затекшую конечность.

Достав вторую руку, потер ладони друг о друга, покачал головой и продолжил, обращаясь не то к рукам, не то к Эйве:

— Чудеса, да и только. Не возражаешь, если я встану?

109

Поднялся, отряхнул брюки и тоже сунул руки в карманы. Потоптался, переступая с ноги на ногу. Все это время мужчина не переставал улыбаться.

— Холодно, — пояснил он, сделал несколько шагов вперед и протянул Эйве ладонь. — Можно пожать твою руку? — Сэм перевел взгляд с ладони на девочку.

— Нет! — быстро ответил Уош.

— Брось, — возразила Эйва, — мне надоело шараться от всего на свете. Это же всего-навсего рукопожатие.

И прежде чем Уош успел возразить, Эйва пересекла улицу и, преодолевая внутреннее сопротивление, пожала протянутую ей руку.

— Приятно познакомиться, Сэм.

Тот обеими руками сжал ее ладонь.

— Спасибо, — тихо сказал он, не выпуская пальцев Эйвы.

Рукопожатие длилось и длилось, пока до девочки не дошло наконец, что она попалась. Сэм крепко держал ее за руку.

— Ты ведь мне поможешь? — Мужчина заглянул ей в лицо, в глазах у него стояли слезы. — Я болен, болен уже очень давно, но ведь ты меня починишь? Поможешь мне?

Эйва попыталась выдернуть руку из его железной хватки. Бесполезно.

— Мне просто нужно, чтобы ты мне помогла, так же как своему другу. А потом я тебя отпущу, и мы больше никогда не увидимся, обещаю.

— Отпустите меня немедленно, — приказала Эйва.

Теперь она испугалась по-настоящему. Дернула изо всех сил, но Сэм не подался. Она будто в капкан угодила. Уош подскочил к ним и попытался разжать пальцы мужчины, тоже безуспешно. К тому внезапно вернулась вся сила, которую он источал при первом на него взгляде.

— Ты должна помочь мне, — повторил Сэм.

— Отпусти ее! — заорал Уош, продолжая бороться.

— Пожалуйста, — бубнил Сэм, — прошу тебя, помоги мне, вылечи меня.

Эйва не оставляла попыток высвободиться из его хватки, но он обхватил ее и поднял барахтающуюся, вопящую над землей.

— Ты должна, — сказал он.

На его лице сохранялось все то же детское выражение, словно он не имел намерения причинить ей вред.

Вдруг Сэм упал на колени, и Эйва оказалась на коленях перед ним. Уош изо всех сил пнул мужчину, но тот даже не заметил. Держа Эйву за запястья, он прижал ее ладони к своим щекам, мокрым от слез.

— Излечи меня, помоги мне, — умоляюще твердил он. — Помоги, чтобы он мог мною гордиться.

Внезапно мужчина умолк. Закрыв глаза, он прижимал ладони Эйвы к своему лицу и тихонько всхлипывал. Его губы беззвучно шевелились — кажется, он молился. Эйва, испуганная до смерти, почувствовала жалость. Даже Уош застыл, пораженный поведением Сэма. Он ожидал грубого насилия, а перед ним был неразумный ребенок, умоляющий о помощи.

— Прошу тебя, — всхлипывал Сэм, но рук Эйвы не отпускал.

— Хорошо, — мягко произнесла Эйва. — Но ты должен меня освободить.

— А ты не обманешь?

— Нет.

— Что ты творишь, Эйва? — ужаснулся Уош.

— Обещаешь? — спросил Сэм.

— Обещаю, — кивнула Эйва.

Сэм глубоко вздохнул и разжал пальцы.

— Ладно, — дрожащим голосом сказал он и всхлипнул. — Я готов.

Мужчина ждал. Эйва — тоже, хотя сама не знала чего. Оба они продолжали стоять на коленях. Эйва смотрела на Сэма, не отрывая ладоней от его щек.

— Я готов, готов, готов... — басом гудел он.

Эйва смотрела на свои руки, баюкающие лицо мужчины. Они были маленькими, темными, совершенно обыкновенными, очень похожими на мамины. Эйва словно наяву слышала голос матери. Он звучал в ветре, перебирающем голые ветви дубов, выстроившихся вдоль улицы. В глухом шорохе из подлеска. Эйва разозлилась. Мать умерла. И навсегда останется мертвой. Ее руки ничего не могли с этим поделаться.

Когда Сэм, устав ждать благодати, открыл глаза, он обнаружил, что стоит один на опустевшей улице и бормочет молитвы.

112

— Мейкон!

Дверь открылась, и на пороге появился помощник шерифа. Этот коренной житель Стоун-Темпла, парень лет двадцати, был одним из немногих, кто находился сейчас в участке не для того, чтобы продавать информацию журналистам, а чтобы работать.

— Да, — отозвался Мейкон.

Шериф только что вернулся в офис после встречи с вновь прибывшей религиозной группой и теперь надеялся побыстрее разделаться с кучей бумаг на столе.

— Пришел какой-то проповедник, хочет поговорить с вами.

— Передай ему, чтобы занимал очередь за своими коллегами, — буркнул Мейкон, не поднимая головы. — Или... Знаешь что? Построй-ка их в две очереди: проповедников — направо, уфологов — налево.

— Рад познакомиться с вами, шериф, — произнес глубокий и решительный голос.

Мейкону пришлось оторваться от своих бумаг.

Размашистой походкой в комнату вошел высокий, широкоплечий человек, мимоходом хлопнув по плечу помощника шерифа, словно благодарил швейцара, придерживавшего ему дверь:

— Спасибо, сын мой.

Мейкон отложил ручку, выпрямился в кресле и махнул помощнику:

— Я сам с ним разберусь.

Тот кивнул и покинул кабинет.

Мужчина уселся на стул против Мейкона. Судя по тому, как он держался, этот тип умел добиваться своего.

— Я — Преподобный Исаяя Браун, — представился он, протягивая Мейкону руку. — Джон Митчелл должен был предупредить вас о моем прибытии.

— Рад познакомиться, — ответил Мейкон, неохотно приподнимаясь и пожимая протянутую ладонь.

— Прежде всего, — продолжил Браун, — приношу вам свои извинения за столь бесцеремонное вторжение. Я понимаю, что происходит теперь в вашей жизни. Хаос и бедлам.

— Да, что-то вроде того, — согласился Мейкон.

Человек показался ему чем-то знакомым. На вид — пятьдесят пять лет, лицо гладко выбрито, волосы густые, черные. На Преподобном был отлично сшитый костюм, и держался этот человек необычайно уверенно.

— Чем могу быть полезен, Ваше Преподобие?

— Пока ничем, пожалуй. Я лишь хотел лично представиться и, если это возможно, предложить свои услуги вам и вашим близким.

И тут Мейкон его наконец узнал. Он видел этого человека по телевизору: тот выступал с проповедью перед собранием, насчитывавшем десятки тысяч человек. Преподобный Браун являлся своего рода феноменом: начал со скромной церквушки на севере и постепенно, в одиночку, создал огромную организацию.

— У вас довольно милый городок, — похвалил Преподобный, — и живут в нем замечательные люди.

— Стараемся, — скромно кивнул Мейкон. — А я вас узнал. Для меня большая честь познакомиться с вами.

114

Шериф приподнялся и вновь пожал Брауну руку. Теперь, когда он понимал, с кем имеет дело, рукопожатие было куда более теплым.

— Извините за недружелюбный прием, — продолжил он, — но к нам сейчас стекается столько разных мутных типов. Итак, не нужна ли вам какая-нибудь помощь? Может быть, с оформлением документов?

— Нет-нет, — ответил Преподобный Браун, — мы уже обо всем позаботились. Я пришел только для того, чтобы побеседовать с вами с глазу на глаз, не более того. Я вполне понимаю, что вы имели в виду, говоря о «мутных типах», мне такие тоже известны. Ничего удивительного, что вы и меня приняли за одного из них, из тех, кто является к вам в надежде использовать вашу дочь в своих корыстных интересах.

— То есть вы не обиделись на слова, сорвавшиеся у меня с языка? Ничего личного. Уверен, вы понимаете, что мне приходится быть, скажем так, осторожным при общении с другими людьми.

— Разумеется, не обиделся, — Преподобный Браун устроился поудобнее, упершись ладонями в колени. — Что же, буду с вами откровенен и перейду сразу к сути. Я прибыл отнюдь не для того, чтобы извлечь из случившегося какую-то выгоду. Мне просто нужно присутствовать здесь, чем бы ни закончилась ваша история. Я не намерен задавать вам интимные вопросы; по крайней мере — пока. Признаюсь, мне тоже любопытно, однако я с уважением отношусь к чужим религиозным воззрениям и не собираюсь обращать вас в свою веру. — Он улыбнулся с самым искренним видом. — Я здесь потому только, что независимо от того, веруете ли вы, случившееся имеет религиозную подоплеку. Ваша дочь исцелила человека. Ее прикосновение заставило затянуться рану. Произошло чудо, кто бы как это ни называл. — Преподобный Браун помолчал. — Надеюсь, я развеял ваши сомнения? А то сдается мне, чем больше я разглазговую, тем сильнее ваши подозрения в искренности моих намерений.

Мейкон ответил не сразу. Он попытался припомнить все, что знал об этом Брауне. Перед глазами возникла картинка: высокий мужчина на сцене, в одной руке — микрофон, в другой — Библия. Надо сказать, на телеэкране Браун производил куда более сильное впечатление, нежели вживую.

— Думаю, я понял, что именно вы хотели до меня донести, — проговорил шериф. — Вы желаете, чтобы здесь была представлена и ваша позиция. Верно?

— В общем и целом, в общем и целом, — ответил Преподобный с видимым облегчением, словно на самом деле испытывал благодарность за понимание. — Людей вообще легко заподозрить в неблаговидных намерениях, а религиозных деятелей — и того легче, особенно в наши смутные дни. Однако не все мы «носим сутаны, чтобы скрыть хвост», — в чем обвинили как-то одного моего коллегу. Кое-кто из нас просто пытается помочь ближним. И если я могу быть чем-то полезным, дайте мне знать.

116

Шериф сам не знал, нужна ему помощь Преподобного или нет, однако человек этот ему, скорее, нравился. С течением лет взгляды Мейкона на религию и Бога неоднократно менялись, но он понимал, что рано или поздно нужно будет на чем-то остановиться. Теперь, когда на него с дочерью смотрел весь мир и люди всевозможных религий притяжали на его Эйву, Мейкон вынужден был признать, что предложение проповедника помочь в случае нужды ему по нраву.

Он отдавал себе отчет, что и мир, и произошедшее в его жизни — непомерно велики для скромного шерифа из заштатного городишки. Как ни неприятно было это сознавать, но он нуждался в помощи.

— Спасибо, что навестили. — Мейкон встал и еще раз пожал руку Преподобному Брауну. — Я обдумую ваше предложение. Не исключаю, что мы продолжим сегодняшний разговор.

— Рад это слышать. — Браун поднялся и направился к выходу, но у самой двери обернулся. — Вы вольны иметь собственное мнение о вашей дочери и ее деянии. Помните об этом и никому не позволяйте сбить себя с толку, даже мне.

Мейкон с Эйвой молча шли по горной тропке. Минуло уже два дня с визита Преподобного Брауна, а шериф все еще не мог привести в порядок мысли. Благодаря предрассветной темноте леса да утреннему заморозку, загнавшему любопытных в лагерь, разбитый у подъездной дороги, отцу с дочерью удалось незаметно выскользнуть из дома. Кармен возражала против их вылазки, однако Мейкон постарался успокоить жену, заверив, что даже среди окружающей кутерьмы в мире еще хватает безопасных мест. Это, кстати, было одной из причин, по которым он во что бы то ни стало хотел поскорее забрать Эйву из эшвилльского госпиталя. Несмотря на настояния врачей, желавших держать девочку при себе, чтобы продолжать исследования, Мейкон чувствовал себя спокойнее, когда дочь была дома. Вокруг возвышались их горы — та часть мира, которую они с дочерью познавали вместе. Как же он мог держать ее вдали в такую минуту?

Пронизывающий ветер, словно дыхание великана, старался смахнуть их со склона. Выйдя еще до рассвета, они проникли в лес, будто лазутчики, скрываясь под его пологом от надоедливых журналистов, фотографов и разнообразных фанатиков. Мороз, совершенно исчезавший к полудню, по утрам был еще силен, мерзлая трава

похрустывала под ногами. Этот звук далеко разносился по замершему лесу.

Они собирались провести этот день в охотничьем домике к северу от города. Когда-то там обитал старина Рутгер. Его жена скончалась от пневмонии, сам Рутгер ненадолго ее пережил. Люди болтали, что старик помер от одиночества. После смерти хозяев домик сделался местом, где удобно было переночевать, если вы собрались поохотиться: олени приходили туда полакомиться яблоками из сада, который разбила в свое время Рутгера жена. Теперь сад зарос, одичал, но исправно плодоносил каждый год.

— Холодрыга какая, — проворчал Мейкон.

118

Они уже почти добрались до лабаза, устроенного на дереве, в котором намеревались подождать прихода оленей. Мейкон соорудил это укрытие для охоты несколько лет назад и не раз приносил домой добычу. Он надеялся, что сегодня им вновь повезет.

— Ничего, скоро потеплеет, — стоически отозвалась Эйва из сумрака, остановилась и огляделась. — Мы почти пришли.

— Если честно, я обрадовался, когда ты согласилась.

— Мы ведь давно никуда не ходили.

— Правда. — Мейкон сжимал и разжимал кулаки, чтобы разогреть замерзшие пальцы. — Сама знаешь, все сейчас немного запуталось.

— Можно и так сказать, — ответила Эйва и зашагала вниз по склону.

Новый порыв ветра подтолкнул их в спину, едва не сбросив вниз, но они продолжали упорно идти, уверенные, что вскоре взойдет солнце, которое согреет их и озарит все вокруг. Достигнув подножия горы, Эйва окинула взглядом близлежащее поле и прислушалась. В тишине лишь ветер шелестел листьями.

— Как все-таки хорошо побыть вдали от людей, — сказал Мейкон.

— Нам еще до лабаза добираться, — заметила Эйва.

— Ничего, совсем чуть-чуть осталось.

— Солнце уже встало. Просто из-за гор пока не видно.

— И что с того? Мы вполне можем остановиться и поболтать.

— А я думала, ты рвешься на охоту, — ответила Эйва, направляясь к стене деревьев, где был устроен лабаз.

Мейкон побрел за ней, чувствуя, что прошляпил шанс поговорить с дочерью по душам.

Два отдельных навеса располагались вплотную друг к другу. Шериф сделал так специально, когда Эйва была еще мала, чтобы в случае чего быть поближе к дочери. В результате охотничье укрытие стало местом, где можно было в лесной тишине поверять друг другу свои секреты. То есть настоящим укрытием, где никто в мире не мог их потревожить и они с дочерью могли уединиться.

К тому моменту, когда Мейкон подошел к лабазу, Эйва уже забралась наверх, втянув с помощью длинной веревки лук. Теперь она сидела, положив оружие на

колени, и всматривалась в просветы между деревьями, верхушки которых уже позолотило солнце.

Помедлив немного, Мейкон тоже поднялся вверх, втащил лук и замер, вглядываясь в лесную чащу.

— Ты когда-нибудь вспоминаешь о ней? — тихо спросила Эйва.

— О твоей маме? — уточнил он зачем-то и кивнул в знак согласия.

— А что именно?

— Разное. Я всегда вспоминаю о ней в праздники. В твой день рождения, например. Мне бы хотелось, чтобы она увидела, какой ты стала.

— Она тебе снится?

— Бывает. А тебе?

— Очень часто.

— Насколько часто?

— Иногда я не вижу ее во сне неделями, хотя каждый день о ней думаю. А ты?

— Думаю ли я о ней каждый день? Нет, Эйва. Признаюсь, каждый день я о твоей маме не вспоминаю. Сначала — да, а теперь нет.

— Неужели со мной тоже так будет и я перестану о ней думать? Забуду ее?

— Никогда.

— Откуда ты знаешь?

— Ты ее любишь до сих пор. Нельзя забыть тех, кого мы любим. Так уж устроены люди. И ты в том числе. — Мейкон услышал, как где-то в лесу хрустнула ветка. — Однако тебе следует ее отпустить.

— А если я не сумею?

— Ты должна.

— Но что, если я не смогу? Я покончу жизнь самоубийством, как и мама? Вдруг ее тоже что-то мучило?

— Мучило? Не знаю, может быть... Твоя мать никогда не казалась мне печальной. Только потом до меня дошло, что я никогда ее толком не понимал, — Мейкон кашлянул. — Вот о чем я часто думаю.

Эйва замолчала. Не обращая внимания на их голоса, из лесной чащи появился олень. Солнце уже наполовину выглядывало из-за горных вершин. Олень робко приближался к лабазу. Эйва наложила стрелу на тетиву. Животное принюхивалось, но охотники сидели с подветренной стороны, так что оно не могло их обнаружить. Это был матерый самец, чьи тяжелые рога напоминали ветви дерева, длинные и острые. После того как он убедился, что в полумраке утра не скрываются хищники, из зарослей спокойно вышла олениха с олененком. Предательский ветер толкал их прямо под выстрел Эйвы. Его сильные порывы шумели в ветвях, и, когда девочка неловко завозилась, прицеливаясь в рогача, ветер заглушил этот звук.

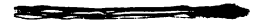
121

Олени медленно приближались.

— Как ты вообще? — тихонько спросил Мейкон.

Эйва не спускала глаз с оленя.

— Мир вдруг стал так велик, — не глядя на животных, продолжил отец. — Я с трудом поспеваю за событиями и не представляю, как ты с этим справляешься. — Он понял, что не может уже остановиться, что должен спросить. — Люди хотят, чтобы ты повторила это снова. Чертов Эльдрих уже телефон оборвал, требует

еще каких-то исследований, трюндит об «эксперименте в лабораторных условиях». Якобы это поможет понять, почему тебе никак не становится лучше. Они вроде как хотят, чтобы ты проделала это под их контролем, а они бы изучили, что именно при этом происходит. — Сердце у Мейкона сжалось. — Эйва, ты бы могла проделать это еще раз? Один-единственный разок? Может быть, они хотя бы после этого оставят нас в покое.

— Да что им всем от меня надо? — буркнула Эйва.

— Мало ли... Кому что, полагаю. — Он помолчал. — А сама ты чего хочешь?

— Я хочу знать, могла ли я спасти маму, — тоненьким, словно птичьим, голоском ответила Эйва и пустила стрелу.

122

Перелет. Она выдохнула. Оленье семейство скрылось в папоротниках, продлив свои жизни еще на день.

Для Кармен утро наступило после очередной бессонной ночи, полной боли. Большую ее часть она пролежала в постели, затаив дыхание, чтобы не разбудить Мейкона, и уговаривала себя, что все будет хорошо. Доктор Арнольд уверен, что ребенок развивается правильно и все пройдет отлично. «Отлично» — одно из любимых словечек доктора Арнольда. Он даже намекнул, что боли могут иметь скорее психические, нежели соматические причины, и в конце концов Кармен пришлось признать, что, вероятно, так оно и есть.

Мейкон уговаривал жену не волноваться. Он каждый день убеждал ее, что все окончится просто замечательно, что она делала и делает все правильно. Он изо

всех сил старался, чтобы она перестала винить себя в смерти первенца, и временами ему это даже удавалось. Тогда Кармен верила, что не она обрекла свое дитя на гибель. В такие дни она чувствовала себя легче, чем накануне. Не так раздражала чья-либо манера водить машину или грубость окружающих. Она могла целый день наблюдать за чужими детьми и быть счастливой за них и их родителей. Смотреть на них, улыбаться и думать, что мир, в общем-то, не так уж отвратителен.

Однако, когда эти дни проходили (а они всегда проходили), Кармен опять просыпалась по утрам с именем малыша на устах, малыша, не дожившего до своего первого рассвета, — Джереми.

Он родился ранним вечером и почти всю ночь провел в инкубаторе, пока сама Кармен находилась без сознания. Приходя изредка в себя, она всякий раз спрашивала о сыне. Медсестры отвечали, что все в порядке, улыбались, ласково похлопывали ее по руке и уговаривали не волноваться. Но когда она увидела свою плачущую мать, то сразу поняла: ребенок умер.

Ей захотелось зареветь. Громко завизжать. Однако вместо этого она опустила веки, перестав цепляться за реальность, и позволила лекарству погрузить себя в глубокий, беспросветный сон.

Кармен разбудил плач матери. Та сидела в уголке палаты и смотрела на дочь опухшими от слез глазами, ее губы дрожали. «Он ушел до рассвета», — таковы были первые слова, сказанные матерью. Та промокнула платочком уголки глаз, не сводя взгляда с дочери. И Кармен тоже заплакала. Это был странный плач. Она чувство-

вала пустоту и онемение во всем теле, будто со стороны смотрела на себя, оплакивающую потерю ребенка. Следующее, что она запомнила, был муж. Он вошел в палату, встал у койки, посмотрел на Кармен.

— Все будет хорошо, — произнес он с каменным лицом и погладил ее по руке.

— Не будет, — ответила она.

— Мы справимся.

— Не справимся, — покачала головой Кармен.

И она оказалась права. Не прошло и года, как все рухнуло. Однажды он вернулся домой с работы, вошел на кухню и замер. Кармен сидела в гостиной и наблюдала за мужем... Глядя поверх ее головы, он произнес:

— Я ухожу к матери.

124

Потом, опустив глаза, точно нашкодивший ребенок, добавил:

— Мне кажется, я должен объясниться.

— Не надо, — сказала Кармен.

— Ты ни в чем не виновата.

— Знаю.

— Просто... Слишком много всего накопилось, мне этого не вынести. Не могу больше.

— То есть собираешься взвалить все на мои плечи?

— Нет, но... Может быть, если я уйду, тебе будет легче?

— Не будет.

И все закончилось.

Шесть лет она перебиралась из города в город, работая учительницей. Кое-как терпела учебный год, а когда он заканчивался — уезжала прежде, чем ей начинали

спиться лица ее учеников. Пока наконец судьба не занесла Кармен в школу (если это можно было назвать школой) городка под названием Стоун-Темпл, где жил шериф Мейкон с дочерью Эйвой. Там совсем скоро ее рана начала затягиваться, и Кармен смогла вновь улыбаться и радоваться жизни.

Теперь она опять была беременна, тело болело не переставая, и хотя доктор твердил, что все будет отлично, Кармен в глубине души знала: это не так. Она в любую минуту могла потерять ребенка, как уже случилось однажды.

Осень наступила внезапно, застав людей врасплох. В четверг Стоун-Темпл проснулся и обнаружил, что деревья пылают золотом и багрянцем. Ночью ударили заморозки. По мнению Эйвы, это было прекрасно. Лето она никогда особенно не любила. Осени и зиме, в отличие от иных времен года, свойственно было некое спокойствие. Когда температура воздуха падала, листья дружно желтели, а перелетные птицы становились на крыло, радостная Эйва вприпрыжку бежала в школу.

А еще осенью проходила ярмарка. Эйве было всего шесть лет, она еще ни разу не бывала на осенней ярмарке, хотя из разговоров знала, что это — нечто совершенно волшебное и потрясающее. Когда отец объявил, что в выходные они поедут на ярмарку, Эйва от волнения едва смогла заснуть. Она полночи ворочалась в кровати, а когда закрывала глаза, то видела огни чертова колеса и слышала крики людей в

диковинных шляпах: «Подходите! Испытайте свою удачу! Выиграйте приз!» Ей мерещились чудесные звери: лев со змеей вместо хвоста; одетая в костюмчик обезьянка, сидящая за столом и пьющая чай... Эйва чувствовала запахи сахарной ваты и шоколада. Словно сказка обрела плоть и вкус, остающийся на языке.

И вот наступила пятница, долгожданная ярмарка открылась. Эйва не могла ни секунды усидеть на месте. Вернувшись из школы, она носилась по дому, выполняя даже то, о чем ее никто не просил. Она не смела спросить, когда они выйдут из дома, поскольку не хотела раздражать родителей. Вместо этого она вытирала пыль, подметала, застилала кровать и складывала разбросанные игрушки, стараясь ни о чем не думать, пока наконец Мейкон весело не сказал:

— Ну что? Поехали? Нельзя же заставлять тебя ждать целую вечность, верно?

Всю дорогу Эйва возбужденно болтала. Расспрашивала мать о ярмарках, на которых та побывала в детстве. Хизер рассказала о бородатых женщинах, мужчинах с кожей крокодила и гуттаперчатых гимнастах, которые могли уместиться в чемодан.

— Иногда наш мир действительно становится похожим на сказку, — закончила мать.

Но в ее голосе звучала пустота. Временами на Хизер нападала эта странная меланхолия, которую Эйва замечала в переливах ее смеха и в самых уголках губ.

— С тобой все в порядке, мамочка? — спросила она.

— Ну конечно.

Не успело солнце сесть, как Эйва увидела впереди зарево ярмарочных огней. Внутри у нее все сжалось, она распахнула рот от удивления.

— Ярмарка! — закричала Эйва, тут же позабыв и о печали матери, и о собственных тревогах.

— Да, это она, — с улыбкой подтвердила Хизер.

До Эйвы донеслась громкая дребезжащая музыка, явно сопровождавшая шумное веселье. Чтобы лучше слышать, она опустила стекло, в лицо ударил холодный осенний воздух. Эйва боялась, что родители прикажут закрыть окно, но они почему-то этого не делали. Вся семья находилась в радостном предвкушении.

Когда они добрались, Эйва первой выскочила из машины, крича родителям, чтобы догоняли. Ее сердце громко забило, едва она увидела яркие карусели, людей, выдыхающих огонь, и других, в странных разноцветных шляпах, возвышающихся над толпой, громогласно зазывающих полюбоваться лучшим в мире представлением. Все было совершенно так, как она себе представляла.

— Все спешите сюда! — надрывались зазывалы, и Эйва заворуженно шла на их зов.

Она прокатилась на всех каруселях, наелась так, что казалось, вот-вот лопнет, сыграла во все игры и, пусть ничегошеньки не выиграла, улыбалась до ушей.

Время пролетело незаметно. Уже глубокой ночью Хизер взяла дочь за руку и твердо сказала:

— Достаточно.

— Еще так рано... — заныла Эйва, потирая кулачками слипающиеся глаза.

Хизер забрала у дочери огромную порцию сахарной ваты и отдала Мейкону. Тот откусил немного и улыбнулся.

— А мы сюда еще вернемся? — спросила Эйва.

Сильные руки подняли малышку, и она оказалась на отцовском плече, пахнувшем одеколоном, — еще один признак исключительности того вечера.

— Посмотрим, — ответил Мейкон.

— Значит, не вернемся, — поняла Эйва.

— Мы этого не говорили, — заметила Хизер.

— А говорить вовсе не обязательно, — сказала Эйва.

128

Пока отец нес ее к машине, она едва не уснула, убаюканная размеренным покачиванием его плеча. Преодолевая дремоту, усталость и нарастающую в душе печаль, она в последний раз посмотрела на ярмарку.

Позади остались огни, карусели, жонглеры, гимнасты, бородатые женщины, жирафы и звери, чьих имен она не знала. Она увидела медленно бредущую мать, тоже усталую, но улыбающуюся, а еще — отцовскую спину. Почувствовала его волосы, щекочущие щеку, ощутила силу этого мужчины, надежного и твердого, словно земля под ногами.

Прежде чем окончательно провалиться в темноту сна, Эйва еще раз поглядела на мать. Та, словно Лотова жена, быстро оглянулась назад и вновь двинулась вслед за дочерью и мужем. Вот только лицо ее

сделалось сумрачным и жестким. Обычно гладкий лоб подернулся морщинками. Все, что было светлого в этот вечер (радость, волнение от приключений), — все пропало. Так комната погружается в беспросветную мглу, когда задувают последнюю свечу.

— Мама! — позвала Эйва.

— Что, дочка? — Улыбка вернулась на лицо матери, будто никуда не исчезала.

— Это не обязательно плохо, — сонно пробормотала Эйва, положив голову отцу на плечо.

— Что именно?

— Когда что-нибудь заканчивается. Иногда так нужно. Не грусти. — Эйва закрыла глаза и, как это часто бывает с детьми, заснула сразу и глубоко.

Она не увидела, как мать заплакала, и не услышала, как отец спросил, что случилось. Хизер ответила:

— Я улыбаюсь, но никогда не знаю — на самом ли деле.

— **КАК БЫ Я ХОТЕЛА**, чтобы Уош был сейчас здесь, — сказала Эйва.

— А теперь повтори это три раза, только быстро, — ответил Мейкон, потом склонился и чмокнул ее в лоб.

130 Они с дочерью сидели на кухне. Эйва, Мейкон и Кармен два последних дня обсуждали предложение Эльдриха. В итоге решили согласиться, но с условием, что все будет происходить дома, а не в эшвилльском госпитале. Мейкон больше не в состоянии был видеть дочь в больнице.

Теперь ее тело было облеплено электродами, регистрирующими давление и пульс, а на голове красовался резиновый шлем с проводами и все теми же электродами. Техник, надевавший устройство, объяснил, что оно предназначено для записи волн электромагнитного излучения ее мозга, то есть — его активности. «В общем, все будет, как на ладони», — добавил он гордо.

— Я буду рядом, — успокоил Эйву Мейкон. — Если тебе что-нибудь понадобится или не понравится, сразу зови меня. Лады?

Эйва слабо улыбнулась.

Не оглядываясь, Мейкон вышел. За дверью уже топтались врачи, техники и операторы, только и ждавшие, когда он уйдет. Они проводили его недовольными взглядами, словно сквоттера, покидающего чужое жилище. Так же молча он прошел через гостиную, где сидели Эльдрих и Кармен. Последняя донимала доктора бесконечными расспросами о сути исследования, его безопасности для Эйвы и, наконец, о том, что он будет делать, если что-то пойдет не так.

Мейкон вышел во двор. Солнце стояло высоко, в воздухе чувствовался морозец — холодное дыхание ранней, суровой зимы. За подъездной дорожкой было припарковано множество фургончиков, пикапов и один автомобиль «Скорой помощи», прибывший на всякий случай из Эшвилля. Взглянув на «Скорую», Мейкон вздрогнул, вспомнив случившееся на авиашоу: руки Эйвы в крови Уоша, ужас в глазах дочери и то, как она потеряла сознание.

В тот момент он решил, что дочь умерла. Он не представлял, что будет делать, если потеряет Эйву, и почувствовал, что впадает в дикую панику. Захотелось немедленно вытолкать взашей всех этих докторишек и техников с операторами, всю эту внушавшую ему страх толпу выразителей чаяний всего мира, день за днем следящего и ждущего любых новостей об Эйве. Жаждающего досконально препарировать всю ее подноготную.

Мейкон почувствовал, что теряет свое дитя.

Остановившись посреди двора, шериф оглянулся на дом. Он увидел перед собой жалкую дощатую лачугу. Краска выцвела, на карнизе там и сям темнели дыры,

проделанные дятлами, пчелами-древогнездами, а может быть, даже мышами. Впервые за много лет Мейкон увидел свой дом таким, каким он был на самом деле, посмотрел на него, что называется, свежим взглядом.

А вместе с домом увидел и жизнь своей семьи. К горлу подступил ком. Если бы сам Мейкон, скажем, проезжая в машине, заметил подобный дом, он решил бы, что тот давно заброшен. А узнай он, что там кто-то пытается растить детей, то в гневе высказал бы все, что думает об этих людях. Удивился бы, как они могли дойти до жизни такой и не обращать внимания на плачевное состояние своего жилища. Мало что вызывает у людей большее презрение, чем мельком подсмотренная чужая неустроенность.

132

Однако он не стал возвращаться в дом, чтобы выгнать захватчиков и вернуться к привычной обыденности.

— Пожалуйста, — прошептал Мейкон, — сделай так, чтобы это мое решение оказалось верным.

Он стоял и ждал непонятно от кого ответа, на худой конец — знака, свидетельствующего о правильности избранного им пути, знака, показавшего бы, что их семья не пострадает.

Он стоял и ждал, ждал, ждал...

При появлении врачей Эйва, сидевшая на стуле, сразу напряглась. Войдя, те встали полукругом у кухонного стола.

— Ты понимаешь, что сейчас произойдет? — спросил ее Эльдрих.

Длинная прядь волос, зачесанная на его лысину, сбилась, лицо доктора сияло энтузиазмом.

— Вроде бы, — ответила Эйва.

— Мы приведем сюда животное, — продолжил Эльдрих. — Все происходящее, разумеется, будет записано видеокамерами. Мы подведем животное к тебе, и ты сделаешь... Ну, в общем, то, что ты тогда сделала. Или якобы сделала. — Он усмехнулся какой-то собственной шутке.

— А потом? — поинтересовалась Эйва.

— Потом? — ответил какой-то брюнет. — Потом видно будет.

Операторы принялись давить на кнопки, на их камерах зажглись красные огоньки. Камер было три: одна спереди и две по бокам чуть позади Эйвы. Она подумала, что это для того, чтобы проверить, не происходит ли что-нибудь за ее спиной. Видимо, они всерьез собирались засечь «волшебство» в действии.

— Мы готовы, — объявил Эльдрих.

Дверь открылась, и в кухню вошла молодая женщина в лабораторном халате. На руках у нее сидела маленькая собачка. Лохматый песик с такой миленькой мордочкой, словно его специально вывели для вирусных гифок.

— Не бойся, не бойся, — шептала женщина песику, глядя его по спинке.

— Что с ним случилось? — спросила Эйва.

Зверек недоверчиво смотрел на девочку.

— Я считаю, — сказала женщина, — что для чистоты эксперимента лучше, если ты не будешь знать, чем он болен.

Повернувшись к камере, она назвала свое имя, текущую дату и объявила, что проводится «Эксперимент номер один».

Взяв на колени дрожащего песика, Эйва тут же сообразила, что с ним не так: правая передняя лапка была сломана. Он поджимал ее и, несмотря на то, что выглядел измученным и сонным, не пытался лечь. Эйва ласково его погладила. Он тут же лизнул ее в нос и немного успокоился.

— Может, тебе что-нибудь требуется? — спросила у Эйвы женщина.

Та подумала немного, не сводя глаз с песика.

— Да нет, ничего, — ответила она.

134

Женщина кивнула, и все торопливо покинули комнату, будто спеша начать свой «Эксперимент номер один». Эйва осталась в одиночестве. Неподалеку гудел холодильник, поскуливал песик, сидящий у нее на коленях. Он беспокойно возился, пытаясь устроиться так, чтобы унять боль в сломанной лапке, и то и дело тоненько взвизгивал. Эйва гладила его и утешала, словно ребенка.

Минуты текли одна за одной, медленно заполняя пространство.

Где-то в доме закашляли. Наверное, кто-то из врачей. Эйва почти забыла о них, карауливших ее, точно незримые духи. Она представила, как они затаив дыхание прижимают уши к стене, смотрят на экраны компьютеров, облизывая в нетерпении губы и надеясь увидеть то, для чего у них и слов-то нет.

— О'кей, — мрачно проговорила Эйва.

И только сейчас поняла, что удивлена собой так же, как все остальные.

Бережно взяла лапку песика в ладони. Тот вздрогнул, но не сделал попытки вырваться.

— Больно не будет, — сказала ему девочка. — По крайней мере, мне так кажется, — добавила она с улыбкой, и собачка лизнула тыльную сторону ее ладони.

Эйва прикрыла глаза, ласково поглаживая лапку. Медленно задышала, и вскоре в ее голове появилась собака. Лохматая, совсем как настоящая. Эйва мысленно взглянула на ее лапку и полностью сосредоточилась на том, чтобы перелом сросся. Старательно создавала в воображении образ выздоровевшей, радостно виляющей хвостиком собаки. Думала о больной собачьей лапке, пока эта лапка не наполнила собой все. Эйва очень захотела, чтобы песик выздоровел и стал счастливым.

Вдруг видение собаки исчезло, и на ее месте, так же как и всегда, появился образ матери.

Пробуждение напоминало выползание из зыбучих песков. Эйва с трудом подняла веки. Они были тяжелыми, как никогда прежде. Все заволочла какая-то дымка. Эйва подняла руку. Та казалась вялой и непослушной. Потерла глаза, решив, что на лице лежит какая-то марлевая повязка, мешающая ей видеть. Но, как ни старалась, различала только размытые световые пятна и смутные силуэты.

— Я ничего не вижу, — произнесла она вслух.

Голос был хриплым, сердце стучало, как у маленькой птички, угодившей в силоч. Кто-то погладил ее по руке.

— Успокойся, — сказал чей-то голос.

— Папа?

— Я, — ответил Мейкон, и Эйва почувствовала, что отец садится рядом с ней на кровать. — Я здесь, малышка. Мы в больнице, в Эшвилле. Как ты?

— Я ничего не вижу, — чувствуя, как колотится сердце, повторила Эйва.

Она несколько раз моргнула, продолжая безрезультатно тереть глаза, пока Мейкон не взял ее за руки, отведя их от лица.

— Тихо, тихо, — сказал отец. — Понимаю, ты испугана, но все это пройдет, все будет хорошо, — говорил он, однако его голос звучал не слишком уверенно.

136

— И я здесь, — произнесла Кармен, присаживаясь с другой стороны, и тоже взяла Эйву за руку. — Мы оба здесь.

— Ты совсем ничего не видишь? — спросил отец.

— Совсем-совсем? — уточнила Кармен.

— Ничего, — беспомощно повторила Эйва, задыхаясь, словно после бега или от недостатка воздуха. — Почему я ничего не вижу, папа? Что случилось? Я не понимаю! Я ничего не вижу!

Тот поцеловал ее в лоб. Тяжелая, шершавая ладонь погладила ее по волосам, но Эйва смогла разглядеть только мутные тени и яркие пятна.

— Дыши глубоко и медленно, — прошептал на ухо отец. — Сосредоточься на моем голосе. Теперь глубоко вздохни, вот так. Все будет в полном порядке.

— Папа, я боюсь.

— Знаю, — ответил Мейкон подозрительно дрожащим голосом. — Обещаю, все будет хорошо.

— Просто расслабься, — посоветовала Кармен.

— Почему я ничего не вижу? Ничего, совсем ничего... — бормотала словно заведенная Эйва.

— Обещаю, что ты поправишься, — твердил, будто клятву, Мейкон, пытаясь пробиться между приступами ее страха и как-то их уравновесить. — Я тебе обещаю, Эйва, обещаю, обещаю...

— Все наладится, — сказала Кармен и сжала руку Эйвы. — Что ты сейчас видишь, Эйва?

— Чего? — переспросила девочка сквозь слезы, догадавшись по тону мачехи, что та уже не в первый раз задает ей этот вопрос.

— Я спросила, что ты сейчас видишь?

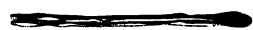
— Ничего! Ничего я не вижу! Один только свет. Очень яркий. — Она заплакала от злости на то, что женщина, сжимавшая ей руку, не была ее матерью и никогда ею не станет. — Я ничего не вижу!

Перед глазами колыхалась расплывчатая белизна. Затем она помутнела, будто ее заслонило что-то темное, движущееся туда-сюда.

— Ты заметила? — спросила Кармен. — Заметила, как изменился свет?

— Ничего я не заметила! Одни тени! — завопила Эйва, выдергивая руку из ладони мачехи.

Горькие слезы высохли, уступив место ярости. И тут Кармен рассмеялась высоким, довольным смехом, а вслед за ней расхохотался и Мейкон, страх в голосе которого явно уменьшился.

— В чем дело? — спросила Эйва. — Что здесь смешного?

— Просто ты поправляешься, — ответила Кармен и поцеловала руку Эйвы. — Поправляешься! Раньше ты не видела вообще ничего, кроме белизны. Врачи сказали, что, если зрение восстановится, все начнется с изменений в свете. Тебе лучше. — Ее голос так и звенел от радости.

Эйва, несмотря на обиду, тоже начала успокаиваться.

— Не понимаю, — пожаловалась она.

— Это ничего, — мягко сказал Мейкон, продолжая стискивать ладошку дочери. — Скажи, какое твое последнее воспоминание?

Эйва задумалась. Сердце забилося ровнее.

— Я помню песика.

— Отлично. А еще? — продолжал допытываться отец.

— Кстати, он в полном порядке, — вставила Кармен. — Я имею в виду собаку. Ты действительно вылечила ей лапу. Ты это сделала!

— После чего несколько дней находилась без сознания, — сказал Мейкон. — Сегодня ты пришла в себя третий раз. Врачи предупреждали, что у тебя, возможно, будет амнезия. Ты была словно в горячечном бреду: что-то говорила, даже отвечала на вопросы, но вряд ли их понимала. — Он вздохнул. — Как же ты нас напугала, детка.

— Первые два раза ты просыпалась от собственных криков. — Голос Кармен казался веселым, словно «черную метку» завернули в конфетную обертку. — Ты

кричала, что ничего не видишь, и просила помощи. — Эйва почувствовала, что мачеха улыбается. — Говорила, что не различаешь ничего, кроме белизны.

— А теперь вот видишь тени, — добавил Мейкон, и в его голосе зазвучали ликующие нотки. — Значит, ты пошла на поправку.

— Врачи говорили, что это вполне возможно, — сказала Кармен. — Что тебе может стать лучше. Якобы твой организм нуждается в перезагрузке или что-то вроде того. Похоже, они сами толком не понимали, что с тобой происходит, но надеялись, что со временем ты придешь в себя.

— Я ничего этого не помню, — произнесла Эйва, постаравшись сосредоточиться на своем зрении.

Оно не восстановилось, однако теперь свет в глазах напоминал полупрозрачную повязку. Она могла различать туманные силуэты, и чем больше фокусировала на них взгляд, тем явственнее они делались, превращаясь из элементарного деления на свет и тьму в сложное сочетание кривых линий и оттенков.

— Ты приходила в сознание на какие-то минуты, но мы уже знали, что с тобой все будет в порядке.

— А пока ты спала, сюда приходил Уош, — сказала Кармен. — Сидел тут и читал тебе книжку. Он был абсолютно уверен, что ты проснешься, если он тебе что-нибудь почитает.

— Где он сейчас? — живо спросила Эйва.

— Отец увез его домой, — ответила Кармен.

— Мы за ним съездим, когда ты окончательно оправишься. — Мейкон отпустил руку Эйвы. — Извини,

я пойду сообщу врачам, что ты очнулась. Ладно, малышка?

— Ага.

— Ну, заодно и Уошу дам знать.

— О'кей.

Отец еще раз поцеловал ее в лоб, поднялся и, секунду помедлив, вышел из палаты. Эйва осталась вдвоем с Кармен.

— Пить не хочешь? — поинтересовалась Кармен. — Думаю, стакан воды тебе не повредит.

— Хочу, — ответила Эйва, закрывая глаза.

Какой-то инстинкт велел ей дать им отдохнуть. Она надеялась, что, когда откроет их в следующий раз, зрение уже восстановится.

140

Кармен осторожно встала с койки и заковыляла к привезенному медсестрой столику на колесиках, где имелись графин с водой и пластиковые стаканчики.

— Я не сомневалась, что ты поправишься, — сказала она. — Не то чтобы я вообще не верю в плохое, кому как не мне разбираться в таких вещах, однако я знала, что ты пересилишь. Ведь ты у нас крепкий орешек. — Кармен надавила на кнопку, изголовье постели поползло вверх. — Вот, пей. — Она поднесла наполненный стаканчик к губам падчерицы.

Эйва неторопливо напилась. Только теперь, отвлекшись от мыслей о слепоте, она поняла, как пересохло горло, а кроме того — насколько ей физически плохо. Все тело болело, ни один мускул ее не слушался, словно сверху навалили мешок камней.

— Еще? — спросила Кармен, когда Эйва опустошила стакан.

— Нет, — буркнула та и тут же поправилась: — Спасибо, не надо.

— Не так уж и паршиво, да? — спросила Кармен, убирая стакан.

— Вода как вода, — ответила Эйва.

— Да нет, я про нас с тобой. Про тебя и меня.

Эйва вздохнула и, закусив губу, принялась размышлять о том, как ей на это реагировать. Отпустить колкость? Фыркнуть и гордо хранить молчание? Именно так она обычно поступала, протестуя против того, что Кармен влезла в их с отцом жизнь. Однако Эйва в глубине души все еще чувствовала страх перед слепотой и неуверенность, а телесная боль помутила ее сознание.

Эйва знала только, что не хочет оставаться одна. Несмотря на все ее шпильки, мачеха никогда не отвечала тем же и не сердилась, терпеливо снося бесконечные нападки падчерицы. Она не уходила, не покорялась, не злилась и не ругалась. Короче, вела себя как настоящая мать.

Поэтому Эйва ничего не ответила. Своеобразное признание того, что даже в самых жестоких войнах бывают минуты, когда воюющим сторонам требуется передышка.

На сей раз Мейкон остался доволен мерами безопасности, наконец-то принятыми больницей. Оставалось только надеяться, что Эйва не начнет попадать сюда регулярно, чтобы больничное начальство могло

постепенно исправить все оставшиеся недочеты. Этаж, где находилась палата Эйвы, охраняли полицейские постовые, расставленные у лестниц и лифтов. Как ни протестовали родственники прочих больных, все входящие сюда обязаны были предъявлять документы.

Именно сейчас это было особенно необходимо, и больница делала все, чтобы защитить Эйву. Изучив собаку и видеозаписи, полученные в ходе эксперимента, врачи, несмотря на весь свой первоначальный скептицизм, пришли к выводу: девочка действительно излечила животное. Проанализировав данные, они не преминули выложить видео в Интернет, и оно распространилось, подобно степному пожару.

142

— Мейкон! — окликнул в коридоре шерифа доктор Эльдрих. — У вас минутка найдется?

Схватив Мейкона за локоть, тот потащил его в маленький пустой кабинет в дальнем конце.

— Я хотел побеседовать с вами об Эйве и о результатах нашего эксперимента, — пояснил доктор, закрывая дверь.

Мейкон сел на стул у небольшого, заваленного бумагами стола, в свободном углу которого виднелась фотография улыбающейся женщины с ребенком.

— В чем дело? — спросил он.

— Как вы уже знаете, ваша дочь излечила собаку, — с горящими глазами произнес Эльдрих. — Она полностью восстановила ей сломанную лапу.

— Вы мне это уже говорили несколько дней назад.

— Да, но теперь мы провели куда более тщательное обследование и обнаружили нечто потрясающее. Она не просто излечила пса...

— Что вы хотите сказать?

— Ну, если не вдаваться в технические мелочи, то дело обстоит так: мы не обнаружили рубцовой ткани. Обычно сросшиеся переломы оставляют на кости след, который можно обнаружить на рентгеновском снимке или при вскрытии. Так вот, у собаки его нет. Это поразительно, просто поразительно! — Произнося все это, доктор возбужденно жестикулировал: изображал воображаемые кости, «ломал» их и снова сращивал.

Мейкон задумался. Наверное, ему следовало тоже заинтересоваться этим фактом, может быть, даже восхититься, как этот Эльдрих, но получилось не очень.

143

— Хорошо, а что с Эйвой? Что с моей дочерью? Я согласился на ваш опыт только потому, что вы обещали получше разобраться, почему она плохо себя чувствует и все время мерзнет. Теперь я хочу получить ответ. Что происходит с моей дочерью?

— Ну, на сей счет у нас есть несколько гипотез, — затащил, было, заметно поскучевший Эльдрих, потом, словно осекся, вздохнул и продолжил: — Честно говоря, выяснили мы немного. Все, что нам точно известно, — это то, что сразу после этих... х-м-м... событий у нее в крови резко понизился уровень красных и белых телец. Что явилось причиной слепоты, мы не знаем. Прочие ее анализы в полном порядке. Мы не обнаружили никакой физической патологии, которая может вызвать потерю

зрения. Однако, как я уже говорил, ее анализ крови в данный момент непоказателен, а следовательно, у нас имеются лишь косвенные данные, по которым сложно судить о возможных причинах слепоты.

— Ей сейчас лучше, — сказал Мейкон. — Она только что пришла в себя и теперь различает не только свет, но и тени.

— Правда? — Глаза Эльдриха расширились от возбуждения. — Великолепно! Мы очень надеялись, что так и будет.

— То есть по существу вы ничего сказать не можете?

Доктор как-то замялся.

144

— Я не могу сказать вам то, что вы хотели бы услышать, — произнес наконец он. — Я не знаю, почему все это с ней происходит, не знаю — как. Черт, да я даже названия этому не знаю!

— Не обидитесь, если я скажу, что вы удружили мне головной болью размером с Россию? Вас же такая мелочь не огорчит? — Мейкон потер виски. — Есть ли во всем этом хоть какой-то смысл? Что-нибудь просматривается на горизонте?

— Извините, — торопливо заговорил Эльдрих, — просто все это так необычно. Во время вскрытия...

— Какого еще вскрытия? — перебил Мейкон.

— Вскрытия собаки, она сдохла.

В кабинете повисла гнетущая тишина.

— Как это — сдохла?

— Дирофиляриоз, попросту говоря — гельминты в сердце.

— Пойдите, у нее же лапа была сломана?

— Ну да, — спокойно кивнул Эльдрих, вновь почувствовавший себя уверенней, едва речь зашла о научных исследованиях, а не о расстроенных отцах с их странными дочерьми. — У пса был сложный перелом, который...

— Эйва излечила, — опять перебил его Мейкон, чувствуя, что начинает заводиться.

Он вскочил и навис над Эльдрихом, сунув большие пальцы обеих рук за ремень. Отца сменил шериф.

— Эйва вылечила перелом. Срастила кости. Вы сами только что мне это сказали.

— Да, вылечила. — Голос Эльдриха задрожал.

— Так какого же дьявола вы тут толкуете, что пес издох? Вы нарочно его убили? — Мейкон ткнул доктора пальцем в грудь.

— Что?

— Вы убили его? Вскрыли, чтобы посмотреть, как там оно внутри, да?

— Шериф, вы смотрите слишком много телешоу, — язвительно хмыкнул Эльдрих.

— Отвечайте на мой вопрос! Отчего умерла собака?

— От заражения сердечными гельминтами, — повторил Эльдрих и затараторил, прежде чем шериф успел его перебить. — У пса они были с самого начала, клянусь! — Он поднял руку, не давая Мейкону заговорить. — Помимо сломанной лапы у него имелся дифилляриоз в терминальной стадии, медицина была бессильна. Песик доживал последние дни, именно поэтому мы и выбрали его для эксперимента.

Мейкон сжал зубы. Потом, сообразив, что Эльдрих, похоже, не врет, он медленно произнес:

— Ну, положим. А Эйва? Чего она-то добилась в таком случае?

— Вылечила псу лапу, но не диروفилляриоз.

Мейкон отодвинулся от Эльдриха. Голова так и гудела от вопросов. Едва он выстраивал новую картину мира и находил на ней место для своей семьи, как все в очередной раз трещало по швам.

— Ничего не понимаю, — проговорил он, хотя в действительности ему многое стало ясно.

— И мы тоже, — ответил Эльдрих. — Однако это полностью объясняет проблему с Уошем.

— А с ним что?

— У него рак, — скучным тоном произнес Эльдрих. — Разве вы не знали?

— Уош знает? — выпалил Мейкон, появляясь в дверях дома Бренды.

Он даже не подумал зайти внутрь и поздороваться.

Бренда вскинулась, будто давно ждала этого вопроса и страшилась его. На ней было домашнее платье с узором из бело-желтых цветочков и фартук. И то, и другое — старое, застиранное. Мода Бренду не интересовала, она предпочитала вещи либо практичные, либо — привычные. Это самое платье с фартуком она носила, сколько ее помнил Мейкон. Сегодня они выглядели еще более поношенными, чем обычно. На подоле платья белело пятно. От Бренды несло потом и хлоркой.

— Нет, не знает, — ответила она тоном таким же невыразительным, как у Эльдриха, повернулась и пошла в глубь дома.

— Проклятье...

Мейкон наконец переступил порог и вошел. Вонь хлорки так и ударила в нос.

— А ты когда узнала? — сурово спросил он.

— Примерно с неделю назад, — ответила Бренда безжизненным голосом, подходя к ведру с водой, стоящему у дивана.

Из ведра несло все той же хлоркой. Бренда опустилась на четвереньки, вытащила тряпку из теплой воды и принялась тереть пол. Потом обернулась к шерифу и добавила:

— Смотри грязи мне не натащи... Они просто позвонили. Разве можно сообщать такие вещи по телефону? Могли бы приехать или вызвать меня в больницу, на худой конец. Впрочем, в наше время, похоже, никто больше не утруждает себя визитами на дом. Даже для того, чтобы сообщить старой женщине, что ее внук болен раком.

— Господи, — пробормотал Мейкон, в рассеянности ступая грязными ботинками по свежeweымытому полу. — Как же это?.. Нам-то ты, надеюсь, собиралась сообщить?

— Я же просила тебя не топтаться здесь.

Мейкон посмотрел на пол, потом перевел взгляд на Бренду:

— К чертям собачьим твой пол, Бренда! Проклятье! Как можно скрывать подобные вещи? Как ты мог-

ла? Ладно мы, но как ты посмела скрыть это от самого Уоша? Насколько все серьезно? — Задавая вопросы, Мейкон, сам того не замечая, размахивал руками.

Его мысли метались от Уоша к Эйве, потом к ним обоим.

148 Дети были неразлучны с тех пор, как им исполнилось по пять лет. Они ходили в один детский сад, затем в один и тот же класс, не расставаясь даже на каникулах. Если вы обнаруживали одного из них, то, с огромной долей вероятности, рядом находился и другой. Подобные узы теперь редко встретишь: люди переезжают с места на место, бросают друг друга, умирают, и ничто не длится долго. Мейкон надеялся, что у Эйвы с Уошем все будет иначе. Что их детская дружба со временем перерастет в юношескую любовь (если уже не переросла), а потом — почему бы и нет? — они поженятся, и так далее, и тому подобное. Это всегда было его тайной мечтой, тем, что сам он, к сожалению, воплотить не смог. И теперь мечта разваливалась на глазах.

Для Мейкона Уош был как сын. Шериф уже раз потерял жену, здоровье дочери пошатнулось, его вторая жена плохо переносила беременность, и, несмотря на показную уверенность, он понимал, что благополучное разрешение от бремени — далеко не факт... А теперь вот и Уош заболел раком.

— Господи, Бренда, — проговорил он, глядя на изможденную женщину.

До Мейкона внезапно дошел весь ужас ситуации. Его гнев испарился, уступив место негодованию. Не об-

ращая внимания на ползающую по полу Бренду, шериф широкими шагами пересек комнату и уселся на диван.

— Итак, Бренда, говори, насколько все опасно? — потребовал он.

— Насколько? — В ее голосе зазвучал истерический смех. — А ты можешь припомнить хоть один случай, когда детский рак не был смертельно опасен?

С тяжелым вздохом она уронила свою тряпку, медленно поднялась, потирая колени, и тоже опустилась на диван. Ее лицо покраснело, на лбу выступили капельки пота, длинные рыжие волосы, связанные в «конский хвост», растрепались. Бренда принялась тереть лежащие на коленях руки.

Мейкон заметил, как они изуродованы. Кисти рук выглядели так, словно она держала их в кислоте. Слово с них слезла кожа.

149

— Ты думаешь, я бездушная, да? — Она прямо посмотрела в глаза шерифу. — Небось спрашиваешь себя, как она посмела не сказать ребенку, что он болен? Хочешь, чтобы я перед тобой немедленно отчиталась? — Ее губы сжались в тонкую ниточку. — Что ж, я могу. Это не твой ребенок. Ты не несешь за него ответственности. Не тебе придется смотреть ему в глаза и говорить, что он, по всей видимости, скоро умрет.

— Но он должен узнать, — мягко произнес Мейкон.

— И он узнает, — отрезала Бренда. — Когда я буду готова ему об этом рассказать. — Она взглянула на ведро, дожидющееся у дивана, покосилась на следы ботинок Мейкона.

— И сколько ты собираешься готовиться? — спросил он. — Как долго Уош должен оставаться без лечения? Бренда, речь идет о его жизни.

Не говоря ни слова, она встала, прошла на кухню, вернулась со щеткой и принялась возить ею по полу.

— Приходится за тобой убирать, — пробормотала она.

— Бренда, хватит.

Но та не унималась. Как-то сгребла в кучку грязь, вымела ее за порог. Отнесла щетку обратно на кухню, вновь присела над своим ведром, выудила тряпку и продолжала тереть пол.

150

Мейкон во все глаза смотрел на нее. Такой Бренду он еще не видел, даже когда ее дочь погибла в аварии. На похоронах она держалась прямо, как мраморная статуя. Не плакала — по крайней мере, на людях, — только обнимала всхлипывающего внука. А рядом с ними на скамье закрывал лицо руками рыдающий Том, словно взгляд на мертвое тело жены мог сделать ее смерть еще более реальной.

Вот и сегодня Мейкон, направляясь к Бренде, ожидал увидеть что-то подобное. Однако вместо этого обнаружил женщину, чья жизнь повисла на волоске. Шериф подумал, что и камень может рассыпаться в прах, если его сильнее ударить.

— Прости меня, Бренда, — мягко сказал он, подошел к ней и помог подняться. — Прекрати, хватит. Мне стыдно, что я вломился к тебе как медведь. Просто... просто все это застало меня врасплох. — Он усадил Бренду на диван и сел сам, по-прежнему держа ее за руки.

— Ты вот спрашивал, почему я не говорю Уошу? И как могу скрывать от него то, что его касается напрямую? — Она сжала ладони Мейкона. — Знаешь, что самое главное в жизни? Круче, чем лазать по этим вашим чертовым горам? Что слаще любви? Приятнее, чем рождение ребенка?

Мейкон осторожно посмотрел на женщину. Огонь, который она разом как-то утратила, явно возвращался.

— Не знаю. И что же это?

— Вера в собственную неуязвимость, — ответила Бренда, только сейчас, похоже, заметив кровь, выступившую на костяшках пальцев, и вытерла их тряпкой, даже не поморщившись, когда вымоченная в хлорке ткань коснулась поврежденной кожи. — Эта вера — самое прекрасное чувство, которое может испытывать человек. Оно посещает нас раз в жизни, и долго, увы, не длится: мир быстро расставляет все по местам. Умирают ли твои знакомые, сам ли ты получаешь какую-нибудь травму — неважно, главное, ты понимаешь, что ты вовсе не всемогущ и нет в тебе ничего необыкновенного. И твои дни, как и дни других, — сочтены. — Она покачала головой. — Ужасно терять это чувство, — пробормотала Бренда и встала, продолжая машинально вытирать руки тряпкой. — Имя этому волшебному состоянию, Мейкон, — детство. Когда оно кончается, то кончается навсегда. А с ним и ощущение, что мир — полон чудес. Тогда-то мы и взрослеем, теряя способность изумляться всему на свете. С этой минуты единственное, что ты видишь впереди, — это смерть.

— Но он должен знать, — тихо произнес Мейкон. — Должен знать, что с ним происходит.

— Узнает. — По щекам Бренды потекли слезы. — Неужели это такой большой грех, подарить ему еще пару деньков? Еще несколько мгновений детства? Неужели это простое желание делает меня дрянью? Разве я наврежу этим ему?

Голос Бренды переполняли мольба, страх и печаль бабушки, боящейся пережить своего внука. Мейкон опустился перед ней на колени и обнял.

152

— Я уже потеряла дочь, — продолжила та. — Родители не должны хоронить своих детей, неправильно это. Каждый день я спрашиваю себя, нет ли здесь моей вины. Я не виню ни Тома, ни Господа, только себя — потому что именно такова участь человека, у которого умирает ребенок, неважно от чего. После ее смерти я каждый божий день думаю, что сделала не так. А теперь я могу потерять и Уоша. Я ведь просто хочу подарить ему еще капельку детства. Мейкон, скажи, я поступаю неправильно? Я ошибаюсь?

Весь дом наполнился ее рыданиями. Ужасными звуками, похожими, скорее, не на плач, а на заунывное пение одинокой скрипичной струны.

— Нет, Бренда, — сказал Мейкон, не отнимая рук, — ты ни в чем не ошибаешься. Мы вместе подумаем, как все устроить.

— Не говори никому, — горячно проговорила Бренда, взглядываясь в лицо Мейкону. — Даже Эйве. Обещаешь?

Подобная мысль уже посетила и самого Мейкона.

— Хватит с нее бед, — продолжила Бренда. — Девочка уже один раз сделала для Уоша невозможное, до сих пор не оправилась. Согласен со мной? — Она наконец отпустила его руки. — С Уошем все будет хорошо, врачи постараются и помогут ему. А твоя дочка не в состоянии спасти весь мир. Обещай, что не позволишь ей вмешаться.

— Все наладится, — уклончиво произнес Мейкон.

Он больше не обсуждал поведение Бренды, просто просидел с ней до заката, размышляя о том, сможет ли она выжить без Уоша. А также о том, сможет ли тот прожить без Эйвы.

153

Они ушли в горы на весь день, захватив с собой ведро и железный штырь. Рылись в каменистых осыпях, причем Хизер не говорила, что именно они ищут.

— Это будет что-то, чего ты прежде никогда не видела, — сказала мать, придав их экспедиции некий налет таинственности, с энтузиазмом принятый Эйвой.

Ведь они жили в настоящих горах, и маленькая Эйва слышала уже немало историй о золоте, алмазах и всевозможных кладах, которые можно там отыскать, даже в таких истоптанных вдоль и поперек горах, как вокруг Стоун-Темпла.

Так что девочка без усталости бегала почти до обеда, находя все новые и новые диковины.

За несколько часов ей попались: старая бутылочная пробка, перочинный ножик, камень, напоминающий зуб, а потом — чей-то всамделишный зуб, деревяшка, очертаниями точь-в-точь как Техас (штат, который она просто обожала, благодаря вестернам, идущим по телевизору), странный кусок резины совершенно непонятного предназначения, а также многое, многое другое.

Хизер же сосредоточила усилия на единственном участке. То и дело она доставала из кармана свой штырь и принималась скрести им камни, словно хотела выцарапать все их секреты.

154

— Что это? — спросила Эйва, показывая на железяку.

День перевалил за середину. Девочка уже несколько часов кряду не находила ничего стоящего, и интерес к походу начал ослабевать.

— Просто железяка.

— И зачем она тебе?

— Затем, что она мне нужна.

— А зачем?

— Чтобы найти то, что я ищу.

Эйва устала, ее мысли рассеялись, перепрыгивая то на Уоша, то на телевизор, ожидающий дома, то на отца, который с ними не пошел. В общем, на предметы, не имевшие никакого отношения к горам, где они с матерью бродили уже целый день. Она думала о том, что где-то там, внизу, остался целый мир.

— Нашла! — воскликнула вдруг Хизер, опускаясь на колени перед гладким камнем и дотрагиваясь до него своим штырем.

Когда она подняла руку, камень тоже поднялся, словно приклеенный к железке.

— Что это? — удивилась Эйва.

— Магнетит.

Мать оторвала камень от штыря и отдала дочери. Та начала медленно приближать его к штырю. Вдруг он выскользнул у нее из ладошки и вновь прилип к железу. Эйва засмеялась.

— Это тебе, — сказала Хизер.

— Мне?

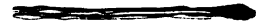
— Конечно. Кто знает, сколько лет этот камень ждал тут тебя?

— Как это?

— Когда я была маленькой, то часто ходила в горы. Однажды именно в этом месте я нашла такой камень. Взяла его и много лет хранила, пока он не потерялся. Но я помнила, где его нашла, и пообещала себе, что, когда у меня будет ребенок, мы отправимся сюда с ним и отыщем такой же.

Эйва крепко стиснула магнетит, взвешивая его в руке, словно пытаясь понять его природу.

— И вот прошли годы, и у тебя тоже появился такой камень. Он ждал тебя дольше, чем я живу на этом свете. Может быть, даже дольше всех, кто когда-нибудь жил на Земле. Даже представить невозможно, когда тут появился этот камешек, пред-

назначенный для тебя одной. Лежал здесь, лежал, считая дни, и ждал.

— Правда? — спросила девочка, разжав ладошку и глядя на камень.

Она попыталась представить себе такую бездну лет. Все эти дожди, ветра и облака, планету, летящую по орбите, зверей и людей, проходивших мимо, в то время как камень неподвижно ждал ее, Эйву.

— Конечно, правда, — кивнула Хизер. — Все, во что ты веришь, может когда-нибудь стать правдой.

— **КАК ТЫ** себя чувствуешь? — громко спросил Уош.

Уже второй раз за время пребывания в больнице Эйва проснулась от его голоса. Зрение потихоньку восстанавливалось. Уош, как и другие близкие, навещал ее, сидел рядом, болтал и радовался тому, что день ото дня она видела лучше и лучше. Они чувствовали, что их страх постепенно спадает.

157

— Что ты сказал? — слабым голосом переспросила Эйва.

Голова побаливала, ей казалось, что внутри гудит колокол, глаза открывать было тяжело. Но Уош, безусловно, стоил головной боли.

— Уош, это ты?

— В чем дело?

Он забеспокоился, услышав, как изменился ее голос: в нем опять зазвучал испуг. Когда мальчик заглянул в лицо подруги, он обнаружил, что ее глаза стали совершенно чистыми, однако смотрят они куда-то сквозь него.

— Ты меня вообще видишь? — Он нервно помахал рукой перед ее носом. — Странно, мать вроде исчезла,

ты должна видеть лучше. — Уош наморщил лоб. — Эйва, ты видишь хоть что-нибудь?

Эйва приподнялась, схватила его за ухо и дернула, не больно, но ощутимо.

— Получил ответ на свой вопрос? — Она хихикнула. Голова, правда, от этого разболелась сильнее, зато на губах Уоша расцвела улыбка.

— Ну ты и поганка! — рассмеялся он. — Это было подло.

— Зато забавно. — Эйва показала язык.

Она села, опираясь на локти, возбужденная тем, что впервые после долгих дней слепоты видит все абсолютно отчетливо, будто ничего и не было. Эйва закашлялась, боль тут же дала о себе знать, напоминая о болезни. Озноб никуда не делся, как и ломота в костях. Кашель тоже не прекращался, во рту появился медный привкус крови. Уош налил в стакан воды из графина и присел рядом, глядя на Эйву, заходящуюся в кашле. Приступ никак не проходил. Мальчик оглянулся на дверь, видимо размышляя, не позвать ли на помощь.

— Не надо, — попросила Эйва.

Уош затаил дыхание. Прокашлявшись, Эйва глотнула воды и прилегла на бок, в горле все еще что-то хрипело. Уош легонько постучал ее по спине, взял салфетку, лежавшую у изголовья, и вытер кровь у рта.

— Спасибо, — пробормотала Эйва, когда боль немного унялась, и она смогла говорить.

— Почему ты не скажешь врачам, что тебе плохо? — спросил он.

— А смысл? — ответила она, дрожа.

Уош поправил на ней одеяло, убеждаясь, что она укутана настолько хорошо, насколько возможно. Согревшись, Эйва вдруг протянула руку и еще раз дернула Уоша за ухо.

— Почему ты больше не поешь? — спросила она. — Я боялась, что это твое тайное оружие, которым ты будешь изводить меня, пока не поправлюсь.

— Взял тайм-аут, — улыбнулся Уош. — Хочу испытать на тебе что-то другое. Вот «Моби Дика» купил, могу тебе почитать.

— Я бы предпочла, чтобы ты провыл какую-нибудь песенку, — ответила Эйва. — Раз я угодила в больницу, все должны выполнять мои прихоти. Спой что-нибудь. Что угодно, кроме «На берегах Огайо». Не хочу слушать песен про то, как убивают возлюбленных.

— Знаешь, я больше вообще не буду петь. Отец мне сказал, что лучше не надо.

— Уош...

— По-моему, он считает, что мой голос не очень подходит для пения, — Уош почесал в затылке, прядка густых каштановых волос упала ему на глаза. — Мы же с тобой оба понимаем, что мой голос какой-то дурацкий. А отец, он разбирается в музыке. Думаю, мне стоит к нему прислушаться.

— Заткнись, а? Заткнись и пой. Если так боишься своего отца, то я сохраню твой секрет. — Откинувшись на подушку, она закрыла глаза и приготовилась слушать.

— А я должен буду хранить твой, да? Насчет того, что ты чувствуешь себя не так хорошо, как притворяешься?

— Ага, — тихо проговорила Эйва, не открывая глаз. — И также насчет того, что повторять подобное я не собираюсь ни за какие коврижки.

— Что именно?

— Я устала, Уош. Не хочу больше об этом.

Уош пристально смотрел ей в лицо. Ему ужасно хотелось, чтобы она открыла глаза, но ее веки оставались закрытыми.

— Зачем тогда ты согласилась на эксперимент с собакой? Почему не объяснила отцу, что не хочешь?

— Ты будешь петь или нет?

Эйва открыла глаза, но взглянула на него так, что ему сразу стало ясно: разговор окончен.

— Прощу тебя. — Она сжала его руку.

Уош выдавил улыбку.

— Спеть тебе «Балладу о Джоне Генри»?

— Здорово, — скривилась Эйва. — Еще одна песня, в которой умирают.

— Это часть моего неповторимого обаяния, детка. А теперь помолчи, мне надо подготовиться.

Уош откашлялся, склонил голову, в обычной своей манере, и свел большой и указательный пальцы в кружок. Песня полилась, заполняя собой всю комнату. Эйва лежала и слушала, боль ушла, и пришел сон, навеянный его голосом, словно шелестящей листвой.

В среду вечером секта Преподобного Исаяи Брауна, помешавшая в свое время Мейкону сопровождать Кармен к доктору Арнольду, окончательно утвердилась

в Стоун-Темпле. Ни будний день, ни холод не остановили адептов. Они прибыли на легковушках, в фургонах и автобусах и соорудили себе лагерь вокруг дуба в центре города. Гостиницы в Стоун-Темпле не было, хотя его жители быстро освоили искусство сдачи внаем комнат и превращения пустошей в прибыльные стоянки для автофургонов и площадки для палаток.

Несколько лет назад город получил от государства субсидию. На эти деньги был разбит небольшой парк, якобы для привлечения туристов. Посреди него рос дуб, такой огромный и древний, какого большинству людей не увидеть и за целую жизнь. Его раскидистая крона вздымалась высоко над землей, словно столб зеленого огня. Даже зимой он представлял собой великолепное зрелище: голые ветви на фоне неба напоминали переплетение вены.

161

В одном из близлежащих старых домов, давно нежилом, устроили что-то вроде художественной мастерской, окна которой выходили в парк. Сюда навевались художники и поэты. Вдохновленные удивительным дубом, они писали картины, сочиняли поэмы и даже пьесы.

Затем, как и почти все в Стоун-Темпле, дерево начало утрачивать свое очарование. С каждым годом в город съезжалось все меньше служителей муз, пока наконец их поток окончательно не иссяк.

Теперь под оголившимся деревом расположились последователи Преподобного Брауна. Они поселились в палатках с обогревателями, а в дальнем конце парка соорудили широкую сцену. С трех сторон парк окружен был строениями, когда-то принадлежавшими разорив-

шимся ныне фирмочкам, а также жилые дома, где обитали оставшиеся горожане.

В центре сцены стоял Преподобный Исаяя Браун с микрофоном в одной руке и Библией в другой: начиналась вечерняя проповедь. Она была посвящена чудесам, совершенным Иисусом, а также тому, что наиглавнейшей обязанностью церкви, а следовательно, и всех прихожан, является подражание прежде всего доброте и бескорыстию Спасителя:

162

— Легко поверить, что мы — не такие, как Иисус, ибо так оно и есть. Но все же у нас много общего. Мы живем подобно ему. Истекаем кровью так же, как истекал он. Умираем, как умер Иисус. Он за свою жизнь смог совершить удивительные, невозможные вещи, вещи, о которых мы, в своей ничтожности, не способны даже помыслить...

Преподобный медленно расхаживал взад и вперед, стараясь полностью завладеть вниманием аудитории, и при малейшей возможности глядел людям в глаза, чтобы удостовериться, что его слова услышаны. Браун всегда считал, что речь, будь то публичная проповедь или простое выражение признательности, — это пламя сочувствия, доносимое до людей. Стремление души, заключенной в узилище тела, передать другой душе собственные мысли, чувства, самую свою суть. И высшей формой этого стремления, по мнению Преподобного Исаяи Брауна, была проповедь, поскольку ее задача заключалась в попытке пробудить людей, приобщить их к чему-то, во что они сами отчаянно хотели поверить, но зачастую считали себя недостойными. Все равно что пы-

таться соорудить мост между Землей и Солнцем: величественно тяготеющими друг к другу, но разделенными тысячами тысяч миль.

— Но понимание того, что мы — не такие, как Иисус, нельзя использовать в качестве оправдания для отказа от долга быть добрыми и сострадательными, долга прощать и помогать, желая сделать мир лучше, чем он был до нашего появления на свет. — Преподобный остановился на месте. — Я потому говорю об этом, дорогая моя паства, что нам всем известно, что произошло в этом небольшом городке, называемом Стоун-Темпл. Весь мир судачит об этой девочке, пытаюсь понять свершившееся и, может быть, наполнить его неким собственным содержанием. Мы все виновны в этом, в том числе — я сам. Не буду притворяться, что я (так же, как и вы) не очарован, не заинтригован тем, что тут случилось. Именно поэтому мы здесь и обсуждаем эти события. Весь мир устремился сюда... Однако я прошу вас не забывать о главном: речь идет о ребенке. Нам нужно удержаться от чрезмерных надежд и чаяний, не возлагать их бремя на девочку. Нужно помнить, что и мы точно так же любимы и благословенны Господом нашим, как и она. Что и в наших душах точно так же таится дар творить добро и спасать ближних, пусть не посредством чудес, но посредством благих деяний: свобода воли, дающая нам возможность помогать другим, — есть величайшее благословение, дарованное Богом.

Слушатели неуверенно зааплодировали.

Эта проповедь заметно отличалась от тех, к которым привыкла толпа. Большинство последователей Пре-

подобного Брауна ожидало услышать, что эта девочка послана им Господом, чтобы столь чудесным образом напомнить людям о своем бытии. Однако наставление преподобного, которому они искренне верили, оказалось иным. Некоторые сразу поняли его и согласились, других одолевали сомнения.

Но в целом община была верна своему пастырю и зааплодировала. Все встали, воздев руки в знак почтения, и проповедь, как обычно, завершилась общим чтением «Отче наш». Они хором повторяли слова, и их вера в него вновь окрепла.

164 — Благодарю вас, — торжественно произнес Браун. — Благодарю вас, братья и сестры, за все, что вы делаете. Благодарю от всей души.

Мейкон сидел в первом ряду. Браун пригласил его послушать проповедь, и он согласился. Преподобный чем-то напомнил шерифу покойного отца. Тот тоже был мужчиной суровым, но справедливым. Он умер всего за несколько месяцев до рождения внучки. Мейкон жалел, что Эйва так и не узнала своего дедушку. Ему хватило ума сообразить, что эта симпатия к Брауну обусловлена прежде всего этим сходством, но он решил смириться, и будь что будет.

Когда собрание завершилось, Мейкона позвали побеседовать с Преподобным с глазу на глаз.

— Ну и как вам? — поинтересовался Браун.

Он предложил шерифу чашечку кофе, однако тот отказался. Мейкон не был уверен, что сможет противиться сближению, которое неизбежно возникнет, если они

разделят трапезу. Они сидели вдвоем в библиотеке виллы «Эндрюс».

— Великолепное шоу, — ответил Мейкон, стараясь поаккуратнее подбирать слова.

Помещение было просторным, отделанные деревом стены создавали впечатление уюта и достатка. Вилла принадлежала Бенджамину Эндрюсу — одному из богатейших жителей Стоун-Темпла, удачливому инвестору, сделавшему состояние на слияниях и процентах. Он частенько говаривал горожанам, что молодость «растратил на мамону». Теперь, постарев, Эндрюс превратил свой огромный дом в благотворительный пансион. Комнаты за сущие гроши сдавались любому, кто нуждался в отдыхе от мира. Постояльцы могли сполна насладиться красотой помпезного здания. По идее хозяина, это должно было настроить их на благоговейный лад, а заодно внушить мысль, что даже в бурном житейском море иногда можно отыскать гостеприимный островок. Бенджамин Эндрюс очень гордился этим своим замыслом.

Когда стало известно, что в Стоун-Темпл прибывает сам Преподобный Браун (а известно это стало много раньше, чем полагало большинство горожан), для великого человека и его окружения на вилле «Эндрюс» было зарезервировано местечко. Комнаты не сдавались и стояли пустыми, ожидая именитого постояльца, ведь Преподобный Браун был одним из немногих, кому все еще верили люди.

— Наверное, несколько театрально на ваш вкус, да? — продолжал допытываться Браун.

— Знаете, я вообще не большой любитель ходить на проповеди, так что... Главное, чтобы народу нравилось, а остальное — не моя забота.

— Понимаю, — кивнул Преподобный. — Я не ошибусь, если предположу, что вы сделались «нелюбителем ходить на проповеди» после смерти супруги?

— Никак не привыкну, что в наши дни все и всё обо всех знают, — напрягся Мейкон.

— Верно, узнать это было несложно, — согласился Браун. — По крайней мере, теперь. Ваш город и всех его жителей разве что в микроскоп не разглядывают. — Он свел пальцы в кружок, имитируя окуляр микроскопа, и посмотрел сквозь них на Мейкона. — Но человек вообще должен стремиться узнать о других людях как можно больше. — Он потер ладони, словно они замерзли, потом постучал кулаком о кулак. — Почему вы решили стать шерифом?

— Так уж вышло.

Преподобный встал, подошел к другому краю стола и со вздохом опустил там в кресло. Откинулся на спинку, посидел немного, потом вновь подался вперед, словно ему стало вдруг неудобно. Оперся локтями о край стола и взглянул на Мейкона поверх сжатых в замок пальцев.

— Могу я поинтересоваться, во что вы верите, Мейкон? В духовном плане?

Мейкон давно ждал этого вопроса. В последнее время о его религиозных воззрениях спрашивали все, кому не лень. Невозможно было игнорировать очевидную параллель между тем, что сделала Эйва, и чудесами, со-

вершенными Христом. Естественно, людей интересовало, что по этому поводу думает ее отец. Они хотели узнать, католик он, баптист, методист, иудей, мусульманин, буддист, даосист... А может быть, атеист, деист или агностик? Или еще кто? Однако чудеса невозможно втиснуть в узкие рамки. Покуда человек признаёт существование мирского, он верит и в чудесное. Всех волновало, ходит ли Мейкон в церковь каждую неделю или не ходит? Молится ли он вообще? Верит ли хоть во что-нибудь?

Мейкон считал, что верующий он или нет — один черт. Если объявит себя верующим, атеисты тут же заругут, что все это — мистификация, организованная религиозным фанатиком. Скажет, что религия не играет существенной роли в его жизни, его заклеймят набожные, поскольку иначе как чудом деяния Эйвы не назовешь...

— Я верю в то, во что верю, — уклончиво ответил Преподобному Мейкон.

Это было лучшее, что он смог придумать: такой ответ никого не задевал и, в общем-то, ничего не значил.

— Понятно, — кивнул Преподобный Браун. — Все мы вольны стоять на собственной духовной основе, какой бы она ни являлась. И в эти дни, полагаю, из-за того, что творится вокруг вас и вашей дочери, вы заслуживаете этого права больше, чем кто-либо.

— Почему-то мне сдается, что за этим последует какое-нибудь «но», — хмыкнул Мейкон.

— Да, мне кое-что от вас нужно.

— Что именно?

— Если коротко, помощь. — Преподобный умолк, словно давая Мейкону время подумать, о чем именно его собираются просить. — Я верю, что могу помочь вам и вашей семье, на сей счет, по-моему, я уже выразился совершенно определенно. Но я никак не смогу этого сделать без вашего позволения. Поэтому я прошу у вас разрешения помочь Эйве. А лучше всего, если вы оба присоединитесь к моей пастве.

— И что тебе сказал этот Преподобный Браун? — спросила Кармен.

168

Они стояли на подъездной дорожке. Погода держалась не по сезону холодная. Но было поздно, Эйва уже спала, поэтому они решили поговорить во дворе. Одно из несомненных достоинств жизни в лесу — отсутствие соседских ушей и глаз. Не то чтобы им часто требовалось уединение, но сейчас оно оказалось как нельзя кстати.

Мейкон смотрел на подножие холма, куда спускалась подъездная дорожка. Там, где еще недавно постоянно горели огни репортерского лагеря, была темнота.

— Куда подевались пираньи? — поинтересовалась она.

— Ты не ответил на мой вопрос. — Кармен решительно скрестила руки на груди, и Мейкон понял: пока он не ответит, она не сдвинется с места.

— Ты не представляешь, какая ловкость требуется, чтобы уходить от твоих вопросов, — отшутился Мейкон.

— Ты недооцениваешь беременную женщину, которой вполне достанет сил огреть мужа сковородкой, если он будет продолжать юлить.

— Ладно, ладно, — ухмыльнулся шериф, затем глубоко вздохнул, и его улыбка потухла. — Сдается мне, он неплохой человек.

— И что этому неплохому человеку нужно от Эйвы? — прямо спросила Кармен.

Ночной холодок бодрил. Из-за западных гор как раз выглянула луна, лохматые сосны проступили в густом тумане. Сверчки распевали свои последние песни, ветер с гор пах жасмином. Зима обещала быть ранней, но жизнь все еще теплилась в окрестных лесах.

— Ну? Неужели все настолько плохо?

— Он хочет, чтобы Эйва еще кому-нибудь помогла.

— То есть?

— Сделала бы для него то же, что и для Эльдриха. Преподобный считает, что, если она действительно обладает даром, у нее есть долг перед людьми и она обязана им помогать. Делать все, на что у нее хватит сил. — Губы Мейкона мучительно сжались, ему трудно стало говорить. — И мне кажется, в чем-то он прав.

— А по-моему, ответ ясен как дважды два: нет!

— Кармен...

— Что? Нечего тут обсуждать. — Она потерла пальцами висок. — Скажи ему, чтобы убирался к дьяволу, куда, кстати, ты должен был послать и Эльдриха. Давай взглянем правде в лицо: никто определенно не знает, что именно произошло с Эйвой и Уошем. Никто не понимает, как она это сделала. Черт, да полмира вообще не верит в случившееся! И как по мне, это совсем неплохо. Может, так весь этот ералаш скорее уляжется. — Кармен сжала руку Мейкона и прямо посмотрела

ему в глаза. — Нам известно одно: потом она чувствует себя очень плохо. Мейкон, она ведь пролежала без сознания три дня! И до сих еще не поправилась. Исхудала, как щепка, все время мерзнет.

— Да знаю я, знаю. — Мейкон отвернулся. — Вот только... Понимаешь, мы же не можем сделать вид, что ничего этого не было, и обо всем забыть.

— Отчего же? Просто пошлем их куда подальше, и дело с концом. И когда кто-нибудь снова заявится с просьбой устроить какой-нибудь эксперимент или, там, пожелает, чтобы она кого-нибудь исцелила, мы твердо откажем. По-моему, это прекрасный выход. У нас у всех есть право сказать «нет».

170

— Ты же должна понимать, насколько все это серьезно, Кармен. — Мейкон в свою очередь ласково сжал ее руку. — Она совершила нечто небывалое, и, может быть, с помощью Брауна у меня будет больше шансов справиться с ситуацией, — проговорил он неуверенно. — Не знаю. Все это, — он неопределенно развел руками, — как-то слишком для меня одного. Люди задают вопросы, а я понятия не имею, что им отвечать. Она моя дочь, а я не знаю, что с ней творится. — Мейкон вздохнул. — Врачи говорят, ей уже получше.

— Да они сами ни хрена ни понимают! — рявкнула Кармен. — Она же каждый раз после этого в кому впадает! Подумай об этом, Мейкон. Хорошенько подумай, как такое отразится на ее здоровье. Не видишь, что от нее остались кожа да кости? Ест она нормально, но все словно в черную дыру проваливается. Одежда висит как на вешалке.

— Кармен, не могли бы мы обсудить все спокойно? — устало попросил он.

— 'Это ее убивает, Мейкон. Медленно, но верно, — едва сдерживаясь, сказала она.

— Прошу тебя... — проговорил умоляюще он и закрыл глаза, словно не желал видеть того, что ждет впереди.

Она начала было настаивать, но осеклась, поймав себя на том, что их с Мейконом спор очень напоминает препирательства ее родителей. Когда-то Кармен пообещала себе, что никогда не будет походить на свою мать, которая не давала ни мужу, ни детям поступать по-своему. Вместо этого она заводила бесконечные монологи, называя это дискуссиями, причем противной стороне не позволялось вставлять ни слова против. Кармен одернула себя и перевела дух.

— Хорошо, — сказала она. — Я тебя слушаю, излагай.

— Дело в том, что я совсем растерялся от этого столпотворения. Я — простой шериф. Наверное, неплохой, но всего лишь шериф. Ищу потерявшихся собак, утихомириваю выпивох, которые не могут найти дорогу на свою ферму. Вот и вся служба. Я таков, каков есть, и это все, что я умею. А теперь я не врубаюсь, что, черт подери, происходит. С каждым днем становится хуже. Народ продолжает стекаться в город. Журналисты, клянчащие интервью, какие-то невнятные типы, стремящиеся поведать мне свое ценное мнение... А поскольку сам я ни черта не понимаю, то и не знаю, кого из них слушать, — Мейкон притянул к себе

жену, та расцепила руки, и они обнялись. — Я боюсь, Кармен.

Кармен думала, что нынешним своим permanently слезливым состоянием она обязана беременности. Глаза у нее постоянно были на мокром месте. Но сейчас она заплакала — не из-за взбесившихся гормонов и не для того, чтобы разжалобить Мейкона. Она плакала потому, что тоже была в ужасе, чувствуя, что увязла в этом изменившемся, неведомом мире. Сам Мейкон не плакал, Кармен плакала за него.

— Неужели нет другого способа? — всхлипнула она.

— Предлагай, я послушаю.

Кармен молчала.

172

— Посмотри, где мы живем. — Он кивнул на дом позади.

Она не стала оборачиваться, так как прекрасно знала, где они живут.

— Мы, конечно, не голодаем, — продолжил Мейкон, — но деньги нам определенно не повредят, и тебе это хорошо известно. Сейчас мы как-то еще перебиваемся, но на подходе новый член нашей веселой семьи. В городе для тебя работы нет, а моя зарплата, прямо скажем, оставляет желать... — Он удрученно покачал головой. — В этом доме я прожил всю мою жизнь, беспомощно наблюдая, как он разваливается вместе с нею. И теперь у нас появился шанс переломить ситуацию. — Он утер слезы на щеках Кармен. — Мы выкарабкаемся. Я верю, что в нашей жизни сейчас происходит нечто особенное, и не хочу поворачиваться к этому спиной.

У Кармен было что возразить. По поводу одного только Брауна она много чего могла сказать. Однако она любила мужа, а вдобавок — была перепугана и растеряна так же, как и он. Теперь, по крайней мере, они могли делиться своими страхами и неуверенностью, а не переживать их поодиночке.

— Хорошо, — согласилась она, приподнялась на цыпочках и поцеловала мужа, прижавшись к нему животом, в котором прятался их будущий ребенок — залог того, что она последует за Мейконом куда угодно. — Но если мы на это решимся, предупреждаю, я ни за что не напялю уродскую шляпу с цветочками, которые носят прихожанки Брауна.

Они расхохотались, и ночь показалась им уже не такой холодной. Впереди брезжил рассвет.

173

Поездка к Кэмпбеллам оказалась куда более муторной, чем ожидал Том. И прежде из-за всей этой кутерьмы вокруг Эйвы дороги были забиты, а теперь стало совсем никуда. Заметив Уоша, люди на улицах Стоун-Темпла застывали, вперив голодные взгляды в их машину, догадывались, видимо, что мальчик едет к Эйве. Едва Том притормозил на перекрестке, к ним кинулся молодой человек, чье лицо чуть ли не до бровей заросло бородой. Он принялся стучать в стекло, крича, что даст тысячу долларов, если Уош проведет его к Эйве.

Отец и сын опешили от неожиданности, потом до Тома дошло, что происходит. Он иронически взглянул на парня и ухмыльнулся.

— Психованный ублюдок, — пробурчал Том и на-
давил на педаль газа.

Оставшаяся часть пути выдалась спокойной — по
крайней мере, под колеса никто больше не бросался.
Народ просто стоял у обочин, что-то кричал, размахивал
руками или аплодировал.

— Будто мы с тобой — английские короли, — фыр-
кнул Том и недоверчиво присвистнул. — Никому такого
не пожелаешь.

— Точно, даже дома от них покоя нет, — подтвер-
дил Уош.

— Ага, — кивнул Том. — Ее мать мне то же гово-
рила.

— Кармен ей не мать, а мачеха, — поправил Уош.

174 Он был одет в джинсы и легкий свитер. Спереди на
свитере обнаружилось пятно, и теперь Уош недоумевал,
как это бабушка его проглядела.

— Да знаю я. Помнится, мы с ними как-то встре-
тились на осенней ярмарке. Однако то, что не Кармен
подарила жизнь Эйве, еще не означает, что она ей не
мать. Быть родителем, воспитывать ребенка — это ра-
бота, и сейчас ею занимается Кармен.

Том тоже осмотрел себя: штаны были грязными,
синяя фланелевая рубаша провоняла машинным мас-
лом, карман оторвался, но ничего получше у него не
было.

— Кармен здоровская, — согласился Уош. — Но
Эйве она все равно не нравится.

— Это бывает. Небось ей кажется, что та пытается
занять место ее родной матери? Может, она думала, что

се папаша должен всю жизнь маяться в одиночку? — Том помрачнел. — Короче, дело это сложное.

Впервые с тех пор, как Том вновь объявился, Уош обратил внимание, что отец носит обручальное кольцо. Под ложечкой у него засосало. Ему как-то не приходило в голову, что за то время, пока они не виделись, отец может жениться во второй раз. Он хорошо помнил лицо матери: широкоскулое, с россыпью веснушек на бледной коже и блестящими голубыми глазами, в уголках которых появлялись морщинки, когда она улыбалась. А когда он вспоминал мать, то вспоминал и отца. Он всегда вспоминал их вместе.

— Ты меня с ней познакомишь? — спросил Уош.

— С кем?

— С твоей новой женой.

175

Том нахмурился. Он не мог отвлекаться от дороги: по мере того как они приближались к дому Кэмпбеллов, народу на узком горном проселке становилось все больше.

— О чем это ты, сынок? Я вовсе не женат, — удивился Том, но затем бросил взгляд на свою левую руку и все понял. — Это обручальное кольцо — единственное, которое я когда-либо надевал.

Они проехали последний поворот, полицейские, охраняющие дорогу к дому Эйвы, махнули, чтобы проезжали дальше. Остался лишь подъем по крутому холму. Том припарковался напротив двери. Когда они вышли, он тихо пробормотал:

— Не уверен, что я готов...

— Да все будет нормально, — отмахнулся Уош.

Приобняв сына, Том постучал в дверь. Им открыла Кармен. Поздоровались. Том подчеркнуто галантно стащил с головы шляпу и сказал:

— Я заеду за ним вечером. Если возникнут проблемы — звоните. Но, думаю, все будет хорошо. — Он взъерошил сыну волосы и подтолкнул внутрь.

Уош направился напрямик в комнату Эйвы. Хорошо было бы улизнуть из дома и побродить, как прежде, по лесу, вот только люди, слоняющиеся в окрестностях... В последнее время все так усложнилось.

— Развлекайтесь, — бросила Кармен Уошу и повернулась к Тому: — Да что вы, какие там проблемы? Он нам как сын.

176

— Слышал, — кивнул Том. — Но вроде бы так положено говорить, когда сваливаешь на кого-то своего отпрыска? — он зябко сунул руки в карманы. — Просто я пока не освоился с ролью отца.

— И мы не лучше, — улыбнулась Кармен. — Каждый день все по новой.

Эйва с Уошем, появившиеся в гостиной, с любопытством уставились на взрослых.

— Том, а вы не зайдете на минутку? Знаете, это тоже принято среди родителей.

Том наконец решился поднять глаза, нахмурился, и на его лбу появились точь-в-точь такие же морщинки, за которые Эйва дразнила Уоша.

— Да, наверное, принято.

— Тогда входите и почувствуйте себя как дома. Я сейчас приготовлю нам что-нибудь попить.

С этими словами Кармен пошла на кухню.

— Хорошо, мэм, — ответил Том, продолжая, тем не менее, топтаться у двери.

— Я очень ценю хорошие манеры, — донесся из кухни голос Кармен, — но, черт возьми, не надо называть меня «мэм»! Мы с вами, кажется, ровесники.

— Похоже, что так. — Том сделал несколько неуверенных шагов и остановился, конфузливо озираясь. — Что ж мне делать-то? — пробормотал он себе под нос. — Словно фрак напялил...

— Что-что? — Из кухни появилась улыбающаяся Кармен с двумя стаканами чая со льдом.

— Ничего, — ответил Том, взял у нее стакан и скептически оглядел. — Пива у вас не водится, я правильно понимаю?

— Не водится, — покачала головой Кармен. — Мы и раньше-то редко его пили, а теперь, когда я беременна, вообще перестали. Я не употребляю, и Мейкон решил составить мне компанию.

Ей хотелось присесть, но Том стоял столбом, и Кармен не желала выглядеть невоспитанной.

— Как вы ладите с Уошем?

— Да вроде неплохо. Он умный пацан, куда умнее меня.

— Знакомо, — усмехнулась Кармен. — Они с Эйвой — самые умные дети, которых я когда-либо встречала. Иногда кажется, что мне до нее, как до луны.

Том кивнул. Он даже не попробовал свой чай, только вертел в руках холодный стакан.

— Но мы делаем все, что в наших силах, — продолжила Кармен. — У нас с Эйвой тоже случались трудные

времена. Она до сих пор не смирилась с тем, что я вышла за ее отца.

Дальше стоять но ногам было совершенно невозможно. Ночью она опять не сомкнула глаз, все тело болело, спина ныла, лодыжки опухли... В общем, хвори, сопровождавшие ее беременность, перечислять можно было бесконечно. Кармен села.

— И вы тоже садитесь, прошу вас, — предложила она Тому.

— Нет, спасибо, — промямлил тот. — Я, того... пойду, наверное.

Он шагнул к журнальному столику, поставил стакан. Кармен приподнялась было, но Том замахал на нее руками.

178

— Сидите, сидите, я дорогу найду.

— Не уходите, Том. Выглядит глупо, но вы не представляете, как здорово поговорить с тем, для кого быть родителем так же внове, как для меня.

Том так и вскинулся.

— Я не хотела вас обидеть, — торопливо проговорила она, потупившись. — Понимаете, Мейкон стал отцом много лет назад, Бренда — и мать, и бабушка. Я же словно играю в догонялки. А тут еще отношения с Эйвой не заладились. — Она смущенно взглянула на Тома. — И мне бы хотелось поговорить с кем-нибудь, кто тоже столкнулся с трудностями.

Том подозрительно посмотрел на женщину. Сперва он решил, что она с ним заигрывает, но, подумав, понял, что ошибся. Она боялась стать матерью, так же, как он сам боялся быть отцом. Вся разница заключалась в

том, что она не собиралась сдаваться, а он после смерти жены сбежал, бросив сына.

— Я пойду, — произнес он и повернулся к двери.

— Погодите, Том, — попросила Кармен, сиюсь подняться с кресла.

Ее движения были неуклюжими, неповоротливыми: нелепые маневры бедрами и животом, потом усилие, чтобы кое-как принять вертикальное положение... Если бы Том не остановился, она бы его не догнала. Но он остановился.

— Никто не требует от вас образцового поведения, — сказала ему Кармен, подходя ближе. — Все иногда ошибаются.

Сжав зубы, Том кивнул.

— Можно задать вопрос? — выдавил он. — Ну, об Эйве?

— Разумеется.

В глубине души она догадывалась, о чем он собирается спросить. Этот вопрос ей постоянно задавали в той или иной форме. Кармен уже приноровилась на него отвечать. Главное было — найти некий компромисс между утверждением, что она знает не больше прочих, и заверениями в том, что, при всей ее неосведомленности, у них есть некий план действий.

Теперь была очередь Тома подбирать подходящую формулировку.

— Как... — начал он, понурившись. — Как это вообще происходит? — Он испуганно-виновато поглядел на Кармен. — Может ли она починить того, кто профукал всю свою жизнь? — Он мрачно хохотнул, теребя в

руках шляпу. — По силам ей такое? Может ли она исправить старые ошибки? — Он покосился на свое обручальное кольцо. — Или хотя бы устроить так, чтобы человек все позабыл? Чтобы ему перестали сниться сны о том, как его жизнь летит под откос?

— Не знаю, — покачала головой Кармен.

Так она отвечала на все идиотские вопросы. Говорить «не знаю» — все равно что дарить надежду, когда никакой надежды нет. Потом прибавила:

— Впрочем, как бы она это ни делала, не уверена, что в данном случае вышел бы толк.

Том кивнул и откашлялся.

180

— Так я и думал. Просто на всякий случай спросил. Все же я пойду. Мне очень жаль, что... В общем, слова «мне очень жаль» — это как бы итог всей моей жизни.

И он, не задерживаясь больше, вышел. Кармен, оставившись в дверном проеме, наблюдала, как он идет к своей машине и уезжает. Ей очень хотелось окликнуть Тома, но она не знала, что ему сказать.

— Тебе нравится с отцом? — спросила Эйва.

Они вдвоем забрались с ногами на ее кровать, между ними валялся раскрытый «Моби Дик». Эйве книга не особенно понравилась, но Уош решительно настроился поколебать ее мнение. Она раз-другой открывала книжку на странице с загнутым уголком, несколько секунд смотрела на строчки и захлопывала с выражением крайнего отвращения на лице.

— Бабуля его просто ненавидит, — ответил Уош. — А он неплохой. Хотя и совсем не такой, как я представлял. Мы провели с ним уже пару дней.

Эйве снова стало холодно. Она обхватила себя за плечи и принялась растирать их, пытаясь согреться. И ей, и Уошу казалось, что она никогда не отогреется. Под джинсы приходилось натягивать шорты, а под свитер — футболку и майку. Слушая Уоша, она взяла с тумбочки вязаную шапочку и принялась натягивать ее на голову. Зрелище было уморительное: черные густые кудри сопротивлялись изо всех сил. Наконец ей удалось с ними совладать.

— Так что твоя бабушка?

— Говорит: «Он твой папочка, вот сам с ним и возись». — Уош взял книгу, соображая, не начать ли снова ее читать. — В конце концов, он же не умер. Он просто уехал, а это — совсем другое. Мне, наверное, действительно казалось, что он умер. Но когда внезапно появился, все стало еще хуже. Теперь я постоянно думаю, что он, просыпаясь каждый день, понимал, что не хочет меня видеть. — Уош замолчал и взглянул на закутанную Эйву. — Слушай, ты уверена, что с тобой все в порядке?

Она дернула плечом.

— Давай сменим тему, а? — Эйва прижала колени к груди, обхватила их руками и кисло посмотрела на «Моби Дика». — Отвратительная книжка. — Она выхватила ее и бросила на колени Уошу.

— Это классика! Спроси, кого хочешь.

— Ничто не становится классикой только потому, что люди к этому привыкли. Это я тебе говорю.

— Она же о приключениях. Но и не только. Эта книга об очень-очень многом...

Он набрал в грудь воздуха для объяснений, но понял, что не может подобрать слова, чтобы выразить свои мысли: множество их жужжало в голове, словно пчелы, он их чувствовал, но ухватить не мог.

— В общем, здесь надо основательно разбираться. — Уош нахмурился, тут же сделавшись похожим на отца. — Ты просто ничего не понимаешь, — вздохнул он, огорчившись скорее за себя, чем за Эйву. — Да и сам я пока не совсем въехал. То есть не во все. Может, когда стану постарше... Вспомни только, что люди думают об этой книге. — Он поднял томик, словно в доказательство заслуг автора. — Если бы в ней ничего такого не было, ее бы и не напечатали, ведь так?

182

— Тогда хорош болтать. — Эйва покосилась на Уоша. — Читай уже.

Уош хмыкнул и открыл книгу. Разыскал нужную страницу и тут же захлопнул, зажав пальцем.

— Как ты считаешь, почему он так поступил?

— Кто?

— Измаил.

— И как именно поступил твой Измаил? — Эйва отобрала у него книжку. — Господи, Уош! Ну почему ты всегда начинаешь разговор откуда-то с полпути?

— Это часть моего неповторимого обаяния, — быстро ответил Уош, горделиво выпрямляясь, и поправил волосы, подражая телезвездам.

— А кто тебе сказал, что ты — обаятельный?

— Народ.

— Ну, конечно! — хихикнула она.

— Так почему Измаил оставил свой дом?

— Думаю, ему наскучило сидеть на берегу. Он же моряк, так? А что делают моряки? Плавают в море.

— Положим. А что насчет его родных? У него ведь осталась семья.

— Детей-то не было. Следовательно, он был сам себе хозяин.

— Так я и думал. — По лицу Уоша было заметно, что он смущен.

— Но...

— Почему люди так поступают? У него же были те, кто за него волновался. Друзья, всякие там братья двоюродные... У всех кто-нибудь да есть, понимаешь? Каждый к кому-нибудь привязан. Как же можно вот так взять и смыться?

Эйва отвернулась к окну. За ним виднелись кусты и деревья, а над всем этим круто уходил вверх склон гор. По нему вилась узкая, еле заметная тропа. Они с Уошем ходили по ней сотни раз. Тропа могла увести далеко. Она вела в большой мир.

— Разве это не важно само по себе? — спросила Эйва. — Уйти ото всех?

— И ты бы могла так поступить?

— Может быть.

— Почему?

— А почему бы и нет? — Она вновь передернула плечами от озноба. — Ты действительно думаешь, что это можно повернуть?

— Что?

— Сделать, как сделал Измаил. Убежать прочь.

По ее взгляду Уош понял, что она не шутит, хотя не догадывался, откуда вдруг такой интерес.

— Наверное.

— А как бы ты это сделал?

— Отправился бы на север, — не задумываясь, ответил он, постепенно проникаясь идеей Эйвы. — За радиовышкой начинаются сплошные леса и горы, там легко затеряться.

184

— Там есть хижина Рутгера, — вставила Эйва, на полшага опережая Уоша. — Мы с отцом ходим в те места охотиться. А еще я один раз ходила туда с мамой.

— Точно! Мне бабуля рассказывала. Там когда-то жил мужик с женой. Такие нелюдимые, что даже в город раз в год только выбирались.

— Раз в два года, — поправила Эйва. — Отец говорил, что их хижина совсем близко от того места, где мы охотимся. Я, можно сказать, точно знаю, где она.

— Надо бы как-нибудь туда наведаться. Бабуля утверждает, если пойти по гребню, то выйдешь напрямиком к хижине. Но никто туда давно не ходит, тропа довольно крута. — Лицо Уоша посерьезнело, как будто он уже принял решение. — Между прочим, если идти в ту сторону все прямо и прямо, то придешь в Вирджинию. Там Аппалачская тропа проходит: к северу от города, сразу

за радиовышкой. А выйдя на нее, можно решить, как далеко ты собираешься умотать.

— Ты о чем?

— Там всегда есть какие-нибудь туристы. В то же время, добравшись до нее, можно реально исчезнуть. Идти вдоль тропы, чуть в стороне. Так и не потеряешься, и к людям в случае чего легко выйти. Идеально для побега... Ну, если бы это нам вдруг понадобилось. — Он криво усмехнулся.

— Ты бы на это пошел?

— А ты что, действительно собираешься бежать?

Эйва представила небольшую хижину в лесу, такую тихую, всеми забытую, ждущую. Хижина манила ее к себе, как сирены — Одиссея, испуганного, но преисполненного надежд.

Мейкон уже во второй раз присутствовал на проповеди Преподобного Брауна. Он не смог внятно объяснить Кармен, зачем туда ходит, хотя прекрасно понимал, как будут реагировать люди. Для них это будет означать, что Мейкон выбрал, на чью сторону встать, приняв религиозное объяснение происхождения дара Эйвы. Уже после первого его посещения проповеди нашлись те, кто предположил, что когда-нибудь Мейкон займет место Брауна. Или даже сможет основать собственную церковь. В Интернете и на телевидении муссировали самые разнообразные слухи насчет того, зачем он ходил на проповедь к Брауну. Однако никому не пришла в голову простая мысль: Мейкон чувствовал, что тонет, брошен-

ный на произвол судьбы, а Преподобный Браун казался ему чем-то вроде спасательного круга.

Однако шерифу хватило ума сообразить, что не стоит раздувать уже полыхающий пожар. И когда Мейкона спрашивали, зачем он ходит на проповеди, он отвечал кратко: «Потому что хочется». Мейкон прекрасно понимал: что бы он ни сказал, его слова будут поняты каждым по-своему, поэтому просто говорил правду. Может быть, несколько приглашенную правду, но правдой от этого она быть не переставала.

Так что теперь он стоял и слушал, как Преподобный Браун вещает об Эйве и о том, что им следует расстаться с надеждой, будто она исполнит все их просьбы.

186

— Она — самостоятельная личность, — объяснял Преподобный Браун, — и мы должны позволить ей быть таковой.

Подобные проповеди воспринимались паствой с куда меньшим удовольствием, чем предыдущие. Если он толковал о праве Эйвы на свободу, то другие проповедники твердили о ее долге перед обществом. Якобы теперь, после того как мир узнал о ее способностях, она утратила право на личную жизнь. Они называли это Божественным Понуждением. Ее судьба была предопределена некими высшими силами, и многие считали, что она должна использовать для них свой дар, и неважно, чем это обернется непосредственно для нее.

После каждой такой проповеди, призывающей к терпению, Преподобный Браун терял нескольких прихожан. Одни переметнулись к другим проповедникам, другие решили, что им вообще наставления не требуются: у

них-де есть собственное мнение об Эйвиной ответственности перед ними. День за днем Преподобный Браун наблюдал, как неуклонно сокращается его паства.

Ко всему прочему, он до сих пор не знал определенно, что именно о нем думает Мейкон. Он чувствовал, что шериф не слишком-то ему доверяет, видя в нем очередного проходимца, мечтающего использовать его дочь в корыстных целях. На самом же деле Браун хотел куда большего. Как бы это ни выглядело со стороны, он действительно хотел помочь. И потому он с большой неохотой вспоминал о своих планах на сегодняшний вечер. Догадывался, что Мейкон примет его за предателя. Однако Преподобный давно понял, что лучший способ справиться с грозой — заполучить собственную молнию.

187

— Как вам уже известно, — сказал Браун, когда его проповедь перевалила за середину, — с нами сегодня местный шериф, Мейкон Кэмпбелл.

Собравшиеся захопали, все глаза устремились к Мейкону. Тот сидел в первом ряду, окруженный дьяконами Преподобного Брауна. Последний тоже смотрел на него.

— У меня для вас есть великая новость, — продолжил тот. — Счастлив сообщить, что после долгих бесед шериф согласился стать прихожанином нашей церкви. И пообещал привести к нам всю свою семью.

Толпа оглушительно взревела. И прежде чем Мейкон сообразил, что происходит, Преподобный Браун спрыгнул со сцены, сунул шерифу под нос микрофон и перед всеми попросил его подняться на сцену. Мейкон так и

окаменел. Его кулаки непроизвольно сжались, зубы заскрежетали от гнева. Но на него смотрели тысячи глаз, так что пришлось взять себя в руки.

— Ах ты сукин сын, — зашипел он Преподобному, когда они вместе поднимались на сцену. — Ты что творишь, а?

— Пытаюсь вам помочь, — ответил тот.

Мейкон очутился перед огромной толпой. На него смотрели не только множество глаз, но и телекамеры. Никогда в жизни ему не было так страшно. А Преподобный Браун как ни в чем не бывало стоял рядом с ним на сцене, улыбался и похлопывал его по плечу. Потом, прикрыв микрофон, прошептал в самое ухо Мейкону:

— Есть только один способ выкрутиться. Вам так и так не позволят отсидеться в кустах. Рано или поздно придется занять какую-то позицию, а со мной, по крайней мере, вы будете не одиноки.

Он протянул одну руку в сторону Мейкона, а другую — к толпе, словно приглашая его присоединиться к действию. Коснись теперь Преподобный шерифа, и создалось бы полное впечатление, что он установил связь между ним и орущей, напиральной толпой. У Мейкона закружилась голова.

— Вот и он, — произнес Преподобный Браун.

Его голос, вырываясь из расставленных по сцене динамиков, эхом разносился по округе. Толпа откликнулась ревом и новыми аплодисментами.

— Аминь, — провозгласил Преподобный, беря Мейкона за руку и поднимая ее вверх, словно рефери — руку победителя на ринге.

Люди зашумели еще громче. Сам же Мейкон дрожал, как лист.

— Не бойтесь, — опять зашептал ему Браун и уселся в небольшое кресло, стоящее чуть поодаль.

Мейкон остался один перед толпой. Секунды казались ему годами. Он откашлялся, микрофон подхватил звук, усилил его, динамики оглушительно захрипели.

— Не трусь! — крикнул кто-то.

— Извините, — произнес Мейкон, и опять у него в горле запершило. — Прошу простить мое волнение. — Его голос понемногу окреп. — Но это все... так неожиданно.

— Аминь! — заорал кто-то.

— Как это все произошло? Расскажи! — снова завопили в толпе.

Мейкон пробежался взглядом по человеческой массе, пытаясь угадать, кто задал вопрос, но увидел только море жаждущих лиц.

— Божьей милостью, — ответил он наконец.

Пусть шериф и нечасто посещал церковные службы, однако родился и вырос на юге и точно знал, что нужно говорить.

— Как и многие из вас, — продолжил он, — я не знаю, какое будущее уготовано нам с Эйвой. — Он сделал паузу, ожидая новых рукоплесканий, однако ответом ему была полная тишина, прерываемая лишь шарканьем ног или глухим покашливанием.

— Так что насчет твоей дочери? — выкрикнули из толпы.

— Моя дочь... — начал Мейкон, и его неуверенный голос разнесся окрест.

— Когда она придет в нашу церковь?

Мейкон покосился на Преподобного. Сейчас он его просто ненавидел. А заодно и себя за глупую наивность, за то, что вообще согласился разговаривать с этим человеком, вообразив, будто тот искренне желает ему помочь. Толпа ждала. Мейкон вновь оглянулся на Брауна. Люди проследили за его взглядом и в свою очередь уставились на Преподобного.

Преподобный Исайя Браун поднялся с кресла и направился к Мейкону. В своем отглаженном, вычищенном костюме он выглядел центром порядка в море хаоса. Подойдя, он положил одну руку на плечо Мейкона, а другой как бы невзначай прикрыл микрофон.

190

— Решать вам. Все будет так, как вы решите, обещаю, — тихо сказал он и убрал ладонь с микрофона. — Ну, так как? Вы присоединяетесь к нам, Мейкон?

В голове у шерифа на тысячу ладов завертелось слово «нет». Можно было просто взять и уйти. Или изблечить этого Преподобного. Послать всех куда подальше и вернуться домой к Кармен и Эйве. Но что потом? Не станет ли только хуже?

Мейкон не видел никакого выхода. Если он сейчас уйдет со сцены, церковь Брауна никуда не денется. А ведь имелись и другие, не говоря уже о прессе и эльдрихах всех мастей, только и мечтающих поставить на Эйве свои опыты. Никто из них не собирався сохранить Эйве ее детство, не желал оставить ее в покое. И Мейкону вновь подумалось, что если других выходов нет, то,

может быть, этот — лучший? Может быть, ему надо закрыть глаза и нырнуть в этот шторм?

— Да, — медленно произнес он. — Я к вам присоединяюсь. Мы все к вам присоединяемся.

Преподобный вновь воздел к небу руку Мейкона.

— Замечательно, — прошептал он.

Вокруг гремели овации, и Мейкон почувствовал, что растворяется в них без остатка.

Даже если Эйва бы и помнила, что произошло тогда с оленихой, мать все равно не разрешила бы ей об этом рассказывать. Несколько дней после той прогулки в лесу она обращалась с дочерью как с драгоценной вазой.

В первый вечер, уложив дочку в постель и подоткнув ей одеяло, она опустилась на колени у кровати и тихо спросила:

— Ты помнишь, как все было?

Эйва закрыла глаза и изо всех сил постаралась припомнить, но ничего не выходило. Она отрицательно помотала головой, и тогда Хизер сама все ей рассказала.

— Никогда не видела ничего подобного, — добавила она напоследок.

— Я взаправду ее вылечила?

— Да. А заодно меня до смерти напугала.

— Я не хотела. Расскажи мне еще разок.

И Хизер покорно рассказала. Как они гуляли, как нашли олениху со стрелой в груди, как стояли рядом с ней на коленях, понимая, что животное вот-вот

умрет... Когда она дошла до этого места, Эйва заволновалась, натянула одеяло до самого подбородка и вдруг заулыбалась:

— А что потом?

Хизер рассказала, как Эйва вытащила стрелу. Они обе непроизвольно взялись за руки, как бы вытягивая воображаемую стрелу.

— А потом я прижала ручки к ране и закрыла глазки?

— Совершенно верно. Ты точно совсем-совсем ничего об этом не помнишь?

— Не-а, — сокрушенно ответила Эйва. — Очень жалко, что не помню.

192

Рассказ постепенно обрстал новыми подробностями, превращаясь в сказку. Вроде той, где братья находят под землей огромный айсберг. Они с матерью обсуждали эту историю только друг с другом, ведь Мейкон все равно ничего не знал. Это был их секрет. Хизер еще много раз спрашивала Эйву, что же все-таки произошло. Она обязательно хотела узнать, но у Эйвы не было ответов. В итоге Хизер сама начала во всем сомневаться. И действительно, все, что она тогда видела, — это то, как дочка прижала ладони к ране. Может быть, олениха со страха собрала последние силы, поднялась и ушла в лес? Насколько ей были известны повадки зверей, вполне вероятно, что животное просто хотело умереть в одиночестве.

— Папа нам все равно не поверит, — сказала она дочери, когда та поинтересовалась, почему не рассказать обо всем отцу. — В отличие от нас с тобой, он

привык доверять только тому, что можно пощупать руками, таков уж наш папа. Он нам не поверит, а если и поверит, то обязательно проболтается.

— Ну и что?

— Ты тогда потеряла сознание, не знаю почему. И мне ужасно не хочется, чтобы подобное повторилось. А если другие, и твой папа тоже, узнают, они захотят, чтобы ты продолжила этим заниматься. Понимаешь?

Девочка кивнула. Она поняла. Эйва знала, что мама любит ее и поступит так, как лучше для дочери.

— Мамочка, а ты никогда не видела, чтобы кто-нибудь другой такое делал?

— Нет, никогда.

— Значит, я — необыкновенная?

— Да, моя лапочка. Ты куда более необыкновенная, чем можешь себе вообразить.

ЭЙВА ПРОСНУЛАСЬ оттого, что кто-то зажал ей рот ладонью. Это случилось ночью, после того как Мейкон возвратился с проповеди Брауна. Шериф вернулся домой смущенным, но полным энергии. Рассказывая дочери и жене о своих ощущениях во время выступления перед людьми, он ходил взад-вперед по гостиной:

— В общем, испугался я до чертиков.

Эйва и Кармен в основном молчали, давая ему возможность выговориться и прийти в себя.

— Я справлюсь, — то и дело повторял Мейкон. — Найду лучшее для всех нас решение. Я знаю, что Эйва больна, это ужасно, конечно, но уверен, все образуется.

Он вопросительно поглядел на них, ожидая их одобрения.

— Нет, — сказала Кармен, — все это никуда не годится.

— Да ничего, — вставила Эйва нарочито бодрым голосом, чтобы окончательно не перепугать отца. — Я в порядке. Все нормально, пап.

Когда Мейкон закончил свое повествование, они легли спать. Эйва заснула под приглушенные голоса, доно-

сившиеся из родительской спальни. Наверное, Кармен высказывала отцу то, что не решилась произнести перед падчерицей. Но вскоре дремота взяла свое, и Эйва уснула.

А теперь она проснулась в темноте оттого, что ее рот зажимала чья-то рука.

— Тс-с-с, — прошептал голос.

Он был негромкий, испуганный, почти детский. Однако рука, зажимавшая ей рот, явно была рукой взрослого. Широкая и грубая, она давила с такой силой, что Эйва не могла приподнять голову.

— Не бойся. Прошу тебя, только не кричи, — все так же испуганно и тихо затараторил мужчина. — Все в порядке, я тебя не обижу.

Постепенно глаза Эйвы привыкли к темноте спальни, и она смогла разглядеть лицо того, кто сидел на краю ее кровати. Того самого мужчину, которого они с Уошем повстречали на дорожке позади дома доктора Арнольда. Того, который умолял ее о помощи, а они сбежали, бросив его в одиночестве.

— Мне нужно просто поговорить с тобой, — продолжил Сэм. — Обещаю, я тебя не обижу.

Сердце у Эйвы билось как сумасшедшее, она часто, прерывисто дышала.

— Прошу тебя, не бойся, успокойся, хорошо?

Эйва несколько раз глубоко вздохнула, и сердце застучало реже. Кивнула в знак согласия, не зная ни намерений ночного гостя, ни того, что же ей теперь делать. Можно было попробовать вырваться, поднять шум, постучать в стенку. Мейкон с Кармен заснули, но мачеха

последнее время то и дело просыпалась, ходила по комнате. Она бы наверняка услышала. Но что случится с Эйвой, пока они добегут до ее комнаты? Ее вполне могут успеть убить.

— Не бойся, — вновь повторил мужчина точно таким же умоляющим тоном, как и тогда. — Меня зовут Сэм, — представился он, видимо забыв, что уже называл свое имя. — Я хочу, чтобы ты меня выслушала, понимаешь?

Эйва медленно кивнула. Сэм не отнимал руки от ее рта, только сполз с кровати и встал на колени, словно собирался молиться.

— Мне нужна помощь, вот и все, — произнес он, осторожно убирая ладонь.

Эйва подскочила, словно с нее свалился тяжелый камень, и прижалась спиной к стене. Кричать она пока не решалась, сердце у нее бешено колотилось. Сэм молча смотрел на девочку. Та прижала колени к груди, будто пытаясь стать как можно меньше.

Сэм поднял руки, словно сдаваясь в плен. У него не оказалось ни ножа, ни пистолета.

— Сэм меня зовут, — снова повторил он. — Извини, я не хотел этого делать. Не хотел тебя пугать. Просто хотел поговорить. — Мужчина нервно заулыбался, в глазах у него блеснули слезы. — Я совсем сломался, — прошептал он. — Я всегда был сломан, но старался исправиться, делал все возможное. — Он часто закивал, видимо для пущей убедительности. — Я все всегда путаю. Стараюсь не напутать, но все равно путаю.

Эйва как загипнотизированная молчала, даже не пытаясь позвать на помощь.

— Я просто хочу, чтобы ты мне помогла, — продолжал свое Сэм. — Я много чего перепробовал. Мне нужна только твоя помощь. — Он сел на пятки и умоляюще сложил руки, не сводя глаз с Эйвы. — Пожалуйста, помоги мне. Я ни за что на свете не сделаю тебе больно, ни за что на свете. Только, пожалуйста, помоги. Почини меня, чтобы мне не было больше стыдно. Сделай так, чтобы он мною гордился.

— Кто? — спросила Эйва.

Сэм не ответил. Он схватил девочку за руки и, притянув ее ближе, прижал их к своему лицу так же, как тогда на улице.

— Прошу тебя, прошу, прошу... — повторял он снова и снова.

Тут нервы у Эйвы не выдержали, и она завизжала, зовя отца. Но и под эти истошные крики Сэм продолжал удерживать ее ладони и умолять о помощи.

В спальню ворвался испуганный Мейкон, оттолкнул Сэма, перевернул его на живот и надавил коленом на шею. Сэм завопил, и сквозь его вопли Мейкон услышал крик дочери:

— Не бей его!

Когда Мейкон привез Сэма в участок, уже почти рассвело. Полицейские, присланные штатом и теперь торчавшие под холмом у начала подъездной дорожки, хотели сами забрать его — видимо, из чувства вины за то, что нарушитель прошмыгнул мимо них и беспрепят-

ственно проник в спальню дочери шерифа. Однако Мейкон отказался, заверив, что они ни в чем не виноваты.

— Вы же не можете караулить всю гору, — успокоил он коллег, заталкивая Сэма на заднее сиденье патрульной машины.

— Страшно даже представить, что могло случиться, — смущенно пробормотал полисмен.

— Об этом лучше не думать, — согласился Мейкон.

Но сам он, разумеется, только об этом и думал всю дорогу до полицейского участка. Чуть ли не ежеминутно поглядывал в зеркальце заднего вида, в котором отражалось лицо Сэма. У того из разбитой губы текла кровь. Представляя, как Эйва просыпается и обнаруживает в своей кровати незнакомца, Мейкон думал, что этот тип еще слишком легко отделался. Шериф жаждал большей крови.

198

Перед участком уже толпились журналисты. Завидев Мейкона, въезжающего на стоянку, они защелкали затворами фотоаппаратов, а когда он вытащил из машины Сэма, принялись выкрикивать вопросы. Их интересовало все: кто этот человек, как он попал в дом Мейкона и что сделал с Эйвой. Когда шериф поинтересовался, откуда им известно о происшествии, никто ему не ответил, все деловито продолжали задавать вопросы. Мейкон молча прошел сквозь толпу репортеров, расталкивая их плечом.

Примерно через час после того, как Сэм был водворен в камеру, входная дверь распахнулась. Полицейские, сидевшие напротив, вскочили на ноги. Еще не видя посетителя, Мейкон уже понял, кто он такой. Преподоб-

ный Браун влетел в кабинет. Помимо своей воли Мейкон вынужден был признать, что весь вид Преподобного говорил о его смиренной кротости. Браун словно усох с тех пор, как они виделись последний раз.

В тот вечер, когда проповедник вынудил шерифа стать членом своей церкви, они, уйдя от любопытных глаз, ругались целый час. У Мейкона кулаки так и чесались. Но что толку было кричать и спорить? Решение было принято. К лучшему или к худшему, но они с Брауном оказались связаны друг с другом.

— С Эйвой все в порядке, — быстро сказал Мейкон, предвосхищая вопрос Брауна.

— Знаю, — кивнул Преподобный и рухнул на стул, прямой, как палка. — Я пришел, чтобы узнать о судьбе человека, проникшего в ваш дом и ставшего причиной переполоха.

— Да? — удивился Мейкон, тоже присаживаясь за стол. — Могу я узнать, почему? Вы с ним знакомы?

— Он из моей паствы.

С той самой минуты, как Преподобный объявился в кабинете, он еще ни разу не поднял на шерифа взгляд. Прежде, беседуя с ним, Браун всегда смотрел прямо в глаза, ни на секунду не отворачиваясь. Это вызывало странное чувство, одновременно тревожащее и успокаивающее. В итоге у собеседника Брауна складывалось ощущение, что ему уделяют все свое внимание, что он стал для этого человека центром мира, приобрел для него огромную важность. Такому искреннему, как прежде представлялось Мейкону, человеку сразу хотелось довериться. Вот он и доверился. А потом был предан.

Теперь это был совершенно другой человек. Он так нервничал, что не в состоянии был смотреть шерифу в глаза, используя приемчик, давно ставший частью его харизмы. Брауна явно что-то встревожило.

— Так вы его знаете? — переспросил Мейкон.

— Да, и очень хорошо. Не могли бы вы сказать, что я должен сделать, чтобы вытащить его из передраги? Если это вообще возможно.

— Вы всегда так поступаете ради членов своей общины?

Подозрение прозвучало в голосе помимо воли шерифа, увы, привычка — вторая натура.

— Нет, не всегда.

— И что же такого особенного в этом человеке?

Преподобный Браун наконец-то повернулся к Мейкону, но глаз по-прежнему не подымал.

— Он мой брат, — произнес проповедник.

— Ваш брат? — недоверчиво воскликнул шериф.

На долю секунды он решил, что Преподобный говорит метафорически, имея в виду брата по вере. Но чем дольше он смотрел на Брауна, тем яснее становилось, что вера тут ни при чем. Хотя Сэм был крупнее и мускулистее проповедника, их лица были похожи: четкая линия подбородка, одинаково припухшие веки. У обоих — дубленая кожа людей, в юности много времени проводивших на солнце, и похожие улыбки.

По дороге в участок Сэм, сидя на заднем сиденье, постоянно улыбался. Шериф, косящийся на него в зеркальце заднего вида, гадал, что значит эта улыбка, и не находил в ней ничего, кроме наивного простодушия.

Складывалось впечатление, что задержанный не вполне понимает, что натворил. Если вообще способен видеть дальше собственного носа и просчитывать последствия своих поступков.

— Он не всегда был таким, — тихо произнес Преподобный. — Когда-то Сэм был прекрасным спортсменом, настоящей звездой футбола. Он стал знаменитым еще в средней школе. — Браун улыбнулся, видимо, вспоминая тогдашнего брата. — А потом он попал в аварию. Кто именно был виноват, так и не выяснили, да и какая теперь разница? — Преподобный пожал плечами. — Это случилось около двадцати лет назад.

Откинувшись в кресле, Мейкон задумчиво поскреб подбородок. Ему хотелось кое о чем спросить, но он решил выждать и присмотреться. Кэмпбелл давно служил шерифом и знал, что лучший способ получить ответ — это дать человеку выговориться, для чего достаточно просто его не перебивать.

— Машина, на которой ехал мой брат с приятелями, рухнула с моста в реку. Он сильно ударился головой. Как парни ни старались, им потребовалось некоторое время, чтобы расстегнуть ремень безопасности и вытащить Сэма. Все это время он пробыл под водой. — Преподобный Браун вздохнул. — Знаете, мне по сей день это снится. Снится, что я намертво пристегнут ремнем, вокруг вода, а мне никак не удастся выбраться. — Он сделал жест рукой, показывая, как рос уровень воды, захлестывая его с головой. — Кошмарный сон. Я борюсь, борюсь изо всех сил, но все бесполезно. Ничего не получается. Сон заканчивается тем, что я вдыхаю

воду, — Преподобный закашлялся, — и просыпаюсь, судорожно лоя ртом воздух. — Преподобный впервые поднял глаза на Мейкона. — Это не его вина.

— Он совершал что-либо подобное прежде? — спросил Мейкон. Ему не хотелось верить Преподобному на слово, он уже знал, к чему это может привести.

— Сэм смирный, даже мухи не обидит, — покачал головой Браун. — И всегда таким был.

— Но он совершал раньше подобное?

— Он никогда ничего подобного не совершал. Просто иногда он делает ошибки, как и все мы. Только из-за его психического состояния поступки Сэма рассматриваются людьми чуть ли не в лупу.

202

— А каково именно его психическое состояние?

— Повторяю, он не опасен. Иногда импульсивен, может запутаться в самых простых ситуациях. Но он ни для кого не представляет угрозы. Просто он стал таким вот путаником, пытающимся по-своему разобраться в окружающем мире. Неужели это преступление?

— Спасибо за откровенность, — поблагодарил Мейкон и подался вперед, опершись локтями о стол. — Думаю, мы оба с вами понимаем, к чему весь этот разговор, не так ли?

— Я всегда заботился о брате и никогда его не брошу.

— Вы пришли сюда, чтобы о нем позаботиться?

— Я пришел, чтобы позаботиться о нас обоих.

— То есть ваша паства о нем ничего не знает, — понимающе кивнул Мейкон.

— Они знают о нем, но не знают о нас. Он носит девичью фамилию нашей матери. В курсе всего несколько человек. Для остальных Сэм просто еще один член общины, брат по вере, который следует за мной повсюду. — Преподобный взглянул шерифу в глаза. — Я не прошу у вас ничего противозаконного. Просто не выдвигайте против него обвинений. Позвольте ему вернуться домой.

— И что потом? Эйва мне рассказала, что он ее подстерег уже во второй раз. Сначала приставал к ней на улице, когда она с Кармен ездила к врачу. Теперь вот забрался в дом. Мне нужно охранять покой своей семьи, Преподобный.

— Разумеется, как и всем нам. Я всего лишь пытаюсь поступить правильно по отношению к нему. Он **203** внимает каждому моему слову. Я — это все, что у него есть, а он — все, что есть у меня, шериф. Сэм пытался мне угодить. А знаете, что хуже всего? Много хуже, чем иметь брата, который слепо и безоговорочно тебе верит?

— И что же?

— Иметь брата, который думает, что ты не хочешь ему помочь, потому что он сделал что-то неправильное. Хотя на самом деле ты им гордишься. Сэм считает, что я за что-то рассердился на него или стыжусь, и потому не хочу ему помочь. — Голос Преподобного Брауна сделался совсем тихим, превратившись в едва слышный шепот. — Я сделал все, что было возможно, Мейкон, но так и не сумел ему помочь. А он винит в этом себя.

Мейкон внимательно изучал сидящего перед ним человека. Это был не тот Преподобный Браун, который когда-то вошел в его кабинет: властный, уверенный в себе, грозный. Он больше не был главой крупнейшей в стране религиозной организации. Перед шерифом сидел простой человек, оплакивающий брата, которого много лет назад потерял в аварии. Мейкон подумал, что тот оплакивает эту утрату каждый день. Ведь что-то подобное испытывал и сам Мейкон после самоубийства Хизер.

— О'кей, — наконец произнес он.

204

Сэма тайно, через черный ход, доставили на виллу «Эндрюс» — так, чтобы не засекали журналисты и люди, не являющиеся прихожанами церкви Брауна. Сам Преподобный ждал в кабинете, просторной комнате с высоким потолком и несколькими широкими, удобно расставленными кожаными креслами. На северной стене висела старинная карта, созданная во времена, когда люди верили в гигантских морских змеев. Карта показывала, каким может быть мир, если у его обитателей имеется фантазия.

Все редкие свободные минуты Преподобный Браун проводил в покойном кресле перед этой картой. Вот и на сей раз он засмотрелся на изображение волшебного мира, вместо того, чтобы готовиться к следующей проповеди или заниматься рутинными церковными делами. Тот мир был одновременно прост и сложен.

Преподобный не сводил глаз с могучих змеиных колец, всплывающих из атлантических вод. Хотя сам Пре-

подобный думал о чудовище как о змее, из-за длинного тела оно казалось ему чем-то бóльшим. Не примитивным драконом, но существом более древним, первозданным, оказавшимся неподвластным кисти неумелого рисовальщика. Змей представлялся чистым образом, всплывающим из самой глубины души, не замутненным в своей красоте.

И Браун не мог отвести от него глаз.

Сэма привезли через несколько часов после визита брата в полицейский участок. Это было сделано намеренно, чтобы никто не увидел связи между этим визитом и освобождением Сэма. Браун надеялся, что Мейкон не станет болтать ни о причине ареста Сэма, ни о том, кто он такой.

— Прости меня, Исаяя, — сказал Сэм, когда охранник ввел его.

Служащий был предупредителен с Сэмом, которого знал уже много лет. Он вышел, не сказав ни слова, а Сэм остался стоять у двери, опустив глаза и спрятав руки за спиной, как нашкодивший ребенок.

— Прости меня, — повторил он, готовый провалиться сквозь землю.

Преподобный подошел к брату и крепко обнял его.

— Все в порядке, Сэм, все хорошо, — прошептал он ему на ухо.

— Правда? — смущенно спросил тот.

— Да. Никто ведь не пострадал, а это самое главное.

— Но ты мне запретил ее беспокоить. Сказал оставить ее в покое, а я не послушался. Прости.

— Не будем об этом. — Преподобный поцеловал брата в лоб и отступил на шаг. — Все равно у нас нет машины времени, так что будем двигаться вперед. Помнишь, что я тебе всегда говорил?

— Что ты никогда меня не бросишь, — пробубнил Сэм, неуверенно поднимая взгляд.

— А еще?

— Что всегда меня выручишь.

— Правильно. Я всегда приду тебе на выручку, брат. А знаешь почему?

— Потому что мы — это все, что у нас есть.

— Совершенно верно. — Преподобный Браун приобнял Сэма за плечи, и они отошли от двери.

206

Сэм продолжал бормотать свои извинения, но Преподобный уже не слушал. Брат вечно за что-то извинялся, раскаяние было обычным его состоянием.

— Она правда удивительная, — добавил Сэм, когда они подошли к любимому креслу Брауна.

— Садись, — сказал тот. — Я налью тебе чего-нибудь попить, а потом тебя осмотрю.

— Она такая милая, — продолжал Сэм, снимая пиджак. — И отец ее тоже. Он не хотел меня поцарапать. — Сэм показал на свою губу. — Наверное, он очень испугался. Родители ведь всегда боятся.

— Как и старшие братцы, — заметил Преподобный Браун, беря графин и стакан.

Налил Сэму воды и смотрел, как тот осторожно пьет, морщась от боли в разбитой губе.

— Ты мой старший братец, — ласково улыбнулся Сэм.

— *Ad infinitum*¹, — сказал Преподобный и поманил Сэма рукой. — Давай-ка я тебя осмотрую.

Тот снял рубаху. Помимо разбитой губы, обнаружались еще синяк на шее и следы от наручников на запястьях, больше ничего. Никаких намеков на серьезные повреждения.

— Да-а, ты у меня крепкий парень, — заключил преподобный Браун, заканчивая свой осмотр.

— Крепче не бывает, — гордо ответил Сэм, на какой-то миг его голос вновь стал голосом юноши, прекрасного футболиста, перед которым открыто великолепное будущее.

— Это точно.

Преподобный протянул Сэму его рубаху. Тот оделся и снова уселся, уставившись на брата. Вспышка безоблачного счастья, вызванная воспоминаниями о прошлом, угасла.

207

— Я просто хотел, чтобы она меня починила, — медленно выговорил Сэм. — Чтобы тебе больше не приходилось со мной возиться. Чтобы ты меня не стыдился.

— Я отнюдь не стыжусь тебя, Сэм, — ответил Преподобный, усаживаясь в кресло напротив брата. Над их головами нависала карта волшебного мира.

— Я попытался... попытался все исправить.

— Знаю. Я понимаю, чего ты хотел. И она тебе поможет, даже не сомневайся. Уж я об этом похлопочу, просто наберись терпения. — Он потрепал брата по руке. — Однако на какое-то время будет лучше,

¹ Бесконечно (лат.) (прим. ред.).

если с тобой посидит наш охранник. Выберем того, с кем ты ладишь. Может быть, Гэри? Тебе же нравится Гэри?

— Нравится, — покорно ответил Сэм. — Гэри хороший. И тоже очень милый.

— Да, он славный малый. Вот пусть и приглядит за тобой, пока страсти не улягутся. Посидите с ним пару деньков дома, ладно? — Преподобный перевел взгляд на карту.

— Ну прости меня, — занудел Сэм с совершенно детскими интонациями.

— Сэм, ты ведь знаешь, что я тебя люблю?

— Знаю, — закивал Сэм. — Хорошо знаю. А ты, Исая, знаешь, что я чувствую?

— Знаю. Кстати, что ты думаешь об этой карте, Сэм? — Преподобный кивком головы указал наверх.

— Что это — карта мира, — ответил Сэм после минутного раздумья.

— Верно, — терпеливо сказал Преподобный. — Но что именно ты о ней думаешь?

Сэм вновь задрал голову, старательно вглядываясь в рисунок.

— Мне она нравится. А почему этот дракон тонет?

— Что?

Преподобный вскочил с кресла и подошел поближе к карте. Действительно, теперь ему стало казаться, что дракон не плывет в океане между континентами, а тонет в его волнах. Раззявленный рот морского чудища, только что представлявшегося Преподобному грозным воплощением мощи и свирепости, теперь испуганно

изывал о помощи. Исайя так и слышал рев волн, захлестывающих змея с головой, и удивился, как он не замечал этого раньше.

Том с Ушем сидели за столом и ужинали, слушая шум ветра, свистящего в сосновой хвое. За окном светила луна. Время от времени постукивали по тарелкам вилки, когда кто-то из них соскребал оставшуюся горстку риса. Весь дом пропах шалфеем, тимьяном, луком и красным перцем. В гостиной топилась железная печка, на стенах плясали отсветы пламени. Дым из трубы уходил в осеннюю ночь, но, едва поднявшись над крышей, сползал вниз и слепо вился над землей.

Том жил в сарае у Джонсонов. Когда-то здесь содержались кони и другие животные, но, когда ферма перестала приносить доход, Роберт Джонсон избавился от скота. Несколько лет сарай пустовал, разве что кто из соседей просил разрешения передержать там заболевшую корову или лошадь. Потом жене Роберта стукнуло в голову превратить сарай в жилое помещение.

— В комнаты для гостей, — пояснила она, хотя гости у них бывали нечасто.

Роберт какое-то время сопротивлялся, ссылаясь на нехватку денег, не говоря уже о гостях, но жена не сдавалась. И вот верхняя часть сарая, где прежде хранились инструменты и сено, была укреплена, надстроена, покрашена и наполнена тем, что жена Роберта именвала благами цивилизации. Отсутствовали только телевидение и интернет, которые оба супруга не относили к непременно атрибутам цивилизованной жизни.

Фортуна оказалась благосклонна к Джонсонам. Они закончили ремонт аккурат за две недели до приснопамятного стоун-темплского авиашоу. Вскоре после этого город заполонили толпы людей, которым требовалось место для ночлега и которые готовы были платить старыми добрыми наличными. В желающих снять комнату недостатка не было, но Том как-никак был другом детства Роберта, к тому же пару раз ему помогал. А Стоун-Темпл все еще оставался местом, где предпочитали знакомые физиономии — незнакомым, пусть даже и богатым. Поэтому, когда Том позвонил и поинтересовался, смогут ли Джонсоны его приютить, те с радостью согласились.

210

Теперь он жил здесь вместе с Уошем. Несмотря на свежую покраску, в комнате еще пованивало лошадьми. За долгие годы этот запах пропитал деревянные стены. Но на это обстоятельство вполне можно было не обращать внимания, как и на многое в жизни. Том жил здесь уже неделю, Уош присоединился к отцу два дня назад.

— Неплохо, да? — спросил Том.

Уош проглотил последний кусочек, положил вилку на тарелку и вытер руки о штаны.

— Да, сэр.

— Я считаю, мы с тобой недурно ладим, согласен?

— Согласен, сэр.

Том приподнялся и потряс пивную банку. Та оказалась пустой. Он взял из холодильника другую и встал, опершись о раковину.

— По-моему, вечерок удался, — сказал Том, отхлебывая из банки. — Хорошо, что твоя бабуля наконец-

то смилостивилась надо мной. Похоже, она не такая уж упертая старая перечница, какой я ее запомнил.

Он сел обратно за стол и пристально посмотрел на сына. Уош сидел, сложив руки на коленях и не поднимая глаз от тарелки. Снаружи рванул северный ветер, по крыше застучала полуотвалившаяся старая черепица. В спальном камине потрескивали дрова. Негромко гудел холодильник, ветер по-прежнему шумел в соснах, мерно дышал Уош... И над всем миром вставала бледная луна. Том вертел в руках пивную банку, металлическое позвякивание колечка на крышке было единственным звуком, который имел для него смысл.

— Я тебе рассказывал, как мы повстречались с твоей мамкой? — Том сделал очередной глоток.

«*Не повстречались, а повстречались*», — хотел поправить отца Уош, но вслух сказал:

— Нет, сэр.

— А повстречались мы с ней в церкви, — грустно улыбнулся Том. — Ты небось не веришь, но когда-то я ходил в церковь. Мы были еще совсем мелкими, примерно как ты сейчас. Я плохо запоминаю всякие там даты, но мы с ней точно были еще детьми. Твоя бабуля с дедулей посетили тогда нашу церковь. Прежде считалось нормальным прихожанам одной церкви ходить в другую. А может, и теперь так делают? — он задумался. — Всю службу я с нее глаз не сводил. Сам не знаю, почему. И тогда не знал. Она была в белом платье, белом, как снег, только розовые оборочки по рукавам и подолу. Она потом мне призналась, что ненавидела это платье. Мол, выглядела в нем как кукла.

Том расхохотался, затем продолжил рассказ:

— И это совершенная правда. Платье было очень смешным, со всеми этими оборочками. Еще на ней были такие белые туфельки и белые носочки. Господи, девчонке ее возраста, должно быть, было до чертиков обидно так ходить. — Том снова хохотнул, откинувшись на спинку стула. — Ты, конечно, не можешь этого знать, но твоя бабуля обожала эдак вот наряжать свою дочку. — Том отпил еще пива. — После того раза я ее не видел много лет, пока не начал работать на мельнице. Иногда я гадаю, как бы оно все обернулось, если бы мы с ней выросли вместе? Стали бы, наверное, друзьями детства, а когда я попросил бы ее выйти за меня, она бы мне отказала. Не знаю... Никто не знает, что случилось бы... «если бы да кабы». И счастливее от всех этих мыслей не становишься, уж ты мне поверь. — Он снова о чем-то задумался. — Ничего нельзя повернуть вспять. А когда оглядываешься, видишь только прах и упущенные возможности.

212

Том долго смотрел на свои руки, потом поднял глаза на сына:

— Слушай-ка, у меня идея.

Он убрал все со стола, допил пиво, взял из холодильника новую банку и поманил Уоша за собой. Они спустились по лестнице.

Вечер только наступил, но везде было уже темно и пусто. В окне у Джонсонов подрагивал голубой огонек телевизора. Над их крыльцом мягко светил фонарь.

— Ты машину водишь? — спросил Том.

— Мне только тринадцать.

— А, ну да. Но я тебя не о возрасте спрашивал. — Он несколько секунд смотрел на банку с пивом, потом прикончил ее одним долгим глотком. — Ладно, двинули.

У Тома оказался древний «Шевроле Нова» ярко-синего цвета, по его борту шли две белых полосы. «Как в кино», — подумалось Уошу.

— Давай за руль, — скомандовал Том. — Сам я, понимаешь, немного не в той кондиции. Так ты водить-то умеешь?

— Нет, но в общих чертах представляю, как это делается, — ответил Уош.

Внутри машины воняло пивом, куревом, смазкой, краской и кожей, то есть тем, чем и должно пахнуть в старой машине.

— Да проще пареной репы. — Том поощрительно улыбнулся.

Длинный шрам на его щеке знакомо изогнулся, превратившись в продолговатую букву «С». Они сели и захлопнули дверцы.

— Выжми сцепление и заводи, — сказал Уошу отец.

Уош был довольно высоким для своего возраста, пусть и тощим, так что ему без особых проблем удалось справиться со сцеплением. Он пристегнул ремень безопасности и повернул ключ зажигания. Глушитель выстрелил. Мотор издал прерывистый дребезжащий звук, словно невиданный зверь пробудился ото сна.

— Ты только не дрейфь, — посоветовал Том, устриваясь поудобнее.

— А ремень? — спросил Уош.

— Никогда им не пользовался, — ответил Том. — Сосредоточься. Будешь зевать, беды не оберемся.

Уош обеими руками вцепился в руль. Посидел некоторое время, вслушиваясь в вибрацию, отдающуюся в пальцах, потом посмотрел на приборную панель со старомодными круглыми шкалами.

— Правую ногу поставь на тормоз, — продолжил Том.

Уош кивнул и сделал так, как сказал отец. Машина тут же заглохла, а Том жизнерадостно заржал.

— Сынок, я же не говорил тебе отпустить сцепление!

Уош опять завел мотор.

214

— Все, что теперь тебе нужно, — это успокоиться и расслабиться. Не бойся сцепления. Ты не водитель, если не можешь без автомата. Это то, что отличает нас от животных.

Уош хихикнул.

Том, размахивая руками, продемонстрировал, как работают сцепление и дроссель. Как и ожидал Уош, объяснение оказалось длинным и путаным, но ему было уже все равно. Он слушал отцовский голос, ощущал вибрацию машины и вдруг понял, что ждал этого момента всю свою жизнь.

— Ну? Усек? — наконец спросил Том.

— Думаю, да, — ответил Уош. — Это как танец.

— Ты что, танцуешь?

— Нет, но я читал, как работает сцепление. Если в двух словах, то ты соединяешь две разные штуркувины, которые вращаются с разной скоростью, и нуж-

но сделать это так, чтобы вся конструкция не развалилась. Обе штуковины должны составить одно целое.

— Как танец... — задумчиво повторил Том.

С третьего раза у Уоша все получилось как надо.

Они медленно ехали по темному проселку. Выбрали дорогу к северу от Стоун-Темпла, подальше от городского шума. Точнее — выбрал сам Уош, который не хотел ни с кем делить новообретенного отца.

Через какое-то время сомлевший Том потянулся к бардачку, извлек оттуда серебряную фляжку и сделал глоток.

— Ты прирожденный водитель, — невнятно пробормотал он.

Довольный, Уош кивнул, не сводя глаз с дороги. Теперь, когда машина набрала ход и не нужно было думать о переключении передач, все его внимание поглотила ночная дорога. Он несчетное количество раз ездил по этому шоссе, но теперь все было иначе: за рулем сидел он сам. Это было очень круто.

— Можно тебя спросить? — С губ мальчика едва не сорвалось слово «папа».

— Не спрашивай, можешь ли ты задать вопрос, просто задавай его, и дело с концом. Будь проще. — Слова звучали все более невнятно, Том на глазах пьянел.

— Если бы мама тогда не погибла, ты бы все равно ушел?

— Не знаю, — быстро ответил отец, поскреб макушку и прокашлялся. — А на самолете ты когда-нибудь летал?

— Как-то не приходилось, здесь ведь все близко, — ответил Уош.

Дорога впереди была темной, но ровной. Она стелилась по пологой долине, и Уошу казалось, что машина скользит в пространстве. Том закрыл глаза, его голова откинулась назад.

— Ночью с самолета мир выглядит поверхностью океана, — заговорил он. — Такого темного и глубокого, как показывают по телевизору, уходящего в бесконечность. Куда ни глянь, всюду под тобой огни городов. Только это вовсе не города. Они превращаются во что-то иное, их светящиеся изгибы напоминают медуз, живущих на самом дне океана, эдакие пузыри, наполненные ярким светом. Огромные города, со всеми их жителями и домами, проплывают далеко внизу. А ты сидишь и дивишься про себя: неужели это все на самом деле?

Его дыхание на секунду сбилось, глаза оставались закрытыми. Том как-то обмяк на сиденье, — измотанный, потасканный жизнью человек.

— В такие минуты, Уош, начинаешь верить, что из иллюминатора можно увидеть все что угодно. Просто нужно как следует поверить, а потом ждать, пристально всматриваясь в темноту. И тогда она вернется... — Том открыл глаза и отвернулся к окну, за которым не было ничего, кроме темноты. — Иногда я на самом деле в это верю.

— Почему ты больше не поешь? — спросил Уош, но тут же пожалел о том, что раскрыл рот.

— А потому как говенный из меня певец, — душевно ответил Том.

Уош не знал, что на это сказать, и спросил:

— Я правильно еду?

— И так во всем, — гнул свое Том, не слушая сына. — Лучше всего у меня получается смываться. Я плохой отец, но я люблю тебя, Уош. Люблю с того самого дня, когда ты появился на свет. И маму твою я очень любил. Как бы я хотел стать лучше! Лучше во всем. — Его голос задрожал, Том уставился на обручальное кольцо. — Жаль, что твоя подружка ничего не способна для меня сделать, — грустно пробормотал он. — Видать, мою жизнь уже не склеишь. Прости, конечно, но твой папка — жалкий лузер...

И с этими словами Том провалился в сон. Его голос стих, остались только гул мотора, шорох шин по асфальту да свист ветра за окном.

Дорога казалась Уошу чем-то совершенно невиданным, как будто гладкий поток сам по себе скользил под днищем. Но страшно ему не было. Машина шла легко и плавно. Он вдруг почувствовал, что может уехать так куда угодно, и вообще — делать все, что захочется. Уош поверил, пусть и ненадолго, что способен на великие свершения, и вспомнил, что впереди — целая жизнь.

Он понизил передачу, чтобы пройти поворот. Однако когда попытался перевести рычаг обратно, тот резко дернулся в его руке. В моторе что-то шумно стукнуло. Двигатель продолжал работать, только теперь словно сам по себе. Руль завертелся, и Уош еле-еле сумел его удержать. Он позвал отца, но тот был слишком пьян и не проснулся. Достигнув подножия холма, машина съехала с дороги. Им повезло, что они ехали вдоль полей. «Шевроле» несся по мокрой траве, а Уош, вцепивший-

ся в руль, молился, чтобы ничего не появилось у них на пути. Свет фар выхватывал траву, кусты ежевики и обрывки тумана, стелившегося по лугу.

Наконец, пронзительно взыв напоследок, машина остановилась. Все смолкло, только стук сердца гулко отдавался в ушах мальчика.

— Пап! — позвал он. — Папа!

Уош тряс Тома за плечо, но тот продолжал спать. Тогда, отстегнув ремень безопасности, Уош вышел из машины. Вокруг была пустошь, стрекотали насекомые, над головой сверкали звезды. Обошел вокруг машины, пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть в тусклом свете фар. На передней части кузова виднелась вмятина, одно колесо стало плоским, как блин, но ничего серьезного вроде бы не было.

218

Уош схватился за голову и всхлипнул, представляя, что случилось бы, если бы он потерял управление на вершине холма. Постоял в темноте, глядя на беспробудно спящего мужчину, бывшего его отцом, потом вернулся на водительское место. Пока они прыгали по кочкам, бардачок раскрылся. Уош хотел его захлопнуть, но оттуда выпали права. Имя на них было незнакомым. Он перевел взгляд с документа на своего отца. Очевидно, машина была чужой. Но по крайней мере, Том попытался исправить, правда?

Послышался глухой гул автомобиля, едущего по влажной от ночной росы земле. В зеркальце заднего вида блеснули фары, а вскоре показалась и сама машина, спускающаяся с холма.

— Вот зараза! Пап! Папа! Да проснись же! — Уош затряс отца, но тот продолжал дрыхнуть.

В темноте ослепительно засверкали синие огни полицейской мигалки, осветившей тринадцатилетнего мальчишку и его вусмерть пьяного папашу, посадившего малолетку за руль.

— За подобные дела детей забирают только так!

Мейкон лихорадочно расхаживал взад и вперед перед камерой, где на койке сидел Том, обхватив голову руками. Рядом с ним на полу стояла кружка кофе.

— За Уошем сейчас приедет Бренда, — продолжил Мейкон. — Что дальше, договаривайтесь сами.

— Спасибо, шериф, — пробормотал Том, страдальчески потирая виски.

— За что?

— За что, за что... За все.

219

Шериф остановился. Они с Томом были здесь одни, об этом позаботился сам Мейкон. Он не знал, кому из полицейских, присланных в помощь после той проклятой авиакатастрофы, можно доверять. Один из них уже появился на телеэкране с новостью о том, что мальчик, спасенный Эйвой, едва не погиб, когда пьяный отец посадил его за руль мощного автомобиля. Тот тип зашел так далеко, что разболтал даже информацию из полицейского рапорта, где Тому вменялось вождение в нетрезвом состоянии, пьянство в публичном месте и нарушение общественного порядка в пьяном виде. Короче, пьянство, пьянство и пьянство. В этом был весь Том.

— Давай, допивай свой кофе, — сказал Мейкон.

Том тупо уставился на чашку, стоящую у него между ног.

— Бренда будет здесь с минуты на минуту, а при встрече с ней тебе понадобится все твое красноречие.

— Я ей никогда не нравился, — буркнул Том, поднимая кружку, и отпил глоток.

— И тем не менее ты делаешь все, чтобы поддерживать свою блестящую репутацию?

— Я хотя бы попытался. — С кружкой в руке, Том привалился к бетонной стене камеры, почесал шрам и поднял глаза на шерифа. — Боюсь, не светит нам с тобой стать «Отцами года», верно?

— А никто на тебя в этом смысле и не рассчитывал, Том. — Мейкон в ярости схватился за прут тюремной решетки. — Но есть же в тебе хоть что-то человеческое? Пусть ты не «Отец года», но почему было не попробовать стать хотя бы «Отцом недели»? «Отцом дня», на худой конец? Неужели ты не в состоянии провести неделю с ребенком без того, чтобы не нажраться как свинья и не угодить за решетку?

— Ну, ты ж меня знаешь, — мрачно хохотнул Том.

— Нет, не знаю, — отрезал Мейкон. — Зато я знаю Уоша. И, черт тебя дери, отлично знаю Бренду. Самое паршивое, что они оба тебя любят, даже Бренда, как ни странно.

— Ну не создан я для всего этого дерьма, — пробормотал Том и принялся жадно хлебать еще не остывший кофе.

— Мог бы и постараться.

— Слушай, какого хрена ты пристал, а? Тебе-то что за дело?

— Мне странно, что самому тебе никакого дела нет.

— Ну да, ну да... На себя посмотри. А еще туда же, поучать меня вздумал.

— К чему это ты клонишь? — Мейкон тяжело уставился на Тома.

— Как поживает твоя дочурка? — Том медленно поднялся и встал против Мейкона. — Видал я ее вчера по телику. Неважно она выглядит, отоцала совсем. Уош вот боится, что девчонка уж не оправится. Хочешь начистоту? Дерьмово она выглядит, так-то. И вот что удивительно, как же ее заботливый папаша-шериф этого не замечает? А может, просто не желает замечать?

— Все сказал? — рывкнул Мейкон, стиснув железные прутья так сильно, словно от этого зависела его жизнь.

221

— Не-а. Кофе еще принеси. — Том повертел в руках кружку. — Какая у нас миленькая кружечка, — сказал он и с размаху швырнул ее о стену.

Посудина разлетелась вдребезги. Мейкон отпрянул.

— Ладно, не переживай, Том, потом кто-нибудь придет и уберет оставшиеся после тебя осколки, точно так же, как это произошло с твоим сыном, — сказал шериф и, не оглядываясь, вышел, едва не сбив с ног торчащего под дверью Уоша.

— Что у вас там произошло? — спросил мальчик.

Но не успел Мейкон ответить, как входная дверь распахнулась, и в участок влетела Бренда.

— Где он? — закричала она.

— Да вот же, — быстро сказал Мейкон, указывая на Уоша. — С ним все в порядке.

— Это я и сама вижу, — фыркнула Бренда. — Том где?

— В камере сидит.

Бренда двинулась напрямик к двери, ведущей к камерам, рванула ее, не спрашивая позволения, прошла внутрь и с грохотом захлопнула за собой дверь.

— Наверное, нам стоит подыскать местечко поспокойнее, — сказал Мейкон Уошу.

— О чем это они там говорят? — спросил Уош, заглядывая через дверное окошко.

Бренда действительно тихо беседовала с Томом. Мейкон с Уошем ожидали, что она начнет орать и ругаться, может быть, даже швырнет чем-нибудь сквозь решетку. Но вместо этого они видели, как пожилая женщина спокойно, почти скорбно, словно на исповеди, разговаривает с зятем. Том слушал, мрачней на глазах.

— Что же она ему говорит такое? — взволновался Уош.

— Не знаю, — соврал Мейкон, догадавшийся, что речь идет о раке Уоша. — Пойдем-ка займемся лучше бумажками, иначе вы с отцом отсюда никогда не выйдете.

Шериф взял мальчика за плечо и подтолкнул в сторону кабинета. Малость поупиравшись, Уош подчинился.

— Мейкон! — окликнул он шерифа.

— Чего тебе?

— Вы же мне скажете, если что-то пойдет не так?

— Если узнаю что-нибудь, что будет касаться тебя, то скажу, конечно, — натянуто улыбнулся Мейкон.

— Хорошо.

— Могу я тебя тоже кое о чем попросить, Уош?

Мальчик кивнул.

— Насчет Эйвы. Я не прошу поверять мне ваши детские секреты, у всех нас они были. Но если вдруг всплывет что-нибудь действительно важное, а она не решится сама в этом признаться, ты ведь мне скажешь?

— Да, сэр.

— Отлично, — кивнул Мейкон.

Остаток ночи они с Уошем просидели в кабинете и ни о чем серьезном уже не говорили. Болтали о спорте, кино и о том, насколько холодной будет зима. Вопросов, отвечая на которые требовалось лгать, они друг другу больше не задавали.

Возвращение из полицейского участка прошло без проблем. Разве что на выезде с автостоянки Бренде пришлось чуть ли не таранить столпившихся там журналистов. Она со злостью вдавила в пол педаль газа, старый «универсал» взревел, и один из операторов, пытавшийся их задержать, шарахнулся в сторону, уронив свою камеру. Преследовать их репортеры не стали.

Уош с Томом молчали на заднем сиденье. Занимался рассвет, Стоун-Темпл постепенно оживал. Проезжали редкие машины, из палаток начали выходить люди. Уоша удивляло, что они до сих пор торчат в городе. Интересно, как они жили прежде? Были ли у них дома, куда можно вернуться? Семьи? Работа? Как это они сумели вот так все бросить и приехать? Неужто только ради Эйвы?

На перекрестке стояла женщина с плакатом «УМОЛЯЮ, ПОМОГИ МОЕМУ РЕБЕНКУ». Они, не останавливаясь, проехали мимо, и вскоре женщина скрылась из виду.

Уош то и дело косился на отца. Том смотрел в окно, совершенно погрузившись в какие-то мысли. Бренда упрямо вела свою древнюю колыхагу по узким улочкам к выезду из города. Тут только до Уоша дошло, что они едут вовсе не домой.

— А зима-то, похоже, будет студеной, — произнес Том, все так же глядя в окно. От отца несло смесью перегара и кофе.

Уош понял, что в словах есть какой-то намек, но на что?

224

Вскоре он понял, что они едут туда, где осталась машина Тома. Там уже виднелся эвакуатор, вытягивающий «Шевроле» из кювета. Бренда притормозила неподалеку.

— Ну, ладно, — сказал Том и вышел.

Уош открыл было дверцу, но отец оглянулся и бросил:

— Нет уж, ты останешься с бабушкой. — Он поглядел на Бренду, хмурящуюся на него в зеркальце заднего вида.

— Но мы же еще встретимся с тобой у Джонсонов?

— Не думаю. — Отец присел на корточки рядом с открытой дверцей. — Ты с бабушкой возвращайся домой, а я посмотрю, что можно сделать с этим рыдваном.

— А когда ты за мной приедешь? — спросил Уош и тоже посмотрел в зеркало, надеясь поймать бабушкин

взгляд и разобраться, что происходит. Что-то явно было не так.

— Сынок, для начала мне надо починить машину, потом закончить еще парочку дел. Но я вернусь. — Том посмотрел на свою машину, потом — в небо и потупился. — Совсем скоро.

— Не надо. Не стоит, — бесцветным, но твердым голосом произнес Уош, словно дверь захлопнул.

— Уош...

— Я не хочу тебя принуждать. Заставлять тебя говорить то, что тебе не хочется. Поехали, бабуля? — Уош наконец встретился глазами с Брендой и увидел в них глубокую грусть.

Она внимательно смотрела на внука.

— И ты тоже можешь ничего не говорить, — сказал он ей. — Я хочу уехать отсюда, хочу увидеть Эйву и узнать, как она.

Том помедлил еще немного, глядя на сына, которого потерял во второй раз, и захлопнул дверцу. Бренда завела мотор, увозя от него Уоша.

Суббота была днем домашних распродаж. Эйва не могла дожждаться этого дня, и пропуск утренних мультиков казался ей разумной платой за то время, которое они с матерью проводили, объезжая двор за двором, городок за городком, иногда забираясь даже в соседние округа в надежде отыскать в соре жемчужину.

Вставали еще до рассвета, оставляя Мейкона сладко сопеть в подушку, садились за кухонный стол

и раскладывали карту, на которой отчеркнуты были улицы и даже определенные дома, где проходили распродажи. Некоторые точки были помечены как «Возможно!». Это означало, что ловить там, скорее всего, нечего, но, поскольку распродажи в тех домах устраивались регулярно, рано или поздно что-нибудь любопытное просто обязано было всплыть.

В тот день Хизер с Эйвой планировали объехать три округа. Они сложили в корзинку для пикников еду и несколько бутылок «Гаторейда», распихали по оставшимся свободными уголкам шоколадки и пакетики карамелек.

— Нельзя питаться одними карамельками, — наставительно сказала Хизер, набивая ими корзинку.

226

— Когда это мы ели одни карамельки?

— Да хотя бы тогда, два месяца назад.

— А, точно! — рассмеялась Эйва.

— Только папе смотри не говори. Кстати, а ты «Тоблерон» положила?

До первого двора они добирались в предрассветных сумерках около получаса. Пожилая пара в легких курточках ждала перед домом и курила. Радостно поздоровавшись, они поинтересовались, что конкретно ищут Хизер с Эйвой.

— Что-нибудь необычное, — ответила за двоих мать.

Она всегда так говорила хозяевам распродаж, когда те спрашивали, что именно ей требуется. И это было истинной правдой. За годы своей «охоты» они нашли множество вещей, которые представлялись

Эйве очень необычными: старинную камею с искусно вырезанным женским личиком, непонятую латунную деталь от ружья, толстую, квадратную, покрытую великолепными узорами... Эйва пообещала себе, что, когда вырастет, обязательно разузнает про эту штуку. Впрочем, даже если и не узнает, вещица была красива сама по себе.

Эйве вообще больше нравилось находить интересные обломки, нежели целые вещи. Она считала, что если не знаешь, из чего состоит тот или иной предмет, то никогда не поймешь устройства целого. А вот когда находишь отдельную часть какой-то вещи, можно не только представить, как она работала, но и вообразить все возможные способы, которыми она могла работать. Все равно что распутывать узелок за узелком, пока в руках у тебя не окажется гладкая шелковая ленточка.

227

Они мотались уже полдня, но ничего интересного так и не попало. Футболки, кресла, столы, старые грампластинки, игрушки, которыми давным-давно никто не играл, кассеты с фильмами, которые никто не хотел пересматривать, и картины, не вызывавшие никаких чувств.

Изъездив два округа из трех, они повернули домой. И тогда им наконец улыбнулась удача. Полдень был довольно жарким, но женщина куталась в тяжелое пальто. Увидев входящую во двор Эйву, та обрадовалась девочке, словно долгожданной гостье.

— У меня как раз есть то, что тебе нужно, — сказала она, обращаясь то ли к Хизер, то ли к самой

Эйве, взяла со столика большую деревянную коробку и протянула ее девочке.

— Сможешь открыть? — спросила она.

Эйва покрутила коробку, казавшуюся составленной из дюжины коробочек поменьше, идеально пригнанных друг к другу. Коробка пахла свежим деревом и вырезана была с большим искусством. Сколько Эйва ни пыталась, открыть ее не смогла.

— Это головоломка, — пояснила Хизер.

— А как она открывается? — спросила Эйва.

— Ты должна сама сообразить, — ответила женщина.

Эйва так и распахнула глаза. Коробка сразу же обрела для нее таинственное очарование. Девочка пыталась представить, что же может находиться внутри. Древние монеты или наконечники стрел? Драгоценности или карта сокровищ? А может быть, письма знаменитостей или утраченный манускрипт?.. Детское воображение, как обычно, разыгралось, и вот уже в коробке прятались маленькие человечки и целые заколдованные города. Теперь Эйва держала ее с осторожностью, если не с почтением. Ей начали мерещиться звезды, только и ждавшие, когда их выпустят, чтобы вернуться на небо.

А потом она подумала, что в коробке, должно быть, находятся странные и непонятные тайны ее матери. Грустные тайны, будившие Хизер по ночам, заставляя уходить во двор и плакать, когда ей казалось, что муж с дочерью крепко спят и не слышат ее рыданий. Тайны, которые давали ей силы улыбаться

по утрам, несмотря на приступы преходящей печали, свидетельницей которых была Эйва.

По пути домой девочка окончательно убедила себя, что в коробке все это есть. К сожалению, когда несколько дней спустя ей наконец удалось ее открыть, внутри оказались лишь пустота и пыль.

Что же, она ведь знала, что душа матери слишком сложна, чтобы уместиться в маленькую коробку. И Эйва убрала головоломку в сундук, куда отправлялись все когда-то любимые, а потом позабытые игрушки.

230

МЕЙКОН НАДЕЯЛСЯ, что после того, как он во всеуслышание объявит о своем присоединении к церкви Преподобного Брауна, интерес к его семье ослабеет, однако вышло все с точностью до наоборот. В лагере у подъездной дороги тут же появилась группа людей с плакатом «ЭЙВА ПРИНАДЛЕЖИТ ВСЕМ!». Мейкон так и не смог разобраться, были ли они религиозными фанатиками, или несгибаемыми атеистами, или вообще не пойми чем. Но какое это имело значение?

Преподобный помогал шерифу чем мог. Советовал, на чьи звонки отвечать, а чьи — игнорировать. Научил, как держаться во время интервью и как отвечать на каверзные вопросы, не сказав, по сути, ничего. Выполняя данное им обещание, Браун во всем руководил Мейконом. Делал, что было в его силах, чтобы шериф с дочерью могли чувствовать себя хозяевами собственной жизни. Поэтому, когда Преподобный объявил, что желает лично побеседовать с Эйвой и вообще со всей их семьей, причем лучше — если это произойдет у них дома, Мейкон согласился.

И вот Преподобный, одетый в темный костюм и легкое пальто, стоял перед дверью. Позади маячили полисмены, прошедшие проповедника сквозь толпу. Приветливо кивнув Мейкону, они побрели обратно на свой пост.

— Входите, — пригласил Брауна шериф и провел его в гостиную.

— Благодарю, — сказал тот, поправляя волосы, растрепавшиеся на холодном ветру.

Кармен с Эйвой сидели на диване. Какие бы отношения ни сложились у девочки с мачехой, молчаливая солидарность их сплотила. Вероятно, возникла она потому, что они вынуждены были постоянно находиться вдвоем дома. Такие тесные отношения часто порождают отвращение, но случается, приводят и к взаимопониманию.

231

До Эйвы начало доходить, что Кармен вовсе не пытается занять место матери, что она просто любит Мейкона, хочет родить здорового малыша и сплотить семью, в которую входит и падчерица. Кроме того, хотя ни та, ни другая еще не встречались с Преподобным, их объединяла неприязнь, которую они испытывали к этому человеку, сколько бы Мейкон ни твердил, что Браун всего лишь пытается помочь.

— Очень приятно наконец-то встретиться с вами обеими, — сказал Браун, подходя и пожимая руку сперва Кармен, а потом — немного дольше — Эйве. — А ты, значит, и есть наш чудо-ребенок?

Преподобный уселся в кресло, заранее поставленное для него Мейконом. Сам шериф сел рядом с женой и дочерью. Все трое выжидательно глядели на Брауна.

— Для меня огромное удовольствие посетить ваш дом, — патетически произнес тот. — Простите меня за то, что вынужден был настоять на своем визите. Мне представляется, это может убедить людей в нашем с вами единстве.

В глазах Кармен блеснул огонек подозрения, тут же замеченный Преподобным:

— Догадываюсь, о чем вы подумали, но я действительно хочу только помочь.

— И что должна будет взамен сделать для вас Эйва? — спросила Кармен, расправляя на выпуклом животе темно-синее платье.

32 Оно стало узким и неудобным. Кармен купила платье, будучи на четвертом месяце беременности, и не предполагала носить его в третьем триместре.

— Вижу, вы прямолинейны, как и ваш муж, — заметил Преподобный.

— Вообще-то, мне тоже было бы любопытно узнать, — вставил Мейкон.

— Уверен, что вам не терпится, поэтому перейду сразу к делу. Я хочу, чтобы под эгидой моей церкви свершилось исцеление.

— И речи быть не может, — отрезала Кармен.

— Прошу вас, выслушайте меня, — сказал Браун, переводя взгляд с Кармен на Эйву. — Одно-единственное исцеление. Это все, что нам нужно.

— И в чем смысл? — спросила Эйва.

Взрослые посмотрели на нее.

— Смысл в помощи людям, — терпеливо принялся объяснять Браун. — Весь мир уже знает, кто ты и на

что способна. Снаружи толпятся жаждущие твоей помощи. Я не прошу Эйву помогать всем, совершенно очевидно, что это ей дорого обходится. Поэтому я считаю, что мы должны, как говорится, выйти в люди. Помочь кому-нибудь, но на сей раз — не животному, а человеку. Сделав это публично, она получит, скажем так, некоторую передышку.

Голова у Эйвы закружилась. Она перестала понимать, о чем толкует Преподобный, и способна была думать только о том, как очнулась в прошлый раз в больнице слепой, как крот. В глубине души она чувствовала, что, если опять кого-нибудь исцелит, это будет только началом. И, вполне вероятно, последствия для нее окажутся куда серьезнее, чем прежде. Эйва продолжала худеть, Кармен даже пришлось купить ей новую одежду — старая висела мешком. А еще были холод и пустота, ставшие ее постоянными спутниками. Иногда Эйве казалось, что порыв ветра может унести ее прочь.

— И каким же образом излечение кого-то в вашей церкви поможет Эйве? — задала вопрос Кармен.

— Очень просто. Люди поймут, что она вовсе не пытается увильнуть от помощи им. — Преподобный несколько расслабился. — Возможно, вам это странно слышать, но многие считают вашу дочь закоренелой эгоисткой. В самом начале этой истории мне рассказали о двух братьях, прорвавшихся в палату к Эйве с мольбой о помощи.

— Да, было дело, — сказал Мейкон. — Психи какие-то.

— А ведь они — не исключение. Таких очень, очень много, и их голоса звучат все громче. Однако если ты покажешь, что готова оказывать помощь, действительно стремишься, не щадя себя, использовать свой дар, разумеется — по возможности, тогда мы сможем продемонстрировать, что ничто не дается безвозмездно. Докажем им, что Эйва хочет им помочь, но не в состоянии помочь каждому. И тогда ваша жизнь вернется на круги своя.

Они молча обдумывали его слова. Даже Кармен находила в них определенный резон: быть может, Мейкон был прав и этот Преподобный хочет всего лишь помочь им вернуться к нормальной жизни?

234

Когда Браун откланялся, они до полуночи обсуждали его предложение. Говорили об ответственности, о долге, самоотверженности и религии, о том, что люди обязаны помогать друг другу. Говорили даже о деньгах. Издатели наперебой предлагали контракт на книгу, а телевизионщики жаждали эксклюзивного интервью. Каждый хотел урвать свою толику от славы «чудо-ребенка».

Разговор грозил затянуться до утра, и Эйва, чуть не падавшая от усталости, отправилась спать, оставив Кармен с отцом на кухне.

В третьем часу ночи она проснулась от плача Кармен из-за стены. Женщина всхлипывала совсем тихо, стараясь не разбудить девочку. Звучал приглушенный голос отца, они явно обсуждали что-то, что хотели от нее скрыть. Однако в старом доме с тонкими стенами ничего невозможно утаить.

— Бренда говорит, что врачи до сих пор не решили, как его лечить, — сказал отец.

— Почему она ему не скажет? — всхлипнула Кармен.

— Ну, ты же знаешь нашу Бренду. Вбила себе в голову, что должна подарить ему еще капельку детства. Рак — это тебе не шутки. Даже если лечение окажется успешным, Уоша ждет тяжелая жизнь. Наверное, Бренда просто... Я думаю, она хочет немного продлить его беззаботные дни.

Эйва вздрогнула. Желудок сдавило, к горлу подкатила тошнота. Она поняла, зачем Уоша заставляли сдавать все эти анализы. Раньше Эйва думала, что врачи пытаются узнать, как она его излечила, а они, оказываясь, старались разобраться в его болезни.

Уош болен раком.

Эти слова набатом гудели в ее голове. Эйва зарылась лицом в подушку и беззвучно разрыдалась. Как такое могло быть? Почему ей ничего не сказали? Но она же вылечила его, разве нет? Тогда откуда у него рак? Может, это она сама виновата?

Вопросы сменяли один другой, и слезы текли безостановочно. Она плакала до тех пор, пока горе не прорвалось наружу долгим, мучительным стоном. Когда Мейкон с Кармен вбежали в ее комнату, спрашивая, что случилось, Эйва не смогла даже выговорить имя Уоша. Наконец, немного успокоившись, она сказала:

— Я это сделаю.

— Что? — изумился Мейкон.

— То, о чем просил Преподобный. Вылечу кого-нибудь.

— Это вовсе не обязательно, — заметила Кармен. — Думаю, не стоит, Эйва. Ты же едва ноги прошлый раз не протянула. Кто знает, что случится в следующий?

— Мне самой нужно знать, смогу ли я это повторить, — упрямо отрезала Эйва. — И еще. Вдруг проповедник прав, и, если сделать это на глазах у толпы, они отстанут?

— С чего это они отстанут? — спросил Мейкон, но дочь только замотала головой.

— Поймите, я должна. Я сама хочу им доказать.

236

У Эйвы родился план. Она придумала, как остановить этот кошмар. Нужно проделать все на виду у всех, доказать им раз и навсегда, неважно, какой ценой. И раз уж ей придется опять кого-нибудь лечить, она точно знала, кто это будет. Она заставит их оставить ее семью в покое.

— Господи, что я творю? — пробормотал Мейкон. — Я самый паршивый отец на свете.

Они с Эйвой стояли за кулисами, ожидая, когда их позовут на сцену, чтобы «чудо-ребенок» показал людям представление, ради которого те собрались. С Кармен так и не удалось договориться, та была категорически против.

— Это убьет ее, — бубнила Кармен, стоило им с Мейконом остаться одним.

Твердила ему при любой возможности, словно дятел, долбящий ствол дерева.

— Всего один последний разочек, — отбивался от жены шериф.

Ему искренне казалось, что одного-единственного чуда всем хватит, а они получают достаточно славы, чтобы свести концы с концами. Что там, деньги потекут рекой! И хотя открыто он о деньгах не упоминал, этого и не требовалось. Кармен прекрасно знала, что им движет: страх нищеты в сочетании с идеей, что одно трудное испытание избавит их от тягот и необходимости жить одной жизнью, мечтая о другой. «Один-единственный разок», — повторял Мейкон как спасительную мантру.

Но что бы они ни планировали, решение оставалось за Эйвой.

— Поверить не могу, что на это пошел, — сказал теперь Мейкон дочери.

237

Их посадили рядом на металлические стулья, а вокруг суетились дьяконы и помощники из паствы Преподобного. Большинство их старалось держаться на расстоянии, словно Мейкон с Эйвой были кинозвездами, а остальные приличия ради делали вид, что их не узнают.

— Все будет нормально, пап, — отозвалась Эйва, беря отца за руку.

— Много ты понимаешь. — Мейкону хотелось обратить все в шутку, сделать вид, что он-то все прекрасно понимает и просто поддразнивает дочь, но голос прозвучал совсем невесело.

— Куда уж мне, — в тон ответила Эйва, обнаружив то самое чувство юмора, которое потерял Мейкон. Они улыбнулись, держась за руки. И тут подбежал какой-то тип.

— Мы готовы, — сказал он.

Их время наедине внезапно подошло к концу, хотя ни отец, ни дочь об этом еще не знали.

Проповедь Преподобного Брауна длилась уже два часа, когда к собравшимся вывели наконец Эйву. Темой проповеди была «Воля к вере». Преподобный стоял на сцене, позади него — хор и дьяконы, сверху глядело сумеречное небо. Браун был одет в костюм, сидевший на нем как влитой. Вечерний воздух был довольно свеж, но Преподобный поминутно вытаскивал из кармана платок, чтобы утереть пот. Паства давно уже не видела таким своего вождя: он весь лучился энтузиазмом и энергией.

238

Когда время пришло, Преподобный снял пиджак и передал его одному из помощников.

— А теперь, — торжественно провозгласил он, — мы с вами станем свидетелями чуда.

В задних рядах произошло какое-то волнение, все собравшиеся разом повернули головы. Помощники вели по проходу молодую пару, мужа и жену, между которыми шел мальчик. Его тонкие темные волосы резко контрастировали с бледным лицом, под глазами чернели круги. Мальчик передвигался тяжело, болезнь дамочловым мечом висела над ним всю его коротенькую жизнь.

— Как давно болеет ваш сын? — спросил Преподобный Браун и протянул микрофон отцу семейства.

— С самого рождения, — ответил тот.

— А что говорят врачи?

— Что нельзя терять надежду. Но они твердят это постоянно, а улучшений никаких нет.

Преподобный Браун нарочито медленно, словно показывая свою старческую немощь и усталость от проповеди, присел на корточки напротив ребенка.

— Как твое имя, дитя мое?

— Эндрю. Эндрю Уильямс.

— Сколько тебе лет?

— Восемь.

— Восемь лет, — с дрожью в голосе повторил Преподобный. — Восемь лет мучительных страданий...

— Да, сэр.

— Как это ужасно. Иди же ко мне, дитя.

Преподобный наклонился, подхватил ребенка и, держа его на руках, повернулся к кулисам, из-за которых как раз появился Мейкон, ведя за руку Эйву. Она сжала ладонь отца и взглянула на него.

239

— Наверное, мне не следовало обещать, что я это сделаю, — сказала она, но Мейкон уже тащил ее вперед, навстречу толпе.

Народ затаил дыхание. В наступившей тишине слышалось только шарканье ног, да хлопал полог шатра на ветру. Дьяконы темно-синей стеной стояли в проходе, отгораживая скамьи, — на случай, если кому из прихожан взбредет в голову броситься к Эйве.

У самой сцены Эйва услышала, как кто-то позвал ее по имени. Приглядевшись, она увидела Уоша в черном костюмчике, белой сорочке и черном галстуке. Он казался еще более высоким и тощим, чем всегда, только обычно всклокоченные волосы были тщательно расчесаны. Уош застенчиво помахал рукой, и она махнула в ответ.

Рядом с ним сидела Бренда в своем лучшем воскресном платье. Ее волосы были распущены. Она выглядела очень величественно, а свойственный ей налет суровости придавал сходство с королевой в изгнании. Там же оказалась и Кармен в каком-то свободном балахоне. Мачеха машинально поглаживала живот. Встретившись взглядом с Эйвой, она кивнула и произнесла одними губами: «Все будет хорошо».

Эйва поискала глазами Тома, но того не было, что и неудивительно. В принципе, ее интересовал только Уош. Несмотря на то, что она знала о его болезни, в то время как сам мальчик ничего не подозревал, его присутствие придало ей смелости и силы.

240

— Все будет хорошо, — немного испуганным голосом повторил Мейкон и подпихнул дочь вперед.

Та, оказывается, сама того не замечая, остановилась, заглядевшись на Уоша.

— Она здесь, братья и сестры! — громогласно провозгласил Преподобный Браун.

Его голос задрожал, на лице появилось сложное выражение: сочетание боли, тоски, удивления и надежды.

— Иди же сюда, дитя, — сказал он Эйве.

Назад пути не было. Настал момент развязки. Мейкон довел дочь до центра сцены, где ждали Преподобный Браун и семейство Уильямс. Все глаза, фотоаппараты, телекамеры и сотовые телефоны направлены были на Эйву. Люди по всему миру прилипли к экранам телевизоров и компьютеров.

Преподобный Браун, все еще держа больного мальчика на руках, подал знак хору. Грянул гимн. Слова его

звучали для Эйвы, как гортанные стоны вперемешку с дикими завываниями. Сердце гулко стучало, ноги сделались ватными, но Мейкон, не отходивший ни на шаг, поддержал готовую уже упасть дочь.

— Все будет хорошо, — твердил он.

— Приветствуем тебя, дитя! — воскликнул Преподобный Браун.

— Здрасьте, — пискнула Эйва.

— Аминь! — заорал кто-то в зале.

— Ты понимаешь, зачем ты здесь?

— Да.

— Этому ребенку нужна твоя помощь...

— Аминь! Аминь! — вновь заголосили в толпе.

Мальчик посмотрел на Эйву. Чем-то он напоминал ей Уоша.

— Эндрю страдает от заболевания, называемого АТРО. Это злокачественная опухоль мозга.

Мейкон выпустил руку дочери, словно бумажный кораблик в бурный поток. Она приблизилась к мальчику. Его родители скептически-тоскливо смотрели на нее, будто боялись и одновременно надеялись, хватаясь за последнюю соломинку.

— Ты справишься, — подбодрил Эйву Преподобный Браун, кладя ладонь ей на плечо.

Эйва взяла Эндрю за руку. Его ладонь оказалась холодной и липкой. Мальчик вздрогнул, как будто испугался, что Эйва его укусит.

— Как это работает? — спросил он.

— Сама толком не понимаю, — призналась Эйва.

В голове возникли слова, которые ей нужно было произнести. Она должна была это сделать, но боялась. Эйва смотрела в глаза Эндрю, зная, что взгляды всех собравшихся, взгляды всего мира прикованы сейчас к ней. От этого становилось еще тяжелее.

Она оглянулась на отца, словно предупреждая его о том, что сейчас произойдет. Тот не шевелился, зачарованно глядя на дочь. Потом начал меняться в лице, поняв, что она собирается сделать. Мейкон открыл уже было рот, но тут Преподобный сказал:

— Не волнуйся, Эйва. — Браун опустил на колени и успокаивающе накрыл своей ладонью руки детей, точно связав их неразрывными узами. — У тебя все получится. Просто делай то, что ты не раз уже делала.

242

Все смотрели на Эйву и ждали затаив дыхание. Кто-кто безмолвно плакал, другие в нетерпении переступали с ноги на ногу. Никто не кричал, никто не делал ничего, что могло бы нарушить торжественное волшебство этого мига. Люди терпеливо ждали под хрипы динамиков, передающих лишь фоновое шипение аппаратуры. Каждый хотел слышать, что скажет во время излечения Эйва, или выздоровевший мальчик, или родители ребенка, или сам Преподобный. Тишина стеклянным колпаком накрыла собравшихся. Он разлетелся вдребезги.

— Нет, — сказала Эйва, глядя в глаза Эндрю, по ее щекам текли слезы. — Прости, но я этого делать не буду.

Микрофон подхватил ее голос, неимоверно усилил, и окрестные горы откликнулись эхом.

— Не будет она, видите ли, этого делать! Отказалась наотрез. Вот и все, чего мы добились!

Преподобный Браун метался по кабинету Мейкона, на его скулах проступили желваки.

— Да успокойтесь вы, — посоветовал Мейкон.

Он выглянул в окно из-за жалюзи и тут же нарвался на фотовспышки. И прежде ситуация была неважной, а после публичного отказа Эйвы исцелить мальчика все стало из рук вон плохо.

— Но почему? — продолжал бубнить Преподобный. — Хотя, с другой стороны, какая разница «почему» или «отчего»? Теперь это уже неважно. — Он наконец остановился, механически двигая челюстями, будто разгрызал свой гнев на кусочки.

— Ну и как, помогает? — спросил Мейкон, плотно закрывая жалюзи и отходя от окна.

— Что помогает?

— Да вот это ваше клацанье челюстями? — Мейкон указал глазами на лицо Преподобного. — Удастся сдержать злость?

— Прекрасно помогает, — холодно ответил Браун, глядя на Мейкона, глубоко вдохнул, медленно выдохнул и, не без труда, прекратил скрежетать зубами. — Ладно, где она?

— Она в безопасности. Пока репортеры гонялись за нашей машиной, они с Кармен и Уошем уехали. Беременность Кармен протекает нелегко, поэтому ей будет лучше остаться пока в доме доктора Арнольда. Мы все проживем у него какое-то время. Думаю, сейчас они уже там.

Одобрительно кивнув, Преподобный Браун присел к столу Мейкона.

— Давайте поговорим. Еще не все потеряно.

— Что до меня, то я вообще ничего не терял, — ответил Мейкон.

— Вы бредите.

— Я чувствую себя так, будто чудом избежал пули. Сомневаюсь, что мне когда-либо захочется опять ввязываться в подобное. Вернее всего, она просто не может больше такого сделать. Наверное, ее дар ушел так же, как пришел.

— Типа парада планет, да? — расхохотался Преподобный. — Или простуды, подхваченной в самый разгар лета? Эдакое удивительное совпадение, да? — Браун закинул ногу на ногу и сцепил пальцы на колене. — Она сделала свой выбор. И в этом вся суть. Весь проклятый мир это видел. Все слышали, как она сказала «нет», отказываясь помочь мальчику.

— Не все так просто, — попытался возразить Мейкон, продолжавший стоять, в то время как Преподобный сидел. — Что бы там ни было, у Эйвы наверняка имелась на то причина. Серьезная причина. Иначе она бы так не поступила. — Шериф просунул большие пальцы обеих рук за ремень брюк, которые вместе с пиджаком Преподобный купил ему специально для представления.

— Любопытная идея, — хмыкнул тот. — Интересно, может, кто-то посоветовал ей так поступить? Не сам ли любящий отец внушил дочери эту мысль, перед тем как выйти на сцену? Ну, или накануне? Признайтесь, Мейкон, вы ведь давно держали в рукаве этот козырь?

Наверное, убедили девчонку, что, если она умышленно потерпит поражение, вы всегда сможете переметнуться к тому, кто больше заплатит? — При этих словах Браун, уставившись в пол, сардонически усмехнулся. — Поверить не могу, что я не предусмотрел подобного трюка. Сам не понимаю, как я умудрился?

— А вы еще больший параноик, чем мне представлялось. — Мейкон приблизился, но садиться не стал.

Браун обернулся совсем другим человеком, и шерифа это нервировало. Сняв пиджак, он приказал себе быть начеку.

— Бывает, что паранойя — чрезвычайно полезная штука, она может далеко тебя завести. — Преподобный поднял глаза и в упор посмотрел на Мейкона.

— Никто ничего не планировал. Эйва сама хотела вам помочь. Она хотела это сделать.

— Если бы я мог вам верить...

— А в чем, собственно, проблема? Почему бы не поверить, что нечто, заставившее ее так поступить, уже миновало?

— Потому что ЭТО не может миновать, — ответил Преподобный, немного напрягшись. — Все, что мы делаем в этой жизни, — непоправимо, как Божья благодать. Вы мечтаете, чтобы все вернулось на круги своя, верно? Желаете получить назад свой задрипанный городишко, привычное сонное существование? Так вот, этого уже никогда не будет. Лучшее, что можете сделать вы с вашей дочерью и всей вашей семьей, — это взять ситуацию в свои руки прежде, чем она выйдет из-под контроля. Никто больше не поверит, что Эйва на самом

деле ни на что не способна, — существует слишком много доказательств обратного, те же самые видеозаписи. Люди будут ходить к ней, умоляя о помощи или совете. И вам их не остановить.

Преподобный встал, одернул манжеты и сверкнул белозубой улыбкой, без сомнения способной остановить зарождающийся ураган.

— Ну что же, — резюмировал он, — пойду-ка побеседую с журналистами. Попробуем получить второй шанс. Тогда все окончится нормально. А вы отправляйтесь поговорить с дочерью.

— О чем?

246

— О том, о чем следует. Сами придумайте. Нам нужно соблюдать жесткий график. А я пока прессой займусь. И давайте с вами не забывать: как бы вы ни относились ко мне и моей церкви, мы оба в одной лодке.

— Да ничего я ни против вас, ни против вашей церкви не имею, — отмахнулся Мейкон. — Мне просто нужно думать о моей семье, вот и все.

— Тогда выполняйте свою часть договора, неважно, какой ценой, — отрезал Браун. — На вашей дочери лежит огромная ответственность, — Преподобный не удержался и снова клацнул зубами. — Еще раз повторю: огромная ответственность. Каждый из нас должен исполнять свой долг. Ныне, и присно, и во веки веков.

И с этими словами Преподобный покинул кабинет. Выйдя, он как ни в чем не бывало добродушно попрощался с полицейскими, словно и не ругался только что с шерифом.

После его ухода у Мейкона словно гора с плеч свалилась. Он рухнул в кресло, потирая виски. Но как ни старался, ему не удавалось выбросить из головы образ родителей Эндрю после того, как мальчика увели за кулисы и анализы показали, что ничего не изменилось. В ушах так и стояли жалобные причитания матери и рыдания отца, стонавшего, как раненый зверь. В мозгу занозой засела мысль: «А если бы это был мой ребенок?» Шериф все еще слышал слова Преподобного: «На вашей дочери лежит огромная ответственность. Каждый из нас должен исполнять свой долг».

И тут он услышал взрыв.

В тот вечер он, как и все прочие, был на проповеди. Смотрел и ждал, дрожа от предвкушения, когда на сцену выйдет девочка и на глазах у всего мира сотворит чудо. На сей раз сотворит его перед паствой, как только и должны происходить настоящие чудеса. Разве не в это верит его брат?

Сэм благоговейно слушал Исайю, вещавшего о готовности верить, и чувствовал, что понимает все до последнего слова, а это случалось нечасто. Выступая перед камерами, Исайя становился другим, не таким, каким знал его Сэм. Тогда понимать его становилось трудно. Слова брата превращались в бурные реки, за чьими извилинами Сэм не в состоянии был уследить, как ни старался.

Иногда Сэм задавался вопросом: понимал ли он брата прежде, когда был еще молод? Но воспоминания о

юности больше походили на сны. Некие смутные ощущения, порхавшие, словно бабочки, которых никак не удавалось поймать. Новость об Эйве и ее необыкновенной способности подарила ему надежду. На что — он и сам бы не смог сформулировать. Надежда просто проросла в его душе.

Сэм уверился, что девочка сможет все исправить.

Потому что она умеет чинить людей.

И его тоже починит.

Тогда он решил, что нужно устроить еще одно авиашоу. Дать девочке шанс повторить то, что она уже однажды сделала. Шанс стать тем, кем она должна стать, и тогда наверняка Эйва ему поможет. Починит Сэма, чтобы он не висел грузом на шее у брата. Грузом, чрезмерно обременяющим Исайю.

После того случая Сэма практически не оставляли одного, поручив заботам Гэри: высокого, седовласого мужчины. Гэри нравился Сэму, потому что был с ним добр, все понимал, разговаривал о футболе, прислушиваясь к его мнению, чего никто никогда не делал. Гэри никогда не выказывал недовольства, когда Сэму хотелось поболтать. Поэтому, когда Сэм покинул свою спальню на вилле «Эндрюс» и подошел к Гэри, сидящему с газетой за столом в конце коридора, тот не удивился.

— Опять «Редскинз»? — спросил Сэм.

— Как всегда. Не понимаю я всей этой шумихи вокруг них, — ответил Гэри, не оборачиваясь. — Наверное, я слишком стар, — удовлетворенно добавил охранник.

— Я вовсе не хочу этого делать, — сказал ему Сэм, подходя вплотную.

— Чего именно?

— Я просто хочу помочь.

— Все мы такие, — безразлично заметил Гэри, переворачивая страницу. — А тебе кто больше нравится из команд, вышедших в плей-офф?

Сэм промолчал, крепко сжимая в кулаке некий предмет и раздумывая, хватит ли ему храбрости. Ему нравился Гэри, он не хотел причинять боль этому человеку, но некоторые вещи приходится делать.

— Я не уверен...

— Я тоже. В этом межсезонье сплошные обмены да покупки новых игроков. Уже и не упомнишь, кто за какую команду играет. Ты понимаешь, о чем я?

— Кажется, да.

— Ладно, рано или поздно разберемся. Мне-то что? Я же ни за кого не играю, так, физиономия на трибуне. — Гэри помолчал. — Эх, парень, вот если бы ты был там! Уж ты бы им всем показал в этом НФЛ. Стал бы лучшим хавбеком на свете.

— Я...

— Стал бы, стал бы, даже не сомневайся.

— Прости меня, — произнес Сэм.

Гэри наконец-то оторвался от своей газеты и увидел на лице Сэма страдание, отражающее то, что происходило в его душе.

— Что с тобой, Сэмми? Что случилось?

И тут ему на голову обрушился столбик от кровати. Охранник мешком повалился на пол.

— Прости меня, прости, прости, — бормотал Сэм.

Деревяшка выпала у него из рук и покатилась рядом с поверженным телом Гэри. Сэм обыскал его карманы, вытащил коробок спичек (охранник обожал курить сигары) и выскочил из дома, растворившись в городской суете.

Его терзала одна-единственная мысль: он должен помочь. Это слово то и дело всплывало в его мозгу: помочь, помочь... Помочь всем этим людям, собравшимся в Стоун-Темпле, всем тем, кто ждал и в глубине души надеялся, что все, говорившееся о девочке, способной на чудо, — правда. Ведь жизнь такова, что на ее протяжении у людей не раз возникает необходимость в чудесах.

250

Сэм знал, что он мог бы им всем помочь, дать им то, во что они верят.

В тот вечер в Стоун-Темпле обсуждали Эйву, которая отказалась лечить мальчика. Спорили о вере и об ответственности, жаждали откровений.

Сэм знал, что недостаточно умен, чтобы все им объяснить. Исайя, наверное, мог бы это сделать, но не он, Сэм. Ведь Исайя куда умнее, поэтому Сэм так его любил. Из любви к брату Сэм был готов заставить Эйву помогать людям любой ценой. Только так можно было вернуть им веру и тем самым помочь Исайе.

Однажды он видел кое-что в кино и полагал, что вполне справится.

Вот только с проволочной вешалкой оказалось не все так просто: сколько он ни обыскивал мусорные баки, ему никак не удавалось ее разыскать, к тому же делать

это приходилось быстро, чтобы не привлекать внимания. Тогда он нырнул в подворотню позади какого-то здания и принялся размышлять. Времени это заняло немало, но в итоге он сообразил. Порывшись в небольшом баке тут же в подворотне, Сэм нашел кусок электропровода по локоть длиной и решил, что этого хватит.

Стопроцентной гарантии, конечно, не было, но он чувствовал себя вполне уверенно и даже гордился собой.

Выйдя из переулка, Сэм обнаружил, что людей в центре еще прибавилось. Все столпились вокруг какого-то человека неподалеку от шатра Исайи. Человек, видимо, был важным или знаменитым, поскольку со всех сторон окружен был репортерами и зеваками, следовавшими за ним по пятам. Все они шумели и вытягивали вверх руки с телефонами.

251

Сэм не знал, кто это был, но этот тип оказал ему огромную услугу, собрав вокруг себя всю толпу. Можно было без помех подобраться к служебному фургончику, припаркованному у площади.

Не глядя по сторонам, он отвинтил крышку бензобака, рванул полу своей рубахи, оторвав лоскут, привязал его к концу провода и попытался засунуть все это в бензобак. Слишком гибкий провод никак не лез.

Однако Сэм не растерялся. Осмотревшись, он обнаружил неподалеку тонкую ветку, с помощью которой и пропихнул провод с лоскутом внутрь бака. Потом вытянул из бензобака пропитанный бензином конец лоскута. Торопливо вытащил из кармана коробок спичек и поджег торчащую тряпку.

В кино машина сперва взлетела вверх и лишь затем взорвалась. Вполне можно было успеть убежать. Однако за доли секунды, прошедшие между взрывом и смертью, Сэм об этом даже не вспомнил.

Как не вспомнил он ни своего детства в Джорджии, ни того, как он ходил хвостиком за старшим братом Исайей. Ни того, как они вместе валялись на крыше сарая, мечтая, кем станут, когда вырастут: Сэм собирался сделаться великим футболистом, Исайя — ветеринаром. Деньги, которые младший заработал бы футбольной игрой, пошли бы в том числе на ветеринарную клинику брата. Вместе они должны были покорить мир, превратив его в то, что им по душе.

252

Не вспомнил вечно пьяного, орущего на них отца, любителя поколачивать детей и жену. Они с Исайей защищали маму и друг друга, когда отец возвращался домой, одержимый ненавистью ко всему свету. Не вспомнил он и как отец умер, а Исайя, вместо того, чтобы поступить в колледж, пошел работать, чтобы помочь матери. О надежде, какую они возлагали на футбольную карьеру Сэма, которая помогла бы им пробиться в жизни, получив награду за долгие страдания.

Также не вспомнил Сэм аварию, воду, сомкнувшуюся над его головой и утопившую мальчишеские мечты. Не вспомнил, как его брат сделался священником, как умерла мать и как успех и богатство пришли наконец в их семью.

Единственное, что он помнил в этот последний миг между жизнью и тем, что случается после, — это голос Исайи, звучавший, словно колыбельная:

- Я позабочусь о тебе, Сэм.
- Почему?
- Потому что так поступают старшие братья.
- Однажды я верну тебе долг, брат.
- Любовь не требует возвращать долги.
- Когда-нибудь я все-все исправлю, — пообещал Сэм.

Эти слова не утихали в голове Сэма до тех пор, пока не захлестнули его, подобно приливу, смыв с лица земли туда, откуда нет возврата.

Были грохот и огненная вспышка. Для одних наступил конец, другие отделались звоном в ушах и оторопью от вида пылающего шара, поднимавшегося в ночное небо. Для обитателей дома доктора Арнольда это прозвучало, как фейерверк или отдаленный раскат грома. Однако затем дом сотрясла ударная волна, совсем как тогда, когда несколько лет назад в старой шахте взорвался динамит.

В тот момент Кармен склонилась над унитазом. Ее скрутил очередной приступ рвоты, на сей раз злее, чем прежде.

— Что это? — закричала она.

— А пес его знает, — откликнулась Бренда, появляясь в дверях ванной. — Может, Советы все-таки нас атаковали? — Она покосилась на унитаз.

— Я в порядке, — соврала Кармен.

Она сама не понимала, что это с ней творится. Неужели начались схватки?

— Наверное, там что-то случилось, — предположила она. — По-моему, это был взрыв.

— Ты уверена, что с тобой все нормально? — спросила Бренда, кладя руку ей на плечо. — Господи, девочка, да что с тобой такое?

Кармен, бледная и дрожащая, вновь скрючилась над унитазом.

— Эй! Кто-нибудь! Позовите доктора Арнольда! — закричала Бренда.

В ванную вбежали Эйва с Уошем. Они хотели поговорить о взрыве, а вместо того нарвались на Кармен, стоявшую на коленях и в слезах повторявшую:

— Я в полном порядке... в порядке...

Эйва опрометью бросилась за доктором, Уош остался с бабушкой.

254

— Все будет хорошо, — произнесла Бренда.

— Может, это не взрыв, а авария? — предположила Кармен. — Хоть бы с Мейконом ничего не случилось.

— Ну, в последнем я абсолютно уверена, — отрезала Бренда. — А теперь заткнись и позволь отвести тебя в постель. Подсоби-ка, Уош!

Вдвоем они помогли дрожащей Кармен подняться. Оказавшись на ногах, она тут же схватилась за живот. На полу была лужа.

— Нет, — прошептала Кармен. — Только не это, еще рано, слишком рано. Вот и в первый раз все так же началось...

— Тише, тише, — успокаивала ее Бренда, пока они с Уошем вели Кармен в спальню.

Женщина упиралась, словно не хотела покоряться страшной судьбе.

— Сейчас придет доктор Арнольд, и все будет хорошо. — Бренда присела на край кровати и сжала руку Кармен.

И тут началась новая схватка.

— Все будет хорошо, это я тебе говорю, — повторяла Бренда, — все будет хорошо.

— Побегу поищу, где там Эйва с доктором Арнольдом, — попятился к дверям Уош.

— Давай, — не оборачиваясь, разрешила Бренда.

— А где Эйва? — спросила Кармен. — Она ведь поможет мне, если что?

В коридоре Уош столкнулся с доктором Арнольдом и его женой. Они почти бежали, доктор на ходу засучивал рукава сорочки, встревоженная Долорес семенила за ним по пятам. Доктор Арнольд чуть не сбил с ног Уоша, сделав ему знак, чтобы убирался прочь.

— А где Эйва? — вякнул им вслед Уош.

Ее нигде не было видно. Уош двинулся по коридору, все ускоряя шаг. С улицы доносились вопли, где-то в глубине дома раздались звонки. Арнольды были единственными знакомыми Уоша, имевшими домашний телефон. При всем ужасе ситуации, он не без удовольствия прислушался к густому басу его звонка. Хотя звонок этот означал, что стряслась беда.

В окне у подножия лестницы Уош заметил зарево над центром города, напоминавшее рассвет. Но, судя по всему, происшествие затронуло только несколько улиц. Репортеров, прежде слонявшихся у дома, как ветром сдуло. У мальчика внутри все сжалось: если эта свора убралась отсюда — значит, случилось что-то действительно ужасное.

— Эйва! — позвал он, поднявшись по лестнице наверх.

Из спальни Эйвы слышался звук шагов, будто там бегали взад-вперед.

— Эйва!

Войдя в комнату, он увидел, что девочка лихорадочно запихивает свою одежду в сумку.

— Я уйду и хочу, чтобы ты пошел со мной. Немедленно.

Этажом ниже Кармен лежала на кровати. Боль не утихала.

— Пожалуйста, помогите мне перенести это, — попросила она во время осмотра. — Просто пообещайте, что с моим ребенком и со мной все будет в порядке.

256

Она легла на бок, стиснув руками живот, и закрыла глаза.

— Все будет хорошо, — повторил доктор Арнольд присказку Бренды.

Кармен шепотом молилась за своего ребенка, а разыгравшееся воображение то и дело подсовывало ей картинку: яркое солнце освещает две детские могилки, у которых стоит она — одна-одинешенька, — рядом нет ни Мейкона, ни первого ее мужа, никого. Есть только Кармен и могилы двоих детей, которым она не смогла дать жизнь.

Этот образ витал над ней словно призрак.

Потом она вообразила себя на кровати с пистолетом Мейкона в руке и явственно ощутила в пальцах холодный металл. Кармен всегда завораживала тяжесть ору-

жая, словно возрастающая от осознания того, на что способен этот предмет. Представила, как наставляет пистолет на свой лоб, уже казалось, что ее затягивает в черную дыру ствола. Вдруг стало интересно, успеет ли она увидеть вспышку перед тем, как вылетевшая пуля войдет в голову, унося с собой боль, воспоминания, надежды и самую жизнь. То, что смерть придет быстро и безболезненно, Кармен знала. Не будет ни вспышки, ни даже булавочного укола. Р-раз! — и настанет спасительное ничто, где нет страха, боли и памяти. Кармен увидела Эйву, стоящую перед надгробиями с именами младенцев. Она обвиняюще смотрит на падчерицу и говорит: «Ты могла бы его спасти».

Незаметно для себя она задремала, потом резко вскинулась, ощущая неизвестность и не понимая, сколько времени провела в забытии.

— Эйва! — крикнула она. — Ты где?

— Успокойтесь, — сказал ей доктор Арнольд, помогая Брендe удержать Кармен в постели.

Пот лил с нее градом, простыни пропитались кровью.

Выйдя из комнаты принести воды для Кармен, Бренда глянула в окно и заметила людей. Всего человек семь-восемь, насколько можно было различить в тусклом свете уличных фонарей. Однако следом, похоже, подтягивались новые.

— Долорес! — закричала Бренда. — Быстрей иди сюда!

Долорес торопливо прошаркала к входной двери.

— Господи, Бренда! Что еще случилось? Зачем ты меня звала?

Бренда молча показала на окно. Люди уже шли по газону к дому. Некоторые, похоже, были ранены. За ними приближались другие. У пожарных Стоун-Темпла имелась только одна карета «Скорой помощи», а из окрестных городков добираться было около получаса, да и то по относительно пустым дорогам, какими они и были до появления «чудо-ребенка». Так что раненые — а за ними зеваки — отправились пешком туда, где были врач и девочка, обладающая даром исцелять.

— О боже! Пойду скажу мужу.

— Думаю, Долорес, они пришли вовсе не к нему.

258

— Разумеется, к нему. К кому же еще? — возразила та, открывая дверь. — Входите! — закричала она, беспорядочно размахивая руками. — Входите, мы о вас позаботимся, я сейчас сбегаю за мужем. Мы окажем вам первую помощь.

— Эйва здесь? — спросил кто-то.

— Что? — переспросила Долорес, от изумления прекратив размахивать руками.

— Я же тебе говорила, — пробормотала Бренда, пятясь назад. — Закрой-ка ты лучше дверь.

— Нет, я этого не сделаю, — твердо ответила Долорес, поворачиваясь к толпе. — Да-да, Эйва у нас, хотя я не понимаю, зачем вам эта девочка. Вам всем требуется медицинская помощь. Я — медсестра, мой муж — врач, а что может сделать ребенок?

— Немедленно закрой дверь, — прошипела Бренда, отступая к лестнице на второй этаж. Она прислушалась, что там у Эйвы с Уошем, но наверху было тихо.

— Да ничего страшного... — пискнула Долорес.

Из центра города доносился гул пожара, мелькали сполохи проблесковых маячков пожарных машин, кричали люди. Вероятно, один из голосов принадлежал Мейкону. От толпы перед домом отделилась женщина с ребенком на руках:

— Пожалуйста, вы должны что-то сделать.

— Господи, да входите же скорее! — воскликнула Долорес.

— Нет, не вы, — покачала головой женщина, — нам не нужно докторов, нам нужна та девочка. Эйва.

— Эйва ничем не может вам помочь, — сказала Бренда, подходя к двери. — В доме есть врач и медсестра, которые исполнят свой долг. Входите.

— Да-да, — закивала Долорес, — вашему мальчику требуется медицинская помощь.

— А я хочу, чтобы ему помогла Эйва! — закричала женщина. — Чтобы она его излечила. Она единственная, кто сможет.

— Эйва не в состоянии помочь всем, — попыталась урезонить людей Бренда, отчетливо понимая, что они ее не слушают.

— Пусть она поможет моему сыну!

— Мы отправим его в госпиталь, и как можно скорее, — ответила Долорес. — Мой муж сделает все, что только в его силах.

— Не хочу я ни в какой госпиталь! Я хочу, чтобы моему ребенку помогли!

— Эйва не может ему помочь, — повторила Бренда.

— А вы кто такая, чтобы за нее решать? — Из толпы выдвинулся мужчина и встал рядом с женщиной, державшей ребенка. — Какое право вы имеете нам указывать?

— Уймись лучше, — предложила ему Бренда.

— Нам требуется помощь! — завопил кто-то. — Она обязана помочь.

— Сейчас мы все уладим, — над толпой загремел голос Преподобного Брауна.

260 Люди на лужайке расступились, давая ему дорогу. Появление проповедника несколько отрезвило их, даже испугало, но спокойствие продлилось недолго, почти сразу же вновь вспыхнула ссора. Мужчина, стоявший впереди, рванул мимо Бренды и Долорес в дом, вопя:

— Где она? Где?

— Убирайся к черту отсюда! — крикнула в ответ Бренда, бросившись вдогонку за нарушителем, который уже бегал от комнаты к комнате, открывая двери и выкрикивая имя Эйвы. — Вам всем окажут необходимую помощь, но девочка тут ни при чем! — Бренда встала у подножия лестницы, преградив путь, твердая, как скала.

Обыскав первый этаж, мужчина задумчиво уставился на нее.

— Она наверху, — наконец сообразил он что к чему.

— И черта с два ты туда пойдешь! — рывкнула Бренда, воинственно сжимая кулаки.

— Прекратите немедленно! — всплеснула руками Долорес; всегда слаонервная, в подобной ситуации она и вовсе потеряла душевное равновесие. — Мы с мужем о вас позаботимся, а если это будет вне нашей компетенции, сделаем все, чтобы вы поскорее оказались в больнице.

Бренда и нарушитель продолжали сверлить друг друга глазами. Мужчина наступал на пожилую женщину. Бренда была высока, но он был выше и смотрел злыми глазами.

— Убирайся с дороги, — прорычал он.

— Тебе придется меня убить. А даже Господь Всемогущий не сумел пока этого сделать.

Томительно тянулись секунды. Мужчина не собирался отступить, в упор глядя на рыжеволосую фурию. Но Бренда стояла недвижимо, словно окрестные горы, и он дрогнул. Развернувшись, мужчина быстро покинул дом. Бренда тяжело опустилась на ступеньку. В двери начали входить пострадавшие, и Долорес с доктором Арнольдом взялись за дело.

Бренда решила, что будет защищать детей, чего бы ей это ни стоило. Однако когда она отправилась наверх, то обнаружила, что комнаты пусты. Эйва с Уошем были уже мили за полторы от дома. Выпрыгнув в окно, они прошмыгнули в щель между домами и исчезли в ночном безмолвии.

В тот день они проснулись еще до рассвета. Мать приготовила завтрак, хотя завтракать было слишком рано. Глаза у Эйвы слипались, но в воздухе плыли такие уютные ароматы какао и свежих оладий, слышалось тихое бормотание телевизора в гостиной.

— Скоро рассвет? — спросила Эйва.

— Примерно через час, — ответила Хизер. — Но надо поторопиться, нам еще на гору лезть. Так что давай не мешкай с завтраком.

Наскоро подзаправившись и распространяя вокруг себя запах кленового сиропа, они вышли из дома в прохладную темноту. Поскрипывали сверчки, ветер совершенно стих, казалось, можно различить, как стучат по листьям капли росы, словно бы деревья выстукивали земле какие-то вопросы.

Шли молча. Хизер захватила небольшой фонарик и светила им под ноги, хотя они давно уже знали эту дорогу наизусть. Эйва держала мать за руку, роса намочила ей штанины и ботинки. Ей нравился запах травы и глинистой почвы, делавшийся все слабее по мере того, как они поднимались в гору.

Повернув к востоку, Хизер привела дочь на небольшую поляну с каменным валуном, с которого открывался вид на весь горный хребет: бархатную ленту чернильного цвета, протянувшуюся под безлунным предутренним небом.

— Присядем, — сказала Хизер и опустилась на каменную плиту, скрестив ноги и глядя на восток.

Сунула руки в карманы просторной куртки и принялась ждать.

— Долго еще? — спросила Эйва, присаживаясь рядом с матерью.

Камень был холодным и влажным. Она поняла, что запомнит его на всю жизнь.

— Уже совсем скоро. Смотри! — Хизер махнула рукой на восток, где темнота стремительно, как показалось Эйве, отступала, и звезды начали бледнеть.

— погоди, смотри сквозь это. — Хизер вытащила из кармана осколок темного стекла.

— Зачем?

— Иначе глазки испортишь. Это ведь солнце, малыш.

На востоке вспыхнул огонь. За деревьями разгорался ослепительный факел, быстро превращаясь в колонну света. Свет этот набухал, раздувался и вскоре стал совершенно круглым. Посмотрев на мать, глядящую сквозь закопченное стекло, Эйва поступила так же.

— Почему, когда я смотрю сквозь стеклышко, солнышко становится меньше? — спросила она.

— Потому что так и должно выглядеть солнце с большого расстояния.

• Эйва убрала стекло. Солнце тут же сделалось огромным, пылающим огненным шаром, от него стало больно глазам. Но стоило поднести к глазам стекло, оно снова превратилось в десятицентковую монетку.

— Настоящее чудо, — прошептала Эйва.

Некоторое время они следили за тем, как солнце рассеивало мрак на горизонте. Затем надвинулась лунная тень, «отъев» от светила добрую треть. Эйву так и подмигивало глянуть на затмение невооруженным глазом, ей все казалось, что из-за этого закопченного стекла что-то теряется.

— Это взаимправдашняя луна? — спросила она.

— Только ее тень, — пояснила Хизер.

— Она сейчас закроет солнышко?

— Не полностью. Это частичное затмение. Полного тебе придется подождать еще несколько лет.

— И тогда тень луны совсем его закроет?

— Верно.

264

Эйва наблюдала сквозь стекло за танцем луны и солнца. Тень отступала. Словно черная клякса, она медленно уползала прочь. Эйва представила Солнце, Луну и Землю, не подозревая об их размерах и расстояниях. Просто желтый, белый и голубой шары. В ее воображении солнце изменилось, превратившись из огромного и ослепительного в желтую точку, совсем как в закопченном стекле.

Вселенная никак не помещалась в ее голове, хотя малышка старалась изо всех сил.

— Ничто не длится вечно, — произнесла Хизер.

Эйва увидела, что тень полностью сползла с солнца и оно вновь стало таким, как прежде: идеально-круглой желтой монеткой. Девочка убрала стекло, зажмурилась и почувствовала разлитое в воздухе тепло. Когда она открыла глаза, мир вдруг

изменился до неузнаваемости, сделавшись маленьким и огромным одновременно. Перед ней простирался мохнатый зеленый ковер из деревьев и кустов, покрывающих скалы и землю. Казалось, лес дышит.

— Здорово, да? — спросила ее Хизер.

Затмение произошло всего за два дня до того события, которое навечно врезалось в память Эйвы. Ровно через два дня Хизер повесилась.

ВДАЛЕКЕ, НАД ГОРАМИ И ВЕРШИНАМИ ДЕРЕВЬЕВ, высилась радиовышка. Ткнув в том направлении, Эйва объявила, что им туда.

— Почему это? — пропыхтел Уош, который еще не обдумал как следует их побег.

— Доверься мне, — буркнула Эйва и потащила его за собой.

Когда они выбрались из города и добежали до леса, она отдала ему один из своих свитеров. Свитер пах Эйвой, и Уошу понравился этот запах, хотя вряд ли бы он в этом кому-нибудь признался.

— Извини, что не собрали твои вещи, — сказала Эйва. — Все вышло слишком неожиданно.

— Поверить не могу, что мы это сделали, — ответил Уош.

Склонив голову, Эйва упорно шагала вперед, Уош топал следом словно привязанный. Во мраке они пробирались сквозь подлесок так быстро, как могли. Пот заливал Эйве глаза, она часто спотыкалась.

— Может, передохнем? — предложил Уош.

Одежда на Эйве болталась, при том что девочка нарядилась, как кочан капусты. Она таяла прямо на глазах.

— Мы не можем останавливаться, — раздраженно возразила Эйва, но все же вынуждена была остановиться, покачиваясь на ледяном горном ветру.

Она закрыла глаза и, казалось, перестала дышать. Уош не знал, что сделать, чтобы вернуть прежнюю Эйву.

— Но нам нужно отдохнуть, — возразил Уош.

Рядом нашлось поваленное дерево, выглядевшее не слишком трухлявым.

— Иди сюда, посидим немного, — сказал он, опускаясь на ствол, сунул руки в карманы и стал ждать.

Эйва медленно приблизилась и присела рядом.

— Что происходит, Эйва? Скажи, что с тобой происходит?

— А мне интересно, что сейчас происходит в городе, — ответила она, посмотрев назад, но склон горы уже заслонил обзор. — Как ты думаешь, — спросила Эйва, потирая виски, чтобы унять начинающуюся боль, — с папой и Кармен ничего не случилось?

— С твоим отцом точно все будет хорошо, а вот насчет Кармен я не уверен. Не стоило нам ее бросать.

— Наверное, — ответила Эйва, уже собираясь все ему рассказать, но прикусила язык.

• — Может, они ее в больницу отвезут?

Уош встал и точно так же, как только что Эйва, посмотрел в сторону Стоун-Темпла. Он понимал, что города отсюда не разглядеть, они забрались уже слишком

далеко. От дома их отделяли лесистые горные склоны и поспешные — возможно, ошибочные — решения. Но что бы он ни думал об их побеге, не могло быть и речи о том, чтобы оставить Эйву. С самого дня знакомства они находились в неразрывном взаимном притяжении.

Если бы он остался, осталась бы и она, но раз уж она бежала, он бежал тоже.

— Нам пора, — проговорила Эйва.

Она тяжело поднялась, покачнулась, но удержалась на ногах. Сделала несколько глубоких вдохов и выдохов.

— Я в порядке, — с нажимом сказала она, перехватив его взгляд.

Слишком уж он о ней беспокоился и в любой момент мог повернуть назад, что совершенно не входило в ее планы.

— Нас все равно поймают, — буркнул Уош. — Ты же понимаешь, что они не дадут нам вот так просто бежать.

— Понимаю. — Эйва зябко засунула руки поглубже в карманы, ей приходилось изо всех сил стискивать зубы, чтобы они не стучали от холода.

— Зачем же мы тогда бежим?

— Просто доверься мне, Уош.

— Когда это я тебе не доверял?

И они пошли дальше.

Они пробирались по кустам и камням, перелезали через поваленные стволы и всякие непонятные предметы, внезапно появлявшиеся из темноты и так и норовившие подвернуться под ноги. Уош никогда не отличался ловкостью, а сейчас, в темноте, и подавно. Он спотыкался

о камни, оступался на колдобинах — в общем, несладко ему пришлось. Ноги, особенно лодыжки, так и гудели. Сейчас он отчетливо понимал, что многое следовало бы сделать иначе. Например, захватить фонарик. И еды. И теплой одежды побольше. А еще — пойти по другой тропе.

Особенно беспокоило Уоша то, что Эйва шла на север. В горах, окружавших Стоун-Темпл, север был наиболее трудным направлением. Склон горы здесь то внезапно вздымался стеной, то обрывался ущельем. Встречались каменистые осыпи, где, оступившись, можно было сверзнуться прямо на острые выступы. А попадались и гладкие участки, влажные от ночной росы, где легко было поскользнуться и скатиться вниз. Горы не прощали ошибок.

269

К тому же была темная и безлунная ночь. Со временем их глаза привыкли к сумраку, но единственная причина, по которой им удавалось не покалечиться по пути, — оба они уже бывали здесь прежде.

Душу Уоша переполняли страх перед горой, тревога за город и нервная лихорадка побега. Ему нужно было думать о чем-то постороннем, чтобы, как малышу, не схватить Эйву за руку и с воплями не ринуться обратно в город. Однако, куда бы она ни направлялась, больше всего он хотел, чтобы у нее все получилось. Бывают такие моменты, когда один человек должен слепо следовать за другим. Уош это понимал, но все равно боялся.

— Жаль, что я не захватил «Моби Дика», — проворкотал он, игнорируя то обстоятельство, что во-

круг — тьма, на небе нет луны, так что, будь книга у него с собой, он вряд ли рассмотрел бы хоть слово. — Давай тогда поболтаем о чем-нибудь.

— Я хотела бы вернуться в тот дом, — сказала Эйва.

Она ковыляла впереди, в ночной тишине ее усталый голос слышался совершенно отчетливо.

Уош удивился, что Эйва заговорила именно об этом. Сам он не решался даже думать о всяких там домах, поскольку это тут же навевало мысли о тепле и уюте, которые сильно контрастировали с их одиночеством в лесу. Он попытался придумать какую-нибудь шутку, все равно какую, лишь бы немного отвлечься, но ничего путного в голову не приходило.

270

— В какой дом? — спросил он.

— В тот, что сразу за домом Арнольдов. Тот особняк с высоченным забором.

— А, это где ты собиралась скрываться от всего мира? — Уош собирался пошутить, но вышло очень серьезно.

— Ага, — мрачно сказала Эйва. — Впрочем, может быть, всех я прогонять не буду. Например, если ты обещаешь не тащить с собой ту чертову книжонку (сам знаешь, о чем я), то так уж и быть, впусти тебя. Только ты и я. И больше никого.

— Я тебе быстро надоем.

— Ни за что!

— К тому же я обязательно захвачу ту книгу. Так что смирись.

— Придурок.

— И потом, откуда тебе, собственно, знать, что ты от меня не устанешь?

— Оттуда. В конечном счете, есть только ты и я. — Эйва все еще злилась, но разговор помогал ей забыть об усталости.

— Как Беовульф и Виглаф?

— Как Люси и Рики.

— Ладно, — улыбнулся Уош, — думаю, я это как-нибудь переживу.

Довольно долго шли молча, тупо переставляя ноги. Внезапно Эйва опять начала задыхаться, и им пришлось остановиться. Тропинка уходила в темноту. Тишину нарушали только шелест ветра, их прерывистое дыхание и гулкий стук сердец. Оба они мучительно искали какую-нибудь тему для разговора, чтобы разогнать гнетущую тишину, но говорить было не о чем. Они так и стояли в полном молчании, словно скованные одной цепью. Казалось, все вокруг наполнилось дурными предзнаменованиями, дышало мрачным величием и страшными приключениями, а каждый убегающий миг был словно последний вздох.

Уош припомнил, что видел подобное в кино. Перед тем как расстаться навеки, парень с девушкой были вместе, совсем одни, не подозревая о том, что истекают последние мгновения счастья. В будущем все станет только хуже и труднее, жизнь расплзется на клочки прямо в их руках.

Откуда-то Уош знал, что сейчас — именно такой миг. Вот только знала ли об этом Эйва?

И тогда она его поцеловала. Неумелый поцелуй, какими бывают все первые поцелуи, но чем дальше, тем

лучше у них выходило. Весь мир исчез, осталась только она. Поцелуй заставил Уоша почувствовать себя собой и одновременно — свое одиночество.

Перед его внутренним взором промелькнули все возможные варианты развития событий. Даже голова закружилась от замешательства, когда он почувствовал губы Эйвы на своих. Уош увидел, как они вместе живут и вместе погибают ужасной смертью. Он не мог понять, куда Эйва его тащит. Было совершенно ясно, что шериф с Преподобным не дадут им скрыться, на поиски будет поднят весь город.

— Нам пора идти, — сказал он, отстраняясь.

Когда Уош, открыв глаза, взглянул на Эйву, ему показалось, что на ее верхней губе в лунном свете блеснула кровь.

— Да, пора, — ответила она и шмыгнула носом.

— У тебя кровь?

— Пошли давай.

Уош схватил Эйву за руки, притянул поближе и вытер кровь своей курткой.

— Извини, платка не захватил, — сказал он.

— Да все нормально, папочка, — ответила она, улыбнувшись.

— Кровь уже почти остановилась.

— Сама знаю.

— Эйва пропала, — раздался голос Бренды в трубке.

Мейкон почти не слышал ее из-за окружающего гвалта. Гудел пожар, вопили плачущие люди, кто-то отдавал приказы, требовал помощи, выкрикивали чьи-то

имена... И посреди всего этого бедлама и треска помех в телефоне вдруг Бренда сообщает, что его дочь пропала.

— Что ты несешь, Бренда?

— Куда-нибудь удрала, — обычным своим спокойно-меланхоличным тоном пояснила та. — Нет ни ее, ни Уоша. Сюда заявила толпа раненых, требовали, чтобы им помогала именно Эйва, а не какой-то там доктор Арнольд. Пришлось мне устроить им головомойку. Короче, когда я потом пошла посмотреть, как там наши дети, их и след простыл. Выскользнули небось через черный ход во время суматохи.

— Господи, Бренда! — Шериф беспомощно огляделся вокруг, словно пытаясь обнаружить дочь. — Куда же они пошли? И почему ты за ними не уследила? Сколько времени прошло? — Он сыпал вопросами, не давая ей времени ответить. — Ты сейчас их ищешь. да? Где конкретно находишься? Скажи мне, я сейчас приеду.

273

— Я в доме у Арнольдов.

— Что? Почему ты до сих пор там? — рявкнул Мейкон.

— Делаю все, чтобы помочь твоей жене, — ровным голосом произнесла Бренда.

Ее слова набатом прозвучали в голове у Мейкона. Шериф так и застыл, охваченный ужасом.

— Что с Кармен? — с трудом выговорил он.

— Преждевременные роды. Док говорит, надо срочно отправить ее в Эшвилль. Так что мы уже выезжаем. Не знаю, как там сейчас на дороге, но нас будут сопро-

вождать двое полисменов. Надеюсь, у них получится расчистить путь.

— Передай трубку Кармен, — попросил шериф.

Послышался приглушенный бубнеж, и дрожащий голос Кармен произнес:

— Мейкон, это ты? — Она закашлялась. — Прости, сама не понимаю, как так вышло с Эйвой и Уошем.

По тону было ясно, что она старается скрыть, насколько плохо себя чувствует.

— Я найду их, — заверил шериф. — Ты-то как?

Он рассеянно обошел оказавшуюся рядом скамейку и сел. Все, творящееся вокруг, крики, беготня и прочее, все пропало. Для него осталась только Кармен.

274

— Мне вдруг стало хуже, — ответила Кармен, чуть не плача, и издала горловой звук, стараясь сдержать рыдания. — Иди ищи Эйву. Со мной... с нами все будет в порядке. Я справлюсь.

— Я сейчас приеду.

— Не дури. Ты должен найти Эйву и Уоша, сам же прекрасно знаешь. Нельзя, чтобы они бродили где-то совсем одни. Страшно даже представить, что случится, если кто-нибудь отыщет их раньше тебя. — Из трубки снова раздался кашель. — Какое-то безумие! К тому же, пока ты сюда доберешься, мы уже будем на полпути в больницу. Ребенок вот-вот родится. Я очень боюсь, Мейкон.

— Понимаю.

Мейкон взглянул в ту сторону, где находился дом Арнольдов. Дома шериф, разумеется, видеть не мог, но

ясно представил его там, всего в нескольких кварталах: высокий, старый, ждущий его. Но как же быть с Эйвой и Уошем?

— Я тоже очень боюсь, — добавил он.

Кармен застонала, в трубке послышался какой-то гомон.

— Кармен! — закричал шериф. — Кармен, ты здесь?

— Мейкон? — произнес голос Бренды.

— Бренда, что там у вас происходит?

— Ничего, мы уезжаем, — ответила она явно на ходу. — В больницу. Я там останусь с Кармен и позабочусь о ней.

— Спасибо.

Он чувствовал себя совершенно беспомощным, совсем как тогда, на авиашоу, когда не мог дотянуться до Эйвы с Уошем и вытащить их. Или как тогда, когда Эйва потеряла сознание, исцелив мальчика. Мир сцапал его, подчинил себе их жизнь, заставил принимать одно сомнительное решение за другим в тщетной надежде оттянуть неизбежное: момент, когда у него отнимут дочь. Врачи, церковь или другие люди, жаждущие, чтобы она принадлежала им всем и выполняла их желания.

Он почувствовал себя так же, как в тот день, когда, вернувшись домой, обнаружил, что его жена свисает со стропил сарая, а дочь, будто безнадежно сломанная кукла, стоит рядом на коленях и плачет.

— Позаботься о ней, Бренда. Я разыщу детей, — только и смог выдать из себя Мейкон.

Поисковые отряды шли из Стоун-Темпла великой ордой. Людям не было числа: горожане, прихожане церкви Брауна, охотники за «жареными» фактами, какие-то мутные типы, любопытные зеваки, те, кто на что-то надеялся, и те, кто действительно беспокоился за судьбу двоих детей, потерявшихся в наступившем хаосе. Люди не понимали, что они сами здесь чужие, не знают местности и опасностей, подстерегающих в горах, где, как они думали, бродят дети. Все, что их заботило, — это найти детей.

276

Поняв, что он — единственный, кто сможет справиться с этим бурным потоком, Мейкон потребовал, чтобы с каждой поисковой группой отправился кто-нибудь из местных. Так, по крайней мере, у всех были бы провожатые и можно было надеяться, что утром не придется начинать поиски самих спасателей, заблудившихся в скалах, чащах, зарослях папоротников или в глубоких ущельях.

Местность к северу от города была довольно опасной, и шерифу вовсе не улыбалось, чтобы незнакомые с горами люди бродили там в темноте. Трагедия в таких обстоятельствах была бы практически неизбежна, поэтому он отправил большинство самодеятельных спасателей на юг. Там склоны были более пологими, и до цивилизации, случись что, рукой подать. Если дети решили добраться в другой город на автобусе или автостопом, южное направление было наиболее многообещающим. Мейкон не знал, почему они убежали. Конечно, оставалась вероятность, что их кто-то похитил, но в это шерифу не верилось.

Сам он сосредоточился на коварных северных лесах. Нутром чувствовал, что дочь надо искать именно там. Эйва всегда отличалась ослиным упрямством, и если она вбила себе в голову, что ей нужно убежать, ничто ее не остановит. Но она была больна, причем куда серьезнее, чем хотелось признавать Мейкону. По сути, Эйва угасала. С каждым новым исцелением жизнь по капле уходила из нее. И во все это ее втянул он, Мейкон.

Эта мысль постоянно преследовала шерифа. Невидящими глазами смотрел он на зарево. Нужно было тушить огонь, заниматься пострадавшими. Помощь от штата еще не прибыла. Пожарные Стоун-Темпла делали все возможное, но их было слишком мало. К тому же бригада состояла по большей части из стариков, которым недоставало сил справиться с обширным пожаром: изнанка жизни в маленьком городке, где драка на барбекю — уже чрезвычайное происшествие. А когда им на самом деле потребовалась помощь, ее черта с два дождешься.

— Мейкон! — заорал кто-то. — Шериф!

К нему трусил Преподобный Браун: в грязной одежде, потное лицо искажено гримасой тревоги.

— Вы Сэма не видели? — спросил Преподобный, натужно дыша и жуя, по своему обыкновению, челюстями. — Неужели не видели? Человек, который должен был за ним присматривать, найден без сознания. Похоже, Сэм чем-то его огрел и удрал. Так вы нигде его не видели?

— Нет, — ответил Мейкон. — Ничего, найдем. Он где-то здесь, мы обязательно его отыщем.

— Вы не понимаете, он ведь собирался помочь. Помочь мне, — проблеял Браун.

— Господи Иисусе, — пробормотал Мейкон, сообразив, на что может намекать Преподобный.

— Не хочу этому верить. — Тот схватился за полуопущенное стекло дверцы машины.

Пальцы даже побелели, с такой силой он сжимал стекло. Будто пытался удержать лодку, уносимую океаном.

— Сохраняйте спокойствие, Преподобный, — посоветовал Мейкон. — Найдем мы вашего брата. Однако сначала я должен разыскать Эйву. Они с Уошем пропали.

— Пропали?

278

— Сбежали, насколько мне известно.

— Куда? — спросил Браун, в чей голос начала возвращаться твердость. — Я сейчас же соберу своих людей, и мы отправимся на поиски.

— Лучше брата ищите, а детей я сам найду.

Горный хребет вывел их прямо к хижине Рутгера, прячущейся в густом сосновом бору на склоне горы. Потаенная и давно заброшенная хижина, как ни странно, казалась жилой. Окружавший ее сад сильно зарос, однако не выглядел непроходимым. Похоже, за домом приглядывали.

В пень рядом с небольшой поленницей воткнул был ржавый топор, указывавший топоричем в небо. Тут же к дереву был прислонен проржавевший плуг, брошенный, похоже, много лет назад. С ветки другого свисали

силки. Уош дернул их, проходя мимо. Эйва же уверенно пересекла двор, даже не взглянув на предметы, так очаровавшие Уоша.

Ему хотелось взять ее за руку, чтобы они вошли в дом, как настоящие влюбленные, но от одной мысли об этом его словно током ударило. В груди все сжалось, в голове зазвучали сразу тысячи песен: бесконечная карусель звонких слов и крещендо мелодий. Его слегка замутило, желудок свело так, словно Уош не ел сто лет.

Наверное, это и есть любовь?

У входа в хижину буйно разрослась мята, забившая хилые побеги шалфея и тимьяна, еле-еле просовывавшие веточки из ее густой листвы. Аромат стоял сногшибательный. Уош зажмурился и глубоко вдохнул, представляя, каким стал бы мир, если бы растянуть это волшебное мгновение, погрузить в этот аромат весь свет...

— Уош, смотри под ноги!

Но было поздно: споткнувшись о древесный корень, он растянулся на земле.

— Ты в своем репертуаре, — прыснула Эйва.

Он встал, отряхнулся и потопал за ней. Подойдя к двери, она немедля ее открыла.

— А постучаться? — встрял Уош.

— Нет же никого, — хихикнула Эйва.

В хижине пахло пылью и плесенью. Изнутри она казалась еще меньше, чем снаружи: просто четыре стены, кровать, чугунная печь и маленький столик у разбитого окна, весь засыпанный листьями и всяким мусором, нанесенным ветром. В стене, рядом с которой стояла голая

решетка кровати, зиял пролом, через который внутрь мог забраться зверь или подросток. Уош задумался, кто мог проделать эту дыру.

Дом был рассчитан на одиночку, для второго человека места просто не было. В общем, это был такой дом, о котором и мечтала Эйва. Здесь можно было жить в одиночестве и тишине, а еще — держать собак. Уош подумал, что эта идея могла появиться у Эйвы именно в хижине Рутгера. Вот только почему она никогда не рассказывала ему об этом месте?

В печке обнаружилось несколько обгорелых поленьев.

— Нужно принести еще дров, — заметил Уош.

280

— Спичек-то все равно нет, — отозвалась Эйва. — Ох, и замерзла же я!

— Я могу добыть огонь, отец меня научил.

Урок Тома не прошел даром. Так же, как отец, Уош принялся собирать вокруг хижины веточки и всякую сухую всячину, годившуюся на растопку. Дело продвигалось медленно, и он нервничал. Никак не мог отделаться от ощущения, что время не на его стороне. Из хижины то и дело слышался надсадный кашель Эйвы, подстегивавший Уоша.

Сняв рубаху, он сделал из нее подобие мешка, складывая туда все, что попадалось полезного, в том числе — несколько камней. Оставалось только надеяться, что среди них окажутся подходящие и ему удастся высечь искру. Надежда была безумной, тут требовалась невероятная удача. Но Уош и надеялся всем сердцем.

Вернувшись в хижину, он увидел дрожащую Эйву, калачиком свернувшуюся на полу перед печкой. Она открыла глаза, посмотрела на вошедшего Уоша, но, похоже, не узнала и зажмурилась, сжавшись, как испуганный ребенок. Уош вывалил свою добычу на пол и принялся ее исследовать. Деревя на растопку хватало, а вот в камнях он уверен не был. Принялся чиркать, перебирая их различные комбинации, пока, после нескольких неудачных попыток, не высек искру.

— Получилось! — заорал он и оглянулся на Эйву, но та даже не шевельнулась.

Лежала с закрытыми глазами и дышала очень медленно, медленнее, чем он когда-либо видел.

— Получилось ведь, — повторил он сам себе.

Однако для того, чтобы разжечь огонь, времени потребовалось гораздо больше, чем ожидал Уош. Сложить растопку, как показывал отец, было несложно, а вот чтобы поджечь ее искрой от кремней, требовалась скорее немалая удача, нежели умение. Искра за искрой пропадали впустую: растопка не желала заниматься. С каждым ударом камня о камень в душе Уоша росло разочарование. Ко всему, он тоже начал замерзать. Эйва кашлянула, словно напоминая, что поставлено на карту.

Но мальчик не сдавался, и его упорство было вознаграждено.

Над кучкой щепок потянулась вверх тоненькая струйка дыма, Уош затаил дыхание. Это было похоже на зарождение новой жизни. При одной мысли о том, какая угроза над ней нависла, у мальчика затряслись руки. Постаравшись успокоиться, он прикрыл ладонями кро-

хотный огонек, защищая от сквозняка, точь-в-точь как показывал отец, и прошептал тлеющим уголькам:

— Если я потерплю поражение, Эйва умрет.

Склонившись, он принялся осторожно дуть, молясь про себя.

И огонь вспыхнул.

Уошу захотелось во всю мочь завопить и пуститься в пляс. Подхватить Эйву под руки, закружить ее, как это всегда показывают в фильмах. Но он лишь аккуратно поднял с пола пригоршню горящих щепочек и сунул их в печку, куда заранее подложил дров. Радоваться было рано.

282

Следующие несколько минут Уош просидел перед раскрытой дверцей печи, глядя на разгорающееся пламя. Оно трепетало на сквозняке, угрожая потухнуть, и у мальчика то и дело замирало сердце. Однако огонь креп с каждой секундой, пока не превратился в ровно гудящее пламя, полыхающее в чугунном чреве.

— Я сделал это, Эйва! — воскликнул Уош и радостно рассмеялся.

Но она продолжала спать на полу, не подозревая о его удаче. Какое-то время Уош наблюдал, как она спит. Ее дыхание было глубоким и ровным, но дрожь не проходила. Тогда он подошел к Эйве, лег рядом и крепко обнял. Почти сразу же дрожь прекратилась.

— Надеюсь, с тобой все будет хорошо, — пробормотал он куда-то в шею Эйвы.

Она, разумеется, ничего не ответила, но Уош решил, что все делает правильно и с ней все будет в порядке. На этой мысли он заснул.

Под крышей старой хижины, на пыльном полу, под свист ветра, проникавшего сквозь разбитое окно вслед за лунным светом, под уютное потрескивание дров в горячей печи, мальчик обнимал девочку, которую любил, а девочка спала в объятиях мальчика, которого любила. Они остались одни во всем мире.

Бренда сидела на краю койки и держала Кармен за руку. Уходить она отказалась наотрез. До госпиталя они добрались на удивление быстро. Вспомнился день, когда она везла домой Уоша, после того как Эйва его исцелила. Вдоль дороги стояли такие толпы журналистов и зевак, что яблоку негде было упасть. В этот раз все могло быть так же, если не хуже, и они рисковали не довезти Кармен. Но дорога оказалась пустой, им встретилось всего несколько машин: полицейские, кареты «Скорой помощи», фургончики, явно относящиеся к прессе, спешили в Стоун-Темпл, тогда как Кармен с Брендой ехали прочь. Тут им, конечно, повезло, другое дело, что Бренда продолжала беспокоиться за внука.

283

С одной стороны, она считала Уоша достаточно взрослым и разумным, чтобы пережить ночь в горах, а с другой — понимала, что в сложившихся обстоятельствах не все так просто. В горле у нее словно застрял комок, дыхание перехватывало. Бренда держала себя в руках только из-за Кармен. «Хороша ж ты будешь, если сейчас разнюнишься», — говорила она себе.

— О детях еще ничего не известно? — спросила Кармен.

— Мейкон со всем разберется, а тебе сейчас надо о другом думать, — ответила Бренда, не отпуская руку беременной, в то время как ту везли на каталке по коридору.

Тело Кармен терзала режущая боль, пугая ее и мешая сосредоточиться на чем-либо. Она то теряла сознание, то вновь приходила в себя. Помнила, как лежала на кушетке в кабинете доктора Арнольда, а в следующий момент очнулась уже в больнице. Потом вспомнила, как по пути они с Брендой разговаривали о детях, но что именно говорили — утонуло в сером тумане.

284

Она старательно улыбалась медсестрам, бравшим кровь, а потом бегавшим от врача к врачу с результатами анализов. Ей вкололи какое-то лекарство, и все вокруг стало далеким и каким-то ватным. Кармен лежала, схватившись за живот, потя, прерывисто дыша, и думала об Эйве. Ей было жаль девочку, чье существование превратилось в кошмар. У Эйвы не осталось шансов на жизнь обычного ребенка.

Кто-то положил ей руку на плечо. Кармен не заметила, чтобы открывалась дверь. От лекарств все плыло перед глазами.

— Кармен! Кармен, это я, доктор Арнольд, я приехал. Не волнуйтесь, все будет хорошо. Здесь очень опытный акушер. Я много раз обсуждал с ним вашу беременность, он постарается, чтобы все прошло гладко.

Она попыталась разглядеть его лицо и понять, правду ли он говорит. Но оно расплывалось в зыбкой мути. Казалось, что доктор Арнольд находится где-то дале-

ко и расстояние между ними неуклонно увеличивается. На какую-то секунду ей даже померещилось, что это — Мейкон, хотя она точно знала, что муж сейчас занят поиском пропавших детей. Кармен понимала, что именно этим он обязан сейчас заниматься, хотя и злилась на него за это. За то, что бросил ее в такой момент, когда решается, даст ли она жизнь их ребенку или потеряет его. Теперь принимать решения и нести за них ответственность должна была она одна. Кармен обхватила живот руками, как будто защищая еще не родившееся дитя.

— С моим малышом все в порядке? — спросила она и провалилась в сон.

Доктор Арнольд ушел, хотя Кармен продолжала слышать его голос, спрашивавший, где ее муж.

Муж был здесь, только не Мейкон, а Чарльз — первый мужчина, в которого она влюбилась и поверила, что они будут вместе навек. Во сне он был старше, чем ей помнилось, однако выглядел прекрасно, и Кармен возненавидела его за это. А заодно и себя — за то, как екнуло сердце, хотя ненависть была давней, застарелой. Зачем он заявился сейчас, когда она пытается не сдохнуть и родить ребенка, о котором мечтала всю жизнь? О котором когда-то мечтали они вдвоем?

— Я не виновата, — сказала она Чарльзу. — Я сделала все, что была должна.

— Знаю, — мягко и, как всегда, ровным голосом ответил он. Чарльз вообще отличался спокойным темпераментом.

— Мне было бы легче, если бы ты умер. Ты не должен был от меня уходить. Я ни в чем перед тобой не виновата.

— Ты сделала все, что могла, — согласился он.

— Я пыталась тебя удержать.

— Ты меня не отпускала.

— Ты не должен был уходить.

— Ты не должна была меня прогонять...

Затем он исчез. Темнота, обступившая ее, закружилась вихрем. Кармен показалось, что она слышит далекий крик. Тело напряглось. Кармен чего-то ждала, хотя сама не понимала, чего именно. Очень может быть, что она ждала сотворения мира, когда из мрака вырастут горы.

286

Тогда раздался еще один крик. Она не могла разобрат, кричит ли это женщина или мужчина, взрослый или ребенок, девочка или мальчик. Но она вдруг почувствовала, что не одинока, что рядом есть кто-то еще.

— Ты не должен был уходить, — пробормотала она, ни к кому не обращаясь. — Это мне следовало тебя отпустить...

В конце концов пламя было побеждено. Пожарные машины долго поливали горящие обломки, и огонь отступил. Внимание присутствующих сосредоточилось на пострадавших. Вокруг было немало раненых и мертвецов.

Пожарные, городские жители, пришлые и другие «добрые самаритяне» делали все возможное, чтобы помочь. Ходили от тела к телу, перевязывали живых, и все

такое прочее. Сразу же после того, как огонь на площади был потушен, Исайя Браун обнаружил тело Сэма. Оно оказалось сильно изуродованным, но детские черты лица брата сохранились. Каким-то чудом пламя пощадило его. Если бы не кровь, могло показаться, что Сэм спит глубоким сном.

Исайя перенес тело на газон в центре парка. Там, на безопасном удалении от пожара, организован был спасательный штаб, где раненые могли получить первую помощь. Сюда же сносили трупы для опознания. Преподобный накрыл тело Сэма простыней и рухнул рядом на колени. Он не смог уберечь любимого брата. Порывисто откинув простыню, он погладил Сэма по щеке. Кожа уже была серой и холодной, как лед.

— Я сделал все, что мог, Сэмми, — прошептал Исайя.

Ему вспомнились слова из Священного Писания, которые он обычно произносил на похоронах, утешая скорбящих. Но слова эти предназначались живым, а не мертвым. Сэм бы их все равно не услышал. Младший брат перешел *обонпол*¹, чтобы дожидаться старшего там, где они смогут поговорить, где Исайя попросит прощения и Сэм его услышит, поймет и, как надеялся ныне Исайя, примет.

Он склонился и, сдерживая слезы, поцеловал брата в лоб.

— Се творю все новое, — тихо произнес он. — Все можно исправить, Сэмми.

¹ По ту сторону (*прим. ред.*).

Вероятно, он сказал это по привычке. Наверное, несмотря на смерть брата, Преподобный верил, что тот все еще где-то рядом: смотрит, слушает и понимает, насколько Исаяя его любил. А возможно, он сказал это самому себе. Это был его способ отпустить с миром все: того брата, которого он когда-то потерял в аварии, и того, который его заменил. Того, которому он когда-то бросил, тут же об этом пожалев: «Разбитую чашку никогда не сделать целой».

Сэм принял неосторожные слова слишком близко к сердцу и во всем обвинил одного себя.

— Ты всегда оставался целым, Сэмми, — прошептал Исаяя. — Всегда.

288

Весь день Эйва с Уошем играли в разведчиков. Переправлялись через ручьи, лазали по кустам и зарослям шиповника. Большой частью горы владела лесозаготовительная компания, то там, то сям они натыкались на длинные глубокие канавы, полные воды. В каких-то вода была стоялой и мутноватой, а где-то — чистой и журчащей.

Тени деревьев вытянулись. Резко похолодало, с востока надвинулись серые тучи, угрожая вечерним дождем, обычным в это время года. Скоро должны были запеть сверчки.

— Какие планы на завтра? — спросил Уош.

— Пойдем собирать кусачие ягоды?

— Вообще-то, они называются ежевикой.

— А моя мама называет их кусачими ягодами. Она говорит, что мы имеем право называть вещи так, как нам хочется. Ну что?

Уош задумчиво почесал в затылке.

— Даже не знаю. Честно говоря, не тянет.

— Это потому, что в прошлый раз ты свалился прямо в колючки, — рассмеялась Эйва, и Уош покраснел.

Остаток пути они проделали в тишине. Залыпанная грязью одежда твердела с каждым шагом, кожа зудела. Они уже мечтали о том, чтобы дождь хлынул поскорее. Меж тем тучи скребли отвислыми животами вершины гор, но не роняли ни капли.

Добравшись до Петерсоновой развилки, они разошлись каждый в свою сторону и отправились по домам, помахав друг другу на прощанье. Бабушка Уоша жила в северной части города, где горы сильно влияли на быт людей, а корни древних деревьев уходили глубоко в землю. Там дети Стоун-Темпла, поколение за поколением, находили свое место в мире: в тени сосен, можжевельника и белого дуба.

Эйва слышала, что бабушка Уоша владеет участком леса. В городе никак не могли понять, почему она не позволяет лесозаготовительной компании наложить на участок загребущие лапы, ведь за древесину можно было выручить кругленькую сумму. А чего Стоун-Темплу не хватало, так это денег.

Эйва опасливо приближалась к дому. Она перепачкалась, как поросенок, и матери, можно не сомневаться, это не понравится. Однако в комнатах было

пусто и тихо, лишь гудел холодильник да хлопали на ветру занавески.

— Мам! — позвала Эйва, но никто не откликнулся.

На кухонном столе лежало письмо, прочитав которое Эйва кинулась к сараю, где и обнаружила мать, повесившуюся на стропилах. Под ногами ее валялся опрокинутый стул. Стояла тишина, только жужжали пчелы-плотники, грызущие кости деревьев, и едва слышно поскрипывали под весом матери стропила.

УОШ НЕ ЗНАЛ, сколько прошло времени, однако вряд ли он спал долго — огонь в печке еще не потух. Хижина прогрелась и казалась даже уютной, пусть в щели и задувал ветер. От Эйвы пахло потом и сосновой смолой. Он полежал еще подле нее. Сейчас он мог думать лишь о том, как она его поцеловала. Уош не понимал, что ему теперь делать. Закрыв глаза, представил ее мягкие губы, прикасающиеся к его собственным, и холодный ветер, трепавший волосы. Та минута растянулась в часы, которые он мог бы проживать вечно.

291

Но нужно было следить за огнем. Уош попытался поднять руку, которой обнимал Эйву, и обнаружил, что их пальцы переплетены. Она крепко вцепилась в его ладонь.

— Эйва, — тихонько позвал Уош.

— Я не сплю, — хрипло ответила она.

— Хорошо. — Уош облегченно вздохнул. — А то я уже волновался.

— Я ее помню, — произнесла Эйва, выпуская его руку.

— Кого?

— Мою маму. Каждый раз, когда я кому-нибудь помогаю, я вспоминаю какую-нибудь новую деталь. Запах, голос, легкость ее рук... Сама удивляюсь, сколько всего, оказывается, я позабыла. — Она запнулась. — Например, я совсем не помнила ее голос и цвет глаз. Как такое возможно?

Уош был рад, что Эйва лежит к нему спиной, иначе она бы увидела отчаяние в его глазах. Ему хотелось сказать что-нибудь соответствующее моменту, но он так ничего и не придумал. В печи потрескивали дрова.

— Но всего я пока не могу вспомнить, — продолжила Эйва. — Так, какие-то разрозненные обрывки. Пытаюсь заговорить с ней, спросить, почему она это сделала, зачем покончила с собой, но она никогда мне не отвечает. Она как будто играла какую-то роль и не имела права изменить слова. Не могла изменить собственной жизни.

— Мне очень жаль, — пробормотал Уош, ничего лучшего в голову не приходило.

— Да ладно, — ответила Эйва негромко, словно на исповеди. — Я уже свыклась.

В этот момент Уош почувствовал кислую вонь. Приподнявшись, он обнаружил на полу перед Эйвой лужу блевотины, состоящей в основном из крови и желчи.

— Господи боже мой, Эйва! — воскликнул он, вскакивая.

Протянул ей руку, помогая сесть. Она шаталась, как пьяная. Уош помахал рукой у нее перед глазами. Наконец ее взгляд сфокусировался.

— Нужно идти обратно, — сказал он.

— Знаю. Я просто хотела еще немного побыть с тобой. Я хотела...

— Ты не сможешь меня спасти, — произнес Уош так тихо, что Эйва едва сумела его расслышать. — Я, видишь ли, буду поумнее шпица, — пытался бравировать он. — Может, я многого и не знаю, Эйва Кэмпбелл, зато тебя я знаю прекрасно. И догадываюсь, что у тебя на уме. — Уош задержал дыхание, потом медленно продолжил, но теперь в его голосе звучал страх. — Я знаю о лейкемии, хотя вы все считаете, что я не в курсе. Никто не хотел мне говорить, словно надеялись, что болезнь сама рассосется, но я все равно узнал. Слышал, как медсестры болтали между собой, когда еще лежал в больнице. Они думали, что я сплю, но я услышал. Люди вообще не умеют хранить секреты, хотя каждый убежден в обратном. — Он рассеянно обвел глазами хижину. — Наверное, вы пытались мне помочь, делая вид, что ничего не происходит. А я, в свою очередь, помогал вам, притворяясь, что ни о чем не подозреваю. — Он делано рассмеялся. — Глупо, да?

— Уош... — начала Эйва.

— Проехали. — Уош поднял руку, запрещая ей продолжать. — Ничего со мной не случится. Я тут почитал кое-что и пришел к выводу, что у меня есть шанс. Выживших немного, но тем не менее они бывают. Это все равно что повстречать белого кита, понимаешь? Кому-то это удастся. — Он попытался рассмеяться, но вышло не очень. — А ты не можешь меня спасти, Эйва, — мед-

ленно повторил Уош. — Это тебя убьет, мы оба знаем. Я не позволю тебе даже попытаться.

— Ну, ты — это что-то с чем-то, — пробормотала Эйва, вдруг начав опять дрожать.

Уош опустился на пол рядом с ней и обнял ее.

— Ты вон даже себя спасти не можешь, — сказал он. — Ничего, уж я о тебе позабочусь. Буду петь мерзким голосом, читать вслух отвратительные книжки, так что тебе придется выздороветь, хотя бы для того, чтобы заткнуть мне рот. — Он легонько дернул ее за мочку уха, как делала сама Эйва тогда в больнице. — Я всегда буду о тебе заботиться.

294

Внимание Мейкона привлек тусклый огонек. Присмотревшись, он различил маленькую хижину, прилепившуюся на горном уступе. В окошке мерцало, словно свеча на ветру. Подойдя ближе, он увидел сквозь щели в гнилых деревянных стенах силуэт ребенка, сидящего, обхватив коленки, перед печкой, в которой горели дрова. Кто это был, Эйва или Уош, шериф разобрать не мог. Не медля ни секунды, он ворвался в хижину.

— Эйва! — закричал Мейкон, распахивая дверь.

Она устало подняла на него глаза, словно очнулась от глубокого сна.

— Привет, пап, — вяло произнесла Эйва.

Тот одним прыжком подскочил к дочери, принялся обнимать ее и ощупывать, проверяя, не ранена ли она.

— С вами все в порядке? — спросил он, поворачиваясь к Уошу.

— Ага, — кивнул тот.

— О чем ты только думала, Эйва? — произнес шериф, стискивая лицо дочери ладонями. — Тебя же убить могли! Ты это понимаешь?

— Мне нужно было уйти, хоть ненадолго.

— И куда же ты собиралась?

— Никуда. То есть сюда, в эту хижину. Просто хотела побыть вдали от всех.

— Господи, — пробормотал Мейкон, покрепче обнял дочь и чмокнул в макушку. — Тебя же могли... я уже думал, что потерял тебя.

Шериф пристально вглядывался в ее лицо, словно видел впервые. Только теперь он отчетливо заметил, какой она стала: истончившаяся кожа плотно обтягивала кости, под глазами темнели круги, волосы сухие и ломкие.

— Прости, что я втянул тебя во все это, — сказал он. — Вот только бегством ничего не решишь.

— Не хочу туда возвращаться.

— Понимаю. Догадываюсь, что не хочешь. — Он опустился на пол рядом с Эйвой, Уош прикорнул с другой стороны. — Тебе хочется убежать, чтобы весь этот кошмар закончился. Но мы же не можем поселиться здесь, делая вид, что ночные побеги — самое обычное дело. Понимаешь меня? — Мейкон вздохнул, с какой-то неприязнью разглядывая собственные руки. — Мы вернемся, и все станет по-другому.

— Не-а, не станет, — безразлично ответила Эйва, приваливаясь к плечу Уоша. — Они теперь от меня не отцепятся. Никогда.

— Все это не совсем так, — возразил Мейкон, сам себе не веря. — Я найду способ выправить ситуацию, разгоню всех, заставлю их оставить нас в покое. Я все исправлю, и мы будем жить как прежде.

— Эйва больше не будет этого делать. Ни для вас, ни для кого другого, — сказал Уош, твердо глядя в глаза шерифу.

Конечно, он был еще ребенком, да еще росшим на Юге, где детей воспитывают в уважении к взрослым, принуждая их верить, что родители все знают лучше, а дело детей — поступать так, как им велят. Так вот, несмотря на подобное воспитание, Уош решил, что несет ответственность за Эйву, ведь пообещал о ней позаботиться.

296

— Я не позволю, чтобы вы что-нибудь с ней сделали, — добавил мальчик.

— Знаю, что не позволишь, Уош, — согласился Мейкон. — Я и сам никому этого не позволю. Клянусь тебе, теперь все будет по-другому. Как прежде. Конечно, потребуется некоторое время, чтобы все утрясти. Вы правы, люди так просто от нас не отстанут. — Он вздохнул. — Дело в том, Эйва, что ты можешь им помочь, подарить надежду, — неуверенно добавил шериф, глядя на изможденное лицо дочери. — Ты ведь способна на невозможное.

— Она хочет жить обычной жизнью, — возразил Уош.

— И она ее получит.

— Им вечно что-нибудь будет нужно, — сказала Эйва. — Всегда отыщется кто-нибудь, кому потребует-

ся моя помощь, и мне придется раз за разом говорить «нет». Как тогда, на проповеди. Придется смотреть им в глаза. — Эйва замотала головой, вспоминая взгляд Эндрю. — Дело не в том, что я этого не хочу, просто я больше не могу, — закончила она дрожащим голосом.

Мейкон с Уошем судорожно подбирали слова утешения. Им хотелось убедить ее, что не все так страшно, что ситуация со временем может измениться. Но когда они прокручивали в уме вероятные варианты будущего Эйвы, последствия ее дара в жадном до чудес мире выглядели неотвратимыми.

Никогда ей не позволят отдохнуть, пожить нормальной жизнью. К ней вечно будут предъявлять требования, за ней будут охотиться, вырывать из рук в руки.

— Ужасно, — пробормотал Мейкон.

— На самом деле я хочу помогать людям. — Эйва взглянула в лицо отцу. — Если бы я просто уставала или даже заболела после каждого исцеления, это бы еще ничего, я бы справилась. Беда в том, что каждый раз мне вспоминается мама. Каждый раз я вспоминаю что-то новое, давно забытое. На первый взгляд — ничего ужасного, но потом я начинаю думать... Решать: не могла ли ее спасти? Излечить прежде, чем она покончила с собой? Вдруг я могла что-то сделать, но все проворонила? — В глазах Эйвы стояли слезы. — Я все больше уверена, что это была моя вина.

— Нет там никакой твоей вины, — сказал Мейкон, крепко прижимая к себе дочь. — Ни в чем ты не виновата, ни в чем, — повторял он снова и снова то ли Эйве, то ли самому себе.

— Почему она это сделала, папа? — В голосе Эйвы прорвалась болезненная тоска, точившая ее все эти годы, на протяжении которых она пыталась понять, как мать могла добровольно шагнуть во тьму, бросив свою семью.

— Не знаю, — ответил Мейкон, не замечая, что тоже плачет. — Хотел бы я тебе объяснить, но сам ничего не понимаю. Мне кажется, что никто не может до конца понять, почему люди так поступают. Одно скажу: ее поступок не означает, что она тебя не любила. Или что ты что-то там упустила или с чем-то не справилась. Твоей вины тут нет.

Они оба горько плакали. Мейкон баюкал свою дочь, прижимая ее изо всех сил. Ему самому ужасно хотелось поверить, что в смерти жены нет его вины. Все эти годы, так же как Эйва, он нес в душе это бремя. И его бремя было гораздо тяжелее: в ту пору, когда можно было заметить какие-то признаки грядущего несчастья, Эйва была всего лишь ребенком, а он, Мейкон, — взрослым. И он ничего не заметил. Был невнимателен, слишком занят своими делами и не понял, что приближается беда.

В смерти жены он винил одного себя. Винил себя каждый божий день, сам того не сознавая. И только сейчас, когда плачущая дочь корила себя за то, в чем она была не виновата, он наконец понял это.

— В случившемся нет нашей вины, — твердо сказал Мейкон. — Мы оба с тобой ее любили. И она это знала и любила нас. Любовь — это все, что мы можем иметь в жизни.

Обратный путь оказался долгим и извилистым. Мейкон нес бесчувственную Эйву на руках. Стоило им показаться на опушке леса, как толпа, радостно вопя, кинулась им навстречу.

Он сразу же вызвал «Скорую помощь». То ли потому, что звонок исходил от шерифа, то ли из-за всеобщего преклонения перед «чудо-ребенком», медики прибыли незамедлительно.

Уош ни на секунду не выпускал Эйву из вида. Со всех сторон неслись предложения отвезти ее в больницу. Девочку положили на носилки, следом в карету «Скорой помощи» забрался Уош с Мейконом, и машина отправилась по горной дороге. На пути опять были заторы, но, едва заслышав, что в автомобиле — Эйва, все расступались.

— Ох и напугали вы нас, детишки, — сказал фельдшер «Скорой», следя за показаниями приборов, к которым подключили Эйву. — Просто поверить не могу, что мне посчастливилось стать причастным к твоему спасению, — улыбнулся он девочке.

За окном проносились горные склоны. По мере того как машина приближалась к двухполосному шоссе на Стоун-Темпл, все чаще сверкали фотовспышки. Мир не собирался так просто отпустить Эйву. Она знала, что и в Эшвилле будет то же самое: жаждущие толпы, неотвязные, как репы, журналисты, требующие поведать им всю подноготную. Ничего, она их разочарует. А пока ей просто нужно держаться.

— Вы не слышали, как там моя жена? — поинтересовался Мейкон у фельдшера.

— А кто ваша жена? — рассеянно спросил тот, сосредоточенный на состоянии Эйвы.

Ругнувшись вполголоса, Мейкон достал сотовый. Кармен на вызов не ответила. Он позвонил Бренде, но с тем же результатом.

— С Кармен все в порядке? — спросила Эйва.

— Наверняка, — поспешно сказал шериф. — Они с Брендой в больнице. Вот доберемся, устроим тебя и сходим ее проведать.

— Наверное, малыш уже родился? — поинтересовался Уош.

— Не знаю, — ответил Мейкон. — Я вообще ничего не знаю.

300

Наконец толпы людей остались позади, дорога устремилась вниз по склону. Фельдшер достал из кармана сотовый и принялся кому-то звонить:

— Здесь она, — гордо объявил он. — Прямо в моей машине. Невероятно, да?

Мейкон без объяснений выхватил у него телефон, швырнул на пол и раздавил каблуком ботинка.

Уош возненавидел и этого фельдшера, и его невидимого собеседника. Сейчас он ненавидел всех, кто жадно ждал их возвращения, собравшись у подножия горы. Всех тех, кто заявился в Стоун-Темпл, ища спасения, и тех, кто остался дома перед телевизором или экраном компьютера, следя за новостями о пропавшей девочке. В этот момент Уош ненавидел целый свет.

— Жаль, что нам не удалось, — прошептал он. — Не удалось убежать.

— А мы и не собирались, — мягко шепнула в ответ Эйва.

Ее голова покачивалась на изголовье кушетки. Густые волосы, словно бархатистой короной, обрамляли темное гладкое лицо. Эйва казалась собственным портретом.

— Я думал, ты уснула. — Уош даже вздрогнул от неожиданности.

— Уснула. Но проснулась от твоего голоса.

— Прости.

— Не глупи, я вовсе не то имела в виду. — Она закашляла сухим, лающим кашлем. — Я по-другому слышала твой голос, совсем как тогда, в больнице. Тогда у тебя был прекрасный голос.

Эйва дрожала. Уош попросил у фельдшера еще одно одеяло. В заднем стекле светились фары машин, по пятам следовавших за «Скорой» с «чудо-ребенком».

— Не обращай на них внимания, — посоветовала она.

— Тебе лучше? — спросил Уош.

— Нет. А ты пахнешь сосновой хвоей. — Она едва слышно рассмеялась.

Уош отвернулся к окну. Гора осталась позади, впереди показались огни города. Время от времени они проезжали мимо припаркованных у обочины машин. Новость об Эйве, которую везут в Эшвилль, уже широко распространилась, начали подтягиваться зеваки и репортеры. Некоторые держали плакаты, другие просто орали и хлопали в ладоши, завидев полицейскую машину сопровождения.

— Прости меня, — повторил Уош.

— За что?

— За то, что я так радовался, когда все это только началось. За то, что ничего не знал, — в общем, за все.

— А хочешь кое-что узнать?

— Конечно!

— На самом деле я не против «Моби Дика». Не такая уж это и плохая книжка.

Уош улыбнулся и тут же отвел глаза, но Эйва этого не заметила.

— Что же, приятно слышать, — сказал он. — Как по мне, так это самая замечательная книжка на свете.

— Ну да, все так говорят. Спасибо, что пошел со мной. И за то, что развел огонь.

— Нам же надо было согреться.

— Я тогда не спала. То есть не совсем спала. Я смотрела на тебя. Видела, каким стало твое лицо, когда ты разжег огонь. Ты был очень испуган, но не сдавался.

— Могла бы встать и помочь, — пошутил Уош.

— Мне просто нравилось на тебя смотреть. На то, каким было твое лицо.

— Сперва ты говоришь, что я пахну сосновыми иголками, — захихикал Уош, — теперь — что не могла оторваться от зрелища моей физиономии. Где та Эйва, утверждавшая мне, что я похож на зефирину из «Охотников за привидениями»?

— Она и я — один и тот же человек, — ответила Эйва.

Они замолчали. Уош задумался о смысле их разговора. Никогда еще она так с ним не говорила. В ее словах

сквозила какая-то недомолвка. Словно Эйва выбросила белый флаг, отказавшись от сопротивления тому, против чего долго сражалась. Все эти разговоры о том, чем он пахнет и какое у него лицо, напоминали попытки покрепче запомнить, как он выглядит.

И тут Уош все понял.

— Эйва! — резко воскликнул он. — Открой глаза.

Она не подчинилась. По ее губам скользнула улыбка, хотя лицо выглядело испуганным.

— Эйва, ну пожалуйста.

Уош сжал ее руку, и она медленно подняла веки. В мельтешении уличных фонарей он увидел, что ее глаза сделались такими, как тогда, в Эшвилле, подернулись белесой дымкой, превратившись в два озера, в которых отражается зимнее небо. Ни жив ни мертв, Уош прошептал:

— Эйва, ты снова ничего не видишь?

На подъезде к госпиталю Эйву стошнило. Открылись дверцы кареты «Скорой помощи», и в глаза им бросились толпы любопытных. Вид Эйвы отнюдь их не усмирил. Они истошно выкрикивали ее имя, просили обернуться, посмотреть на них, чтобы сделать интересное фото.

Медсестры бегом покатали каталку в приемный покой. Уош бросился следом. Кто-то сказал, что он не может пойти с ней, Мейкон их осадил.

— Он войдет, — жестко приказал шериф.

Толпа зевак слилась в сплошную орущую стену из ослепительных фотовспышек. Ряд полицейских, взявшись за руки, с трудом сдерживал напор.

Эйва не могла видеть огни и людей, но чувствовала этот накал страстей. Словно о берег бился океанский прибой. Через все это безумие до нее долетал знакомый, спасительный, как луч маяка, голос Уоша, точь-в-точь как тогда, в палате.

— Мы тебя починим, малышка, — бодро сказал Мейкон.

— Ага, — ответила Эйва.

304 Окружающая ее тьма была кошмаром. Оставалось только порадоваться, что ни Уош, ни отец не понимают, какое мучение она испытывает. Боль преследовала ее с самого начала всей этой истории: непреходящая пустота в костях и крови, как будто часть ее тела перестала существовать. Эта боль постоянно возрастала, заполняя ее всю, будто песок. Другое дело, что теперь Эйва лучше могла ее контролировать, научилась справляться с ней, пропуская через себя маленькими капельками, а не всю разом.

— Ну, вот мы и на месте, — сказал Мейкон, переложил дочь на кушетку и погладил по голове.

Шериф осмотрелся в поисках врача, но ни одного не увидел. В больницу поступило слишком много пациентов из Стоун-Темпла, причем — с серьезными ранениями. Взрыв и последовавший за ним пожар оказались гораздо серьезнее, чем ожидал шериф. Наверное, все врачи были заняты, выполняя свой долг и помогая больным. Здесь и там люди звали медсестер, кого-то срочно отправляли в хирургию. Вокруг бурлил людской водоворот.

Мейкон разрывался на части. Он должен был помочь дочери, но еще ему нужно было срочно найти жену.

— Проклятые коновалы, — сокрушенно пробормотал он.

— А где Кармен? — спросила Эйва.

— Вот хочу пойти поискать ее. Побудешь минутку одна? Я быстренько. — Мейкон чмокнул дочь в лоб. — Только схожу посмотрю, как она там.

Подошла медсестра и начала осматривать Эйву. Сказав ей что-то на ухо, шериф побежал на поиски Кармен. Он чувствовал себя дрянным отцом и мужем. Все у него шло вкривь и вкось. Оставлять дочь ужасно не хотелось, но и Кармен без него так долго не могла.

А ведь дело может повернуться так, что он разом потеряет и жену, и детей.

305

Правильного решения не существовало, он мог только плыть по течению.

— Где Кармен? — вновь спросила Эйва, когда отец ушел.

— Откуда мне знать? — пожал плечами Уош, затравленно оглядываясь по сторонам, как только что Мейкон. Ничего интересного он не увидел.

— Я не тебя спрашиваю, а медсестру, — тихо заметила Эйва.

— Что-что? — Женщина, измерявшая Эйве давление, подняла глаза.

— Вы меня знаете? — спросила ее Эйва.

Она не видела медсестру, но представила доброе лицо, чем-то напоминающее лица матери и Кармен.

— Конечно, знаю, — ответила та с оттенком благоговения в голосе. — Кто же не знает «чудо-девочку»?

— Вы не поможете мне разыскать мачеху?

— В таком состоянии ты не можешь никуда идти, — уверенно-профессиональным тоном возразила женщина, сразу почувствовав почву под ногами.

Пациенты, порывающиеся в разгар медосмотра встать и куда-то убежать, — самое обычное дело. Раненые упрямы, как ослы, хотя ты просто пытаешься им помочь.

— Ну, пожалуйста, — заныла Эйва. — Я так за нее волнуюсь...

306

И тут послышался треск фотокамер.

— Убирайтесь отсюда! — закричала медсестра.

Но камеры продолжали щелкать, чьи-то голоса принялись выкрикивать имя Эйвы. Видимо, в больницу прорвались-таки репортеры. В любом случае медсестра все равно не позволила бы Эйве встать.

Проблему разрешил Уош.

— Она хочет увидаться с матерью! — патетически воскликнул он.

Эйва вообразила лицо медсестры в этот момент. Щелканье камер сделалось громче.

— Она хочет повидаться с отцом и матерью, а эта женщина не желает ее к ним проводить! — вновь закричал Уош.

Точно так же, как когда-то и Мейкон, он сообразил, что даже из неотвязного внимания прессы можно извлечь пользу.

Медсестра принялась протестовать. Однако Уош повторял свою последнюю фразу, пока та не превратилась в публичное обвинение. Женщина тоже не могла сбросить прессу со счетов.

— Ну, ладно, — согласилась она наконец.

Эйву усадили в кресло-каталку и повезли по коридорам больницы. Уош трусил позади. Эйва устала, замерзла и отвратительно себя чувствовала, а все эти люди выкрикивали ее имя, умоляли помочь им, излечить. Она же могла думать только о Кармен.

— Что вы здесь делаете? — воскликнул Мейкон, когда они появились в дверях палаты. — Зачем вы ее сюда привезли? — накинулся он на медсестру. — Врач ее уже осмотрел?

307

— Она не виновата, — заступился за женщину Уош. — Это я заставил ее проводить нас сюда. Эйва так захотела.

— Простите меня, — сказала медсестра, — я просто не знала, что делать. Ваша дочь настоятельно требовала проводить ее к мачехе. Я пыталась отговорить, но они... вдвоем...

— Убирайтесь! — рявкнул шериф. — И живо приведите доктора!

Медсестра пулей вылетела в коридор.

— А где ребеночек? — спросила Эйва.

Она сидела в своем кресле, держась за живот. Из-за слепоты она не могла видеть кувез, рядом с которым стоял плачущий Мейкон, и крошечное, сморщенное

тельце внутри, опутанное шлангами и трубками, борю- щееся за каждый вздох.

— Здесь, — отозвался Мейкон, и обычную твер- дость в его голосе сменила слабость перепуганного отца. — Теперь у тебя есть сестричка, Элизабет. Она прекрасна, как ты и Кармен. — Он умолк. — И она бо- рется за свою жизнь. У нее кровь в легких.

— Позволь мне помочь ей, — попросила Эйва.

Ее слова тяжким грузом повисли в воздухе, они на- чали разрастаться, заполняя собой все пространство, да так, что у Мейкона перехватило дыхание.

— Нет, — проговорил он дрожащим голосом. — Это тебя убьет. Хватит с меня и того, что я потерял твою мать. — Он не отрывал глаз от ребенка. — Боль- ше я никого не хочу терять. Никого.

— Папа! — позвала Эйва, выпрямившись в кресле и стараясь выглядеть крепче, чем была на самом деле.

Она хотела убедить отца позволить ей сделать то, что его так пугает, и доказать ему, что во всяком слу- чае выживет после исцеления младенца. Что все будет в полном порядке и вся их семья переживет эту ночь. Ей было нужно внушить это отцу, хотя сама Эйва не слишком-то в себя верила. Мейкон не ответил.

— Пап, — повторила она, — ничего со мной не случится, никуда я от тебя не денусь. Ну, позволь мне помочь сестричке, вылечить Элизабет.

С помощью Уоша она поднялась с кресла, и они по- дошли к кувезу с младенцем.

Мейкон хотел ее остановить, но не смог сдвинуться с места. В глубине души он знал, что Эйва, как бы она ни

храбрилась, тяжело больна. Но что тогда будет с другой его дочерью? С Элизабет? Если Эйва в силах помочь малышке, почему бы не позволить ей попытаться? Ему одинаково претило как потерять одну из дочерей, так и потерять их обеих.

Он оказался между Сциллой и Харибдой, чувствуя себя парализованным.

— Она сейчас прямо перед тобой, — прошептал Эйве Уош и нажал на защелки крышки кувеза. — Вот здесь, — сказал он, осторожно направляя ее руку.

Эйва нащупала край бокса. Он был холодным. Ее пальцы коснулись мягкого одеяльца. Она медленно вела рукой, опасаясь навредить малышке, вместо того чтобы вылечить. Младенец оказался странно мягким, почти таким же, как одеяльце, которым он был укрыт. «Какой он слабый и хрупкий», — подумала Эйва.

— Слушай... — начал было Уош.

Эйва его перебила:

— Спокойно, Уош.

Она положила ладонь на грудь младенца.

То, что произошло потом, напоминало оползень в горах. Воспоминания обрушились на нее со всех сторон. Все-все, что она забыла о матери после ее самоубийства, вернулось, как будто с грохотом распахнулась запертая дверь. Эйва вспомнила ночь, когда к ним «в гости» ломился медведь и как они стучали в кастрюли, чтобы его напугать. Вспомнила поездку на ярмарку, как отец нес ее на плече, как улыбалась в ночи мать и как потухла ее улыбка. Именно с того момента Эйва начала понимать свою маму. Еще она вспомнила, как они вдво-

ем копали яму на заднем дворе, как купили головоломку на распродаже... Все это нахлынуло, и она впервые в жизни увидела Хизер такой, какой та была: всю ее эйфорию, весь ее ужас, приливы и отливы эмоций, резкие переходы от счастья к отчаянию. Разом увидев все это, Эйва внезапно поняла.

Перед ее глазами промелькнула целая жизнь. И теперь, уяснив целостность этой жизни, Эйва могла проследить долгий, извилистый путь, который привел мать к стропилам сарая. В случившемся действительно не было ничьей вины. Она любила мать, а та любила ее. Просто иногда случается так, что любовь приводит человека к итогу, которого в иных обстоятельствах никто себе не пожелает. Это судьба, а не чья-либо вина. Эйва узнала, что в мире случаются не только необъяснимые чудеса, но и бессмысленные ужасы.

310

— Мы тебе поможем, Эйва, — произнес Уош.

Его голос был низким и далеким, словно призывный крик ночной птицы. Уош сжал ее пальцы, и Эйва в ответ сжала его ладонь. Она не помнила, когда они толком разговаривали в последний раз.

— Ты сделала это, — скорбно произнес он. — Исцелила малышку.

— Ну и хорошо, — медленно проговорила она.

Темнота никуда не делась, зато боль ушла, сменившись каким-то онемением. Эйве казалось, что ее тело уплывает прочь, все дальше и дальше. Жаль было только, что она не может увидеть лицо Уоша.

— Не уходи... — шептал тот со слезами в голосе.

Эйва услышала его слезы так ясно, словно видела собственными глазами.

Где-то очень далеко кричал Мейкон. Он требовал врача, требовал, чтобы все все бросили и немедленно бежали сюда. Затем звук его голоса потерялся в темноте, не поспевая за ее телом. Ног Эйва не чувствовала, руки тоже сделались скорее воспоминанием: так, жалкие ниточки из пыли, плывущей в воздухе. Она изо всех сил держалась за голос Уоша.

— Поговори со мной, Уош, — попросила она.

— О чем?

— Почитай мне что-нибудь.

Эйва ощутила тяжесть своей грудной клетки, медленно поднимавшейся вверх и опускавшейся вниз. Она попыталась зацепиться за этот ритм: вверх, вниз... вверх... вниз... Вес сохранялся, но движение становилось все медленнее, тогда как время галопом несло вперед.

— Где твой ненаглядный «Моби Дик»?

Уош рассмеялся. А может, это был плач?

— Не буду, — сказал он. — Если по правде, я ненавижу эту книгу. С первой страницы возненавидел. — Его голос звучал виновато, как будто он признавался в том, что его долго мучило. — Сам не понимаю, как меня угораздило. Ведь это неправильно. Мне хотелось, чтобы ты считала меня умным, а «Моби Дик» — как раз такая книга, которая нравится умным людям.

Эйва рассмеялась, надеясь, что смех не прозвучит издевательски. Она ведь вовсе не издевалась. И ей опять стало жаль, что она не видит его лица.

— Я это знала, — сказала она.

— Почему тогда ничего мне не говорила? — Он тоже рассмеялся, на сей раз от чистого сердца. — К чему были все мои страдания?

— Потому что мне нравится слышать твой голос, и без разницы, что ты при этом читаешь.

Ощущение движения в груди начало пропадать. Эйва поняла, что легкие останавливаются.

— Просто поговори со мной, Уош, — попросила она. — Или лучше спой. Мне хочется еще немного послушать твой голос.

— Во всех моих песнях кто-нибудь умирает, — возразил он.

312

Эйва разговаривала медленно, будто каждое слово камнем давило на ее сердце. Уош откашлялся и запел песню, которую она никогда прежде не слышала. Трогательную и печальную балладу о мужчине и женщине, любви и потерях, о кратком миге между любовью и утратой, о звездах, освещающих ее тело, лежащее на берегу медленной реки, и о том, как он обнимал ее, умоляя судьбу, чтобы все закончилось иначе.

Уош пел прекрасно, его голос был чист и глубок. Не дрожал и не срывался, как обычно. Эйва услышала всю историю, описанную в песне, та сама собой разворачивалась в темноте под ее закрытыми веками. Слова сияли, будто море светлячков.

Песня прервалась на половине, и Эйва услышала, что Уош плачет.

— Не реви, Уош, — попросила она.

— Я и не реву, — ответил он, шмыгая носом. — Не беспокойся, с тобой все будет в порядке.

— И с тобой тоже, — тихо произнесла Эйва.

Уош замолчал. Сложил воедино все обрывки той ночи, и грозная правда окатила его, словно ведро ледяной воды.

— Это там на горе, да? Ты это сделала, пока меня целовала. — Его голос зазвенел. — А потом тебе стало плохо. Ты меня исцелила во время поцелуя? Поэтому снова заболела, да? — Он сдавленно сглотнул. — Ты не должна была этого делать, — тускло закончил Уош.

— А чем заканчивается песня? — спросила Эйва.

— Что?

— Эта твоя песня. Чем она заканчивается?

— Тем же, чем и все подобные песни, — помедлив, ответил Уош.

Его голос сделался совсем стариковским, словно все непрожитые годы навалились на него. Словно его детство внезапно и навсегда закончилось.

— Но у этой песни будет иной конец, — добавил вдруг он, усилием воли прогоняя тоску из голоса.

И без промедления запел. Горе и смерть никуда не делись, однако история на них не закончилась. Она оказалась балладой о любви и возрождении. Когда уже казалось, что влюбленные разлучены навеки, эти двое смогли разыскать друг друга и прожили долгую и счастливую жизнь.

Вдвоем.

Онемение в ногах и руках Эйвы исчезло. Слепая темнота стала только глубже, Эйва чувствовала, что с невообразимой скоростью летит сквозь нее, свободная, как птица. В этом полете не было страха, потому что

она летела на призывный голос Уоша. Этот голос стал всем: ее звуком и ритмом, той частицей души мальчика, которую Эйва никогда бы никому не отдала, даже если бы пришлось оспаривать ее у самой смерти. Его голос притягивал Эйву к себе, сделался маяком, светом в конце темного туннеля. И она устремилась на этот свет, на голос мальчика, которого любила.

314

Был ноябрь, месяц осенней ярмарки. Стоун-Темпл веселился в последний раз перед тем, как долгая зима с ее морозными вьюжными ночами должна была погрузить город и его обитателей в летаргию. Каждый год горожане собирались на широком поле в горной котловине и сооружали трибуны вокруг заброшенной силосной башни. Потом приезжали торговцы, жарили поп-корн и «хворост», пахло сахарной ватой, пирогами, развешивались чудесные гирлянды, которые детям из маленьких городков нечасто доводится увидеть в своих медвежьих углах.

В ярмарке принимал участие весь город. Когда Эйве исполнилось шесть, родители решили, что она уже достаточно выросла, чтобы все хорошенько запомнить. Они укутали ее как следует, чтобы не продуло на холодном северном ветру после заката, когда загорятся праздничные огни, и повезли на ярмарку.

Большую часть праздника Эйва пребывала в полнейшем изумлении. Ей открылись опьяняющие картины, звуки, запахи сладостей и засахаренных фруктов, которые так редко ей позволялись. Впервые в жизни Эйва прокатилась на чертовом колесе. Запрокинув

голову, она старалась разглядеть самолетик, выплывавший замысловатые кренделя в закатном небе. Он то взмывал в небесную синеву, то падал вниз в золото и пурпур заката, пока не исчез в черноте ночи. Комментатор, сидевший на силосной башне, сообщил, что уже слишком темно. Пилот лихо посадил свой самолетик на дальнем краю поля, толпа восторженно завопила. Эйва спросила у отца, как может летать самолет, а он загадочно улыбнулся и ответил:

— Чего только не бывает на свете.

Уже после колеса обозрения, когда ночь накрыла землю своим покрывалом, Эйва увидела мальчика. Она стояла с родителями в очереди за сахарной ватой и вдруг обнаружила его прямо перед собой. Мальчик смотрел на нее с любопытством. Он был маловат для своего возраста и очень бледен, волосы темные, нос острый, и ко всему прочему — сосал большой палец.

Вокруг стоял нескончаемый гомон: болтали люди, кричали зазывалы, приглашая всех желающих испытать свою удачу или купить билеты в дом с привидениями, и так далее, и так далее. Целое море звуков, временами таких громких, что у Эйвы закладывало уши. Несмотря на это, она услышала голос мальчика совершенно отчетливо, тот вытащил палец изо рта, приветливо помахал ей рукой и произнес:

— Привет. Меня зовут Уош.

— А меня — Эйва, — ответила она.

Уош шагнул к Эйве, осторожно взял ее за руку, как делают все маленькие дети, и спросил:

— Придешь ко мне в гости поиграть?

Эйва радостно закивала.

Их родители посмотрели на своих отпрысков и расхохотались легко и беспечно.

— Друзья навек, — пошутил отец Уоша, и взрослые снова засмеялись.

Дети, не отрывая друг от друга глаз, тоже заулыбались, увлеченные восторгом родителей. Они разделили поровну порцию сахарной ваты и с тех пор уже не расставались. Так и ходили, взявшись за руки, среди блеска и огней. Разговаривали, строя будущее, которое их ждало впереди.

Эйва очень старалась как можно дольше не выпускать ладошку Уоша. Тем вечером она дала себе клятву, что никогда-никогда его не покинет.

Благодарности

ВЫРАЖАЮ ГЛУБОЧАЙШУЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Мишель Брауэр и Эрике Имраньи, моим агенту и издателю, лучше которых автору и пожелать нельзя. Позвольте также виртуально обнять Эрику за ее редакторскую работу. Добрых дел, которые она для меня сделала, — неисчислимое множество, но я помню и ценю их все.

317

Посылаю также привет шайке, именующей себя моими друзьями и родственниками, за их любовь, поддержку и терпение. Ребята, вас слишком много, чтобы перечислить всех поименно, но я надеюсь, вы и сами знаете, как я вас люблю и как благодарен за то, что вы есть.

В заключение я бы хотел особо поблагодарить моих читателей и преданных поклонников. По крайней мере в прошлом году я встретил немало замечательных и сердечных людей, которым бесконечно благодарен за их доброту.

Оглавление

Глава 1	9
Глава 2	33
Глава 3	69
Глава 4	101
Глава 5	130
Глава 6	157
Глава 7	194
Глава 8	230
Глава 9	266
Глава 10	291
Благодарности	317

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание
едеби-көркемдік баспа

НОВИНКИ ЗАРУБЕЖНОЙ МИСТИКИ

Джейсон Мотт

ИСЦЕЛЯЮЩАЯ

Ответственный редактор *Г. Батанов*
Литературный редактор *О. Овчинникова*
Художественный редактор *С. Власов*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *М. Маврина*
Корректор *Н. Овсяникова*

ООО «Издательство «Э»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.
Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86.
Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а., литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайты Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 04.09.2017. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Гарнитура «Literaturnaya». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0.
Тираж 2500 экз. Заказ 8334.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Однажды во время авиашоу происходит трагедия — самолет падает в толпу зрителей. Когда дым рассеивается, спасатели находят тринадцатилетнюю девочку Эву целой и невредимой, а рядом ее друга Уоша с сильным кровотечением. Девочка накладывает на него руки, и его раны исцеляются. Это ее странная, мистическая способность, о которой никто не знал до катастрофы. Теперь Эва в центре внимания всей страны — газетчики, журналисты с ТВ, блогеры — все требуют ее внимания. А самое главное — сотни несчастных больных, желающих излечения от чудо-ребенка, стекаются в ее маленький городок. Но они не знают, что за каждое исцеление она платит невероятную цену, принимая на себя болезни и страдания. Вскоре ей предстоит решить, от чего отказаться ради спасения любимых.

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

ISBN 978-5-04-088788-0

9 785040 887880 >

